

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ САГА
О ЖЕСТОКОМ И ПРЕКРАСНОМ ДРЕВНЕМ МИРЕ

ДЖИН М. АУЭЛ

Бестселлер высшего класса... Потрясающая работа воображения.
Daily Express

Замечательно, будоражит воображение, увлекает.
The New York Times

КЛАН ПЕЩЕРНОГО МЕДВЕДЯ

Дети Земли

Джин Ауэл

Клан Пещерного Медведя

«Азбука-Аттикус»

1980

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ауэл Д. М.

Клан Пещерного Медведя / Д. М. Ауэл — «Азбука-Аттикус»,
1980 — (Дети Земли)

ISBN 978-5-389-18787-0

Эта захватывающая сага о жестоком и прекрасном Древнем мире принесла ее автору Джин М. Ауэл всемирную известность и стала одним из самых читаемых литературных произведений нашего времени. Книги, входящие в серию «Дети Земли», были изданы многомиллионными тиражами во многих странах мира. Стихийное бедствие приводит к гибели соплеменников пятилетней Эйлы, и малышка вынуждена скитаться одна по чужой и полной опасностей земле. Бесчувственную и умирающую от ран, нанесенных пещерным львом, ее находят люди клана Пещерного Медведя, сильно отличающиеся от ее собственного рода. Белокурая и голубоглазая Эйла кажется им невероятно уродливой и странной. Тем не менее целительница Иза проникается жалостью к несчастному ребенку. Она выхаживает Эйлу и помогает ей стать полезной для клана, передав свои знания. Однако злобный и высокомерный юнец, которому вскоре предстоит стать вождем клана, воспринимает каждый поступок Эйлы как вызов своему авторитету. Он делает все возможное, чтобы жизнь ненавистного ему существа стала невыносимой...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18787-0

© Ауэл Д. М., 1980
© Азбука-Аттикус, 1980

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	63
Глава 8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джин М. Ауэл Клан Пещерного Медведя

Jean M. Auel
THE CLAN OF THE CAVE BEAR
Copyright ©1980 by Jean M. Auel
All rights reserved

thebigbook.

Серия «The Big Book»

Перевод с английского Екатерины Большелаповой, Татьяны Кадачиговой
Оформление обложки Виктории Манацковой

© Е. Е. Большелапова, перевод, 1998

© Т. Б. Кадачигова, перевод, 1998

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

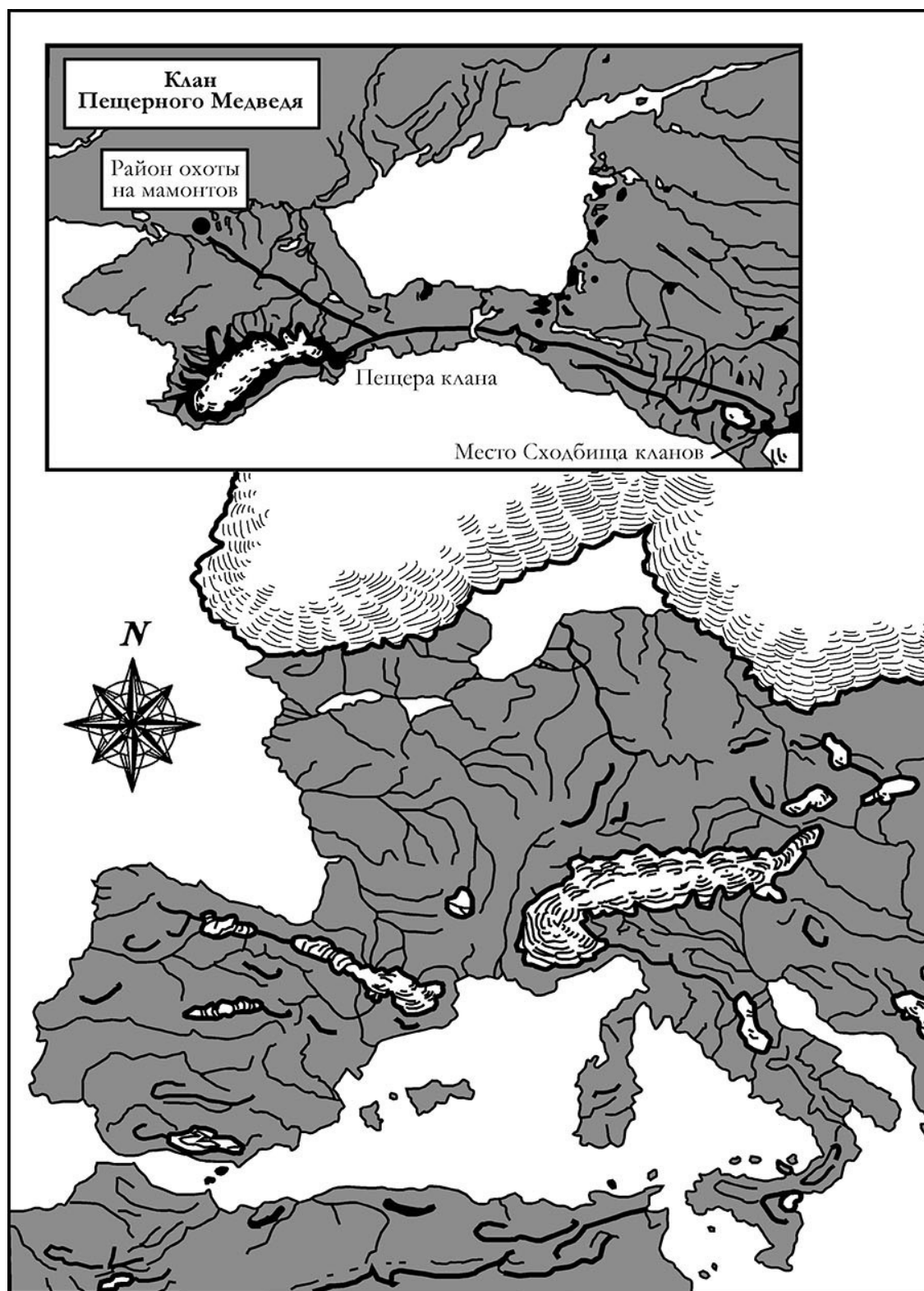
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Тебе.
Рэй, мой лучший критик и друг*

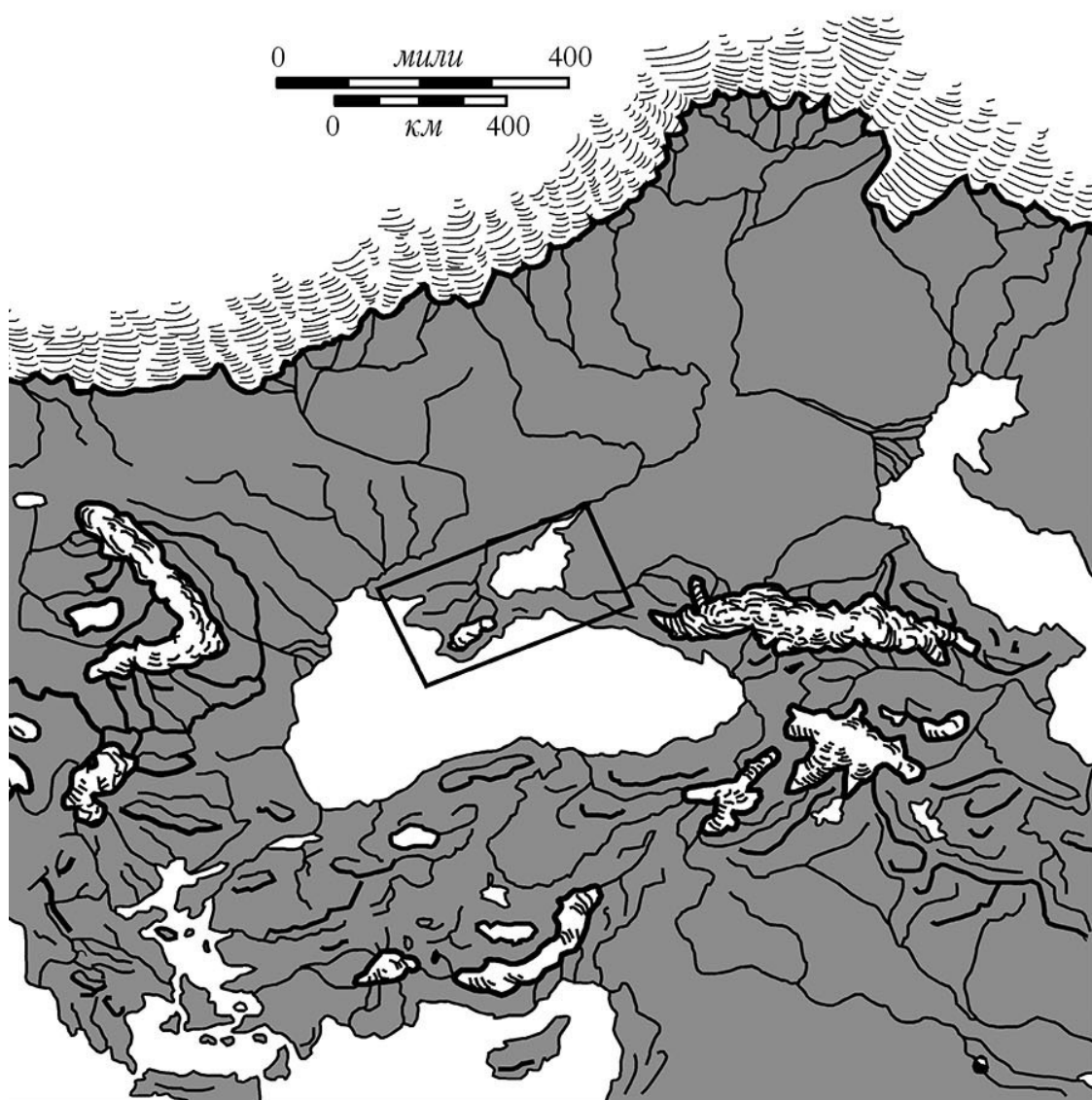

Дети Земли

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЕВРОПА ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Границы вечных льдов и очертания береговых линий
на протяжении 10 000 лет интерстадиального потепления
во время вюрмского оледенения эпохи позднего
плейстоцена (35 000–25 000 лет до н. э.)

© 1980 by Rafael Palacios after Auel

Глава 1

Из-под навеса, огороженного шкурами животных, выскочила обнаженная девочка и побежала к скалистому берегу речки. Ничто не подсказало ей оглянуться. В ее жизни еще не было повода усомниться в надежности своего жилища и в том, что все будет по-прежнему, когда она вернется.

Она была уже в воде, когда камни и песок вдруг вздыбились под ногами и берег резко откололся. Холодная вода накрыла малышку с головой, но та вскоре выплыла и уверенно погребла к противоположному, почти отвесному берегу. Плавать она научилась раньше, чем ходить, и в свои пять лет без труда держалась на воде: обычно именно так приходилось перебираться через реку.

Немного порезвившись в воде, девочка предалась ее течению. Когда река заметно расширилась и забурилась, разбиваясь о подводные камни, маленькая купальщица встала на ноги и побрела к берегу, где принялась собирать в кучку красивые камешки. Едва завершив свое строение, она вдруг почувствовала, что земля дрожит. Верхний камень сам по себе покатился вниз, и девочка в изумлении вытаращила глаза на трясущуюся и рассыпающуюся пирамидку. Лишь тогда она поняла, что дрожит и сама, но это ее скорее озадачило, нежели встревожило. Оглядываясь в недоумении, она никак не могла взять в толк: что происходит с ее вселенной? Ведь земле не положено двигаться.

Через несколько мгновений каменистое дно сместилось поперек течения, взбаламутив воду, и речная гладь покрылась беспокойными волнами, которые заплескались по берегам. В верховье реки, словно взволнованный некой подземной силой, затрепетал кустарник. В нижнем течении как-то по-странному закачались валуны, а окаймлявшие речку величавые сосны изрядно покосились. Гигантская сосна с обнаженными после весеннего половодья корнями, что росла у самой воды, с громким треском рухнула на другой берег и затряслась на дрожащей земле.

От этого звука девочка вздрогнула. Внутри ее будто что-то перевернулось, и впервые в каком-то уголке сознания она ощутила страх. Она попыталась встать, но не удержалась на ногах и упала назад. Вновь поднялась, на этот раз сумела устоять, но не решилась двинуться с места.

Едва она сделала шаг в сторону своего жилища, как тихий рокот сменился грозным ревом. Из разверзшейся перед ней земли пахнуло гнилью и сыростью – так поутру смердят глубокие трещины в почве. Планета, расплавленная под холодной оболочкой, продолжала сотрясаться в конвульсиях, а пропасть становилась все больше и больше, заглатывая в себя комья грязи и камни. Зрелище это повергло ребенка в смятение.

Вскоре навес оказался на краю бездны. Почва под ним отделилась, легкие распорки неуверенно покачнулись, развалились и вместе со всем содержимым исчезли в глубокой дыре. При виде того, как жадная пропасть поглощает все, что для пятилетнего ребенка было нерушимо и значимо, девочку охватил дикий ужас.

– Мама! Ма-а-а-ма-а-а! – закричала малышка, осознав случившееся.

И не знала она, услышала ли в ответ чей-то возглас или это был ее собственный голос, однако и его заглушил грохот рушившейся скалы. Девочка поползла к краю пропасти, но вставшая твердь откинула ее назад. В надежде найти хоть какую-то опору она что было силы вцепилась в дрожащую вспученную землю.

Наконец страшная пасть захлопнулась, грохот прекратился и все успокоилось. Все, кроме девочки. Уткнувшись лицом в сырую землю, которая только что сотрясалась в припадке, бедняжка вся дрожала от страха. На это у нее была причина.

Она осталась одна во всем мире, одна среди дикой природы. С севера надвигался ледник, навевающий лютый холод. Повсюду в поисках добычи рыскали хищные звери, людей же в степях можно было пересчитать по пальцам.

Земля вновь дрогнула, как бы переваривая заглоченную пищу. В ужасе девочка вскочила на ноги, боясь опять увидеть страшную пасть. Взглянула туда, где был навес, но на его месте валялись лишь комья сырой земли и выкорчеванный кустарник. Со слезами она бросилась к речке и долго плакала, сидя у мутной воды.

Однако сырые берега не в силах были укрыть ее от разбушевавшейся стихии. Последовал еще один толчок, на этот раз более мощный. Волна окатила ребенка и заставила вновь вскочить на ноги. Но где найти спасение, куда бежать от этой ненасытной безумной земли?

Поблизости на скалистом берегу не было ни травинки, но в верховье речки зеленел молодой лиственный густой кустарник. Инстинкт подсказывал девочке держаться воды, но преграждавшие путь заросли ежевики казались непроходимыми. Тогда она перевела взгляд в противоположную сторону, где темнел хвойный лес.

Следов землетрясения там почти не было видно, если не считать множества накренившихся деревьев. Некоторые из них упали, иные же как бы слегка привалились к соседним. Северный лес казался девочке столь же негостеприимным, как и ежевичный кустарник. Она не знала, куда идти, и в нерешительности глядела то в одну сторону, то в другую.

Ощувив толчки под ногами, малышка поняла, что пора двигаться. Напоследок она с тоской взглянула на опустевший ландшафт, все еще наивно надеясь увидеть на прежнем месте родной навес, но чуда не свершилось, и девочка побежала к лесу.

Подземное брожение еще долго сопровождало ее. Она бежала от этого кошмара, останавливаясь только затем, чтобы попить воды. Выкорчеванные стихией деревья выставили облепленные грязью и камнями корни на всеобщее обозрение, обнажив насиженные места, которые то и дело приходилось обходить.

Ближе к вечеру бурелом на пути стал попадаться все реже и реже, а вода в реке очистилась. Когда совсем стемнело, так что дорогу было невозможно различить, вконец изможденная малышка рухнула наземь. Погрузившись в ковер из опавших хвойных иголок и дрожа от ночной прохлады, она свернулась клубочком, пытаясь уснуть.

Однако, несмотря на усталость, сон к ней не шел. В борьбе с трудностями, которые ей весь день приходилось преодолевать, бедняжка не ощущала ни страха, ни холода. Теперь же они овладели ею целиком. Боясь шевельнуться и даже вздохнуть, она во все глаза таращилась в ступающуюся тьму.

Никогда прежде ей не приходилось оставаться ночью одной. При встрече с мрачной неизвестностью племя всегда выручал огонь. Но к прошлому возврата не было. Не в силах справиться с щемящей болью малышка расплакалась. Вскоре слезы принесли ей утешение, и ее сморил сон. Какой-то ночной зверек обнюхал спящую девочку, но та этого даже не почувствовала.

Проснувшись она от собственного крика.

Земля все еще содрогалась, отдаленный рокот ее глубин вернул ребенка к жуткой реальности. Малышка вздрогнула, хотела было бежать, но с открытыми глазами видно было не больше, чем с закрытыми. Бедняжка не сразу вспомнила, где находится. Сердечко ее сильно забило: почему ничего не видно? Где те любящие руки, которые всегда успокаивали ее, когда она просыпалась ночью? Постепенно к ней пришло осознание случившегося, и, трепеща от страха и холода, она вновь зарылась в игольчатую постель. Рассвет застал ее в глубоком сне.

Девочка проснулась, когда утро было уже в разгаре, солнечные лучи едва просачивались сквозь густую хвою. Накануне с наступлением сумерек она ненароком отошла от реки далеко в сторону, а поутру, обнаружив себя в лесу, испугалась.

Жажда заставила ее искать воду, и отдаленное журчание вскоре привело ее к речке. Однако и здесь девочку не покидало то же ощущение потерянности, что и в лесу, но, двигаясь вдоль реки, она, по крайней мере, хоть куда-то направлялась, к тому же в любой момент можно было напиться. Если накануне малышка обошлась водой, то теперь ее одолевал голод.

Она знала, что люди едят какую-то зелень и коренья, но не умела отличить съедобные растения от несъедобных. Первый лист, который она рискнула отведать, оказался горьким и больно обжег ей язык. Девчушка тотчас выплюнула растение и, дабы избавиться от неприятного вкуса, прополоскала рот, однако сделать вторую попытку не решилась. Попила еще воды, чтобы приглушить голод, и пустилась дальше в путь. Дремучий лес вселял в нее ужас, и она старалась не удаляться от реки, где ярко светило солнце. Когда стемнело, она вырыла в игольчатой подстилке ямку и, свернувшись, устроилась в ней.

Вторая ночь прошла не лучше первой. Бедняжку всю колотило от холода, а в животе бурчало от голода. Никогда еще ей не было так жутко, так голодно, так одиноко. Пытаясь избавиться от горького чувства потерянности, она гнала воспоминания о прошлом из головы, как, впрочем, и всякие мысли о будущем, от которых едва не впадала в отчаяние. Что толку думать о том, что с ней будет и кто позаботится о ней?

Малышка жила одним мгновением, преодолевая очередное препятствие – речной приток или поваленное дерево. Следовать реке стало для нее самоцелью: не то чтобы это могло куда-то привести, но это давало хоть какое-то направление, какой-то смысл ее движению. А значит, было лучше, чем совсем ничего.

Постепенно голод стал брать свое, заглушая все мысли. Девчушка то и дело принималась плакать, и слезы торили белые бороздки на грязном лице. Ее обнаженное тельце сплошь покрылось коркой засохшей грязи, а белокурые волосы, красивые и блестящие, как шелк, спутавшись с хвойными иглами, прутьями и землей, жалко облепили голову.

По мере того как вечнозеленый лес переходил в лиственный, сменялась и почва: под ногами девочки игольчатый ковер уступал место труднопроходимому кустарнику, перемежавшемуся густой травой. От дождя девочка укрывалась под грудой поваленных деревьев, под валуном или выступом скалы, а однажды просто продолжала шлепать по грязи, подставляя пыльное тело под струйки дождя. На ночь она зарывалась в кучу прошлогодних листьев.

Поскольку недостатка в воде не было, обезвоживание, которое могло бы способствовать переохлаждению обнаженного тела, девочке не грозило, и все же силы у нее были на исходе. Голода она уже не ощущала, но время от времени у нее появлялось легкое головокружение, а тупая боль в животе не отступала ни на миг. Но она старалась об этом не думать, не думать ни о чем, кроме реки, просто идти вдоль нее, и все.

Малышка проснулась с первыми солнечными лучами, прокравшимися в ее уютное гнездышко, согретое за ночь. Встала и пошла к реке, чтобы напиться. После дождя ей улыбалось яркое солнце и ясное небо. Через несколько шагов она обнаружила, что берег постепенно забирает вверх. И когда она собралась напиться, то оказалось, что от реки ее отделяет отвесный обрыв. Она начала осторожно спускаться, но, не удержавшись на ногах, кубарем скатилась вниз.

Угодив в кучу грязи у самой воды, слишком усталая, слишком ослабшая и слишком несчастная, она была не в силах пошевелиться. Слезы градом хлынули у нее из глаз, и воздух сотрясли отчаянные вопли. Но их никто не услышал. Плач ее был мольбой о помощи. Но на него никто не откликнулся. Она не хотела вставать, не хотела идти дальше, но что еще ей оставалось делать? Не сидеть же в грязи и плакать?

Успокоившись, она растянулась у воды. Ощутив, что в бок ей впился какой-то корень, а в рот попала земля, она встала и вошла в реку, чтобы напиться, после чего продолжила свой путь, то неистово разгребая ветви кустарника, то ползком пробираясь по заросшим мхом стволам, то рьяно шлепая по воде.

Речка, обогащенная весенним половодьем и притоками, вскоре стала вдвое шире и глубже. Издалека доносился грозный рев, и лишь спустя некоторое время показался огромный водопад, образованный очередным притоком. За ним начинались пороги, и изрядно пополнившееся речное течение становилось бурлящим и быстрым.

Издавая оглушительный шум, вода белой стеной срывалась с высокого берега вниз в пенящийся, выдолбленный падающим потоком бассейн в скале и дальше сливалась с рекой, образуя водовороты и облако водяной пыли. Немногим раньше река, вдоль которой шла девочка, подточила отвесный скалистый берег. В месте, где его пересекал водопад, берег выступал над обрывом, образуя с внутренней стороны водного занавеса воздушный коридор.

Приблизившись, девочка осторожно заглянула внутрь влажного туннеля, после чего ступила за водную завесу. Вода падала, падала, падала, так что у бедняжки закружилась голова, и, чтобы не упасть самой, она вцепилась в мокрую скалу. С диким рокотом обезумевшая стихия неслась вниз, шумно разбиваясь о скалистую стену. Ужас охватил девочку, когда она посмотрела вверх. Медленно малышка поползла вперед.

Она прошла почти весь туннель, когда обнаружила, что, постепенно сужаясь, он вновь превращается в отвесную стену. Проход на этом заканчивался, и ей ничего не оставалось, как вернуться обратно. Девочка остановилась у входа в коридор и посмотрела на срывающийся с отвесной скалы водный поток. Другого пути не было.

Вода в реке оказалась холодной, а течение сильным. Доплыв до середины, девочка, отдавшись воле течения, благополучно миновала водопад и свернула к берегу. Плавание утомило ее, но зато она стала чище, правда ее спутанным волосам было мало проку от купания. Продолжила она свой путь немного бодрее, но ненадолго.

Для ранней весны день выдался необычайно теплым. На смену лесу и кустарнику пришли обширные прерии. Поначалу солнце радовало малышку своим теплом. Когда же раскаленный шар поднялся выше, его жгучие лучи изрядно поубавили у нее сил. К полудню она уже едва волочила ноги по песчаной тропинке вдоль крутого берега. Вода искрилась, переливаясь солнечными бликами, и в придачу бедняжку обдавал жаром и слепил ярким светом почти белый береговой песчаник.

Впереди на другом берегу реки простирался едва пробившийся сквозь землю травяной ковер, усеянный белыми, желтыми и фиолетовыми цветочками. Но девочку несколько не радовали прелести распускавшейся природы. Голод и слабость довели ее до иступления. У нее появились видения.

– Я же сказала, что буду осторожна, мама. И всего лишь немного поплавала, а ты куда-то ушла? – бормотала она. – Мамочка, когда мы будем есть? Мне так жарко и хочется есть. Почему ты не шла, когда я тебя звала? Я звала и звала, а ты все не шла. Где ты? Мамочка? Мама! Не уходи! Останься! Мама, подожди меня! Не бросай меня!

Она ринулась за исчезающим видением вдоль обрывистого берега, который все больше удалялся от реки. И слепо гналась за ним, пока, споткнувшись, не упала. Ушиб на нее подействовал отрезвляюще. Она потеряла палец и постаралась собраться с мыслями.

Стена выветрившегося песчаника была покрыта трещинами и пещерками. От резкого перепада температур сухая порода крошилась. Девочка взглянула в небольшое отверстие у самой земли, однако оно ее не заинтересовало.

Гораздо большее впечатление произвело стадо зубров, пасущихся в пышной молодой траве речной долины. Пока малышка гналась за видением, она не заметила этих буро-рыжих зверей в шесть футов высотой с огромными изогнутыми рогами. Едва она их увидела, как пелена тотчас слетела с ее затуманенного рассудка и ее обуял ужас. Она прижалась спиной к скале, не сводя взгляда с дородного зверя, который, в свою очередь, уставился на нее. Недолго думая она развернулась и бросилась от него прочь.

Бросив мимолетный взгляд через плечо, девочка заметила что-то странное и остановилась. Огромная львица, вдвое крупнее любого из своих сородичей, населивших южные земли много веков спустя, подкрадывалась к стаду диких быков. Когда хищница одним прыжком настигла жертву, малышка невольно взвизгнула.

Пустив в ход алчные клыки и когти, львица в мгновение ока прижала зубра к земле. Тот издал истошный крик, который тотчас пресекся, едва гигантская кошка, щелкнув челюстями, перегрызла жертве глотку. Хлынувшая кровь обагрила львице морду, забрызгав рыжую шерсть. Когда хищница, вскрыв жертве брюхо, оторвала кусок теплого красного мяса, ноги зубра еще дергались в последних конвульсиях.

Девочка остолбенела от страха. Увидев, что за ней наблюдает другой представитель диких кошек, малышка в диком ужасе бросилась бежать. Она попала на территорию пещерных львов. Обычно гигантские львы предпочитали утолять голод здоровенным зубром, крупным оленем или приличной по размерам лошадью, но никогда не снисходили до такой мелюзги, как пятилетний ребенок. Но на сей раз дело обстояло иначе: девочка чересчур близко подошла к пещере, где хныкали два новорожденных львиных детеныша.

Пока львица расправлялась с жертвой, оставленный охранять малышей косматый лев предупредительно взревел. Девочка вздернула голову вверх: на краю пропасти гигантский хищник готовился к прыжку. Охваченная еще большим страхом, она вскрикнула, поскользнулась, упала, поцарапала ногу о валявшийся камень и, развернувшись на четвереньках, понеслась изо всех сил в сторону, откуда пришла.

Пещерный лев лениво спрыгнул вниз – ему не составляло труда настичь маленькую нарушительницу, осмелившуюся приблизиться к их святыне. Двигался он не торопясь, словно был настроен поиграть с ней в кошки-мышки, – куда ей было сравниться с ним?

Повинуясь инстинкту, малышка направилась к маленькому отверстию, видневшемуся в скале у самой земли. Жадно глотая воздух, она проскользнула внутрь пещерки, которая для нее оказалась достаточно велика. На самом деле это была довольно маленькая пещера, скорее обычная расщелина. Малышка поерзала, стоя на четвереньках, пока спиной не уперлась в стену, готовая в нее врасти.

Взбешенный неожиданной неудачей, лев взревел и принялся лапой выковыривать из норы свою жертву. Девочку заколотило от страха, и она оцепенело уставилась на страшные когти. Когда львиная лапа приблизилась к ней и глубоко полоснула по бедру, оставив четыре параллельных кровавых следа, она беспомощно взвизгнула.

Стараясь увернуться от льва, девчушка нащупала небольшое углубление слева и, затаив дыхание, забилась туда. Вскоре в отверстии вновь показалась когтистая лапа, едва не закрыв собой весь проникающий внутрь свет, но на этот раз лев остался ни с чем. Еще долго дикий зверь с ревом ходил взад-вперед у самой пещерки.

Девочка провела там весь день, ночь и большую часть следующего дня. Нога у нее опухла, боль в ране не утихала. В укрытии было так тесно, что невозможно было ни вытянуться, ни повернуться. Она то и дело впадала в бред от боли и голода, ей снились кошмары: землетрясение, львиные когти и она, потерянная и умирающая от страха. Но не раны, не голод, даже не болезненный солнечный ожог в конечном счете заставили ее покинуть укрытие. Ее погнала жажда.

С опаской бедняжка выглянула наружу. Неподвластные ветрам редкие вербы и сосны, выстроившиеся вдоль реки, бросали на землю длинные вечерние тени. Собираясь с мужеством, она долго смотрела на тропинку и блестящую за ней полоску воды. Облизнула пересохшим языком потрескавшиеся губы и еще раз внимательно оглядела местность. Слышался лишь шелест травы. Льва поблизости уже не было. Львица-мать, встревоженная появлением незнакомого запаха у пещеры с малышами, решила подыскать более надежное место.

Девочка выкарабкалась из укрытия и выпрямилась во весь рост. В голове у нее стучало, перед глазами прыгали темные пятна. Каждый шаг отзывался болью, из раны на опухшей ноге сочился желто-зеленый гной.

Казалось, она не сможет добраться до воды, но жажда взяла свое. Малышка упала на колени и последние несколько футов преодолела ползком, после чего, лежа на животе, принялась жадно пригоршнями хлебать холодную воду. Утолив жажду, она вновь попыталась встать, но силы окончательно ей изменили. Перед глазами все потемнело и поплыло, голова закружилась, и девочка упала наземь.

Вскоре над неподвижным телом, приглядываясь к очередной добыче, закружил стервятник.

Глава 2

Племя переправилось через реку сразу за водопадом, там, где она расширялась и пенилась, разбиваясь о камни, выступавшие на мелководье. Вместе со стариками и детьми их было двадцать человек. Землетрясение разрушило их пещеру и унесло жизни шестерых соплеменников. Впереди шли двое мужчин, на некотором расстоянии от них – женщины и дети, которых с обеих сторон сопровождали двое пожилых мужчин. Замыкали процессию юноши.

Выйдя на берег, вожатые заметили кружащих в воздухе стервятников. Вполне возможно, что привлечшая их внимание жертва была еще жива, и путники поспешили это выяснить. Раненый зверь, не представлявший интереса для четвероногих хищников, становился легкой добычей для охотников.

В первых рядах шла беременная женщина, по всей видимости относившая половину срока. Она увидела, как мужчины взглянули на то, что лежало на земле, и направились дальше. «Должно быть, это раненый хищник», – подумала женщина. Мясо плотоядных они употребляли в пищу крайне редко.

Женщина была ростом четыре с половиной фута, ширококостная, коренастая, с босыми мускулистыми изогнутыми ногами, но держалась она прямо. Руки, такие же кривые, как и ноги, казались чересчур длинными для туловища; нос выпячивался крючком, челюсть без всяких признаков подбородка выдавалась вперед. Низкий лоб плавно переходил в крупную продолговатую голову, покоившуюся на толстой короткой шее. На затылке торчал костяной нарост, из-за чего голова казалась еще длиннее.

Темные короткие, слегка завивающиеся волосы покрывали плечи и спускались по позвоночному хребту к ногам. На голове они образовывали длинную тяжелую, довольно густую шевелюру. Тело женщины после зимы уже покрылось легким загаром. Большие круглые темные глаза, глубоко посаженные под выступающими бровями, светились умом. С неподдельным любопытством она ускорила шаг, направляясь посмотреть, мимо чего прошли их вожатые.

Женщине было около двадцати – довольно солидный возраст для первой беременности: в клане начали догадываться о ней задолго до того, как появились видимые признаки новой жизни. Однако, несмотря на свое положение, женщина несла нелегкий груз. За спиной у нее висела корзина, к которой сверху, снизу и сзади были привязаны узлы. К опоясывающему талию ремню, который держал кожаную шкуру со складками и карманами, служившими для ношения всякого рода вещей, были привешены сумки. Из них особенно примечательна была выделанная из шкуры выдры, поскольку на ней сохранились в первозданном виде мех, лапы, хвост и голова зверька.

Помимо рубца на брюшке виднелся единственный разрез на глотке выдры, через который были выпотрошены внутренности и кости животного. Голова зверька служила для сумки крышкой, а красные сухожилия, продетые через отверстия вокруг шеи и туго стягивавшие ее, прикрепляли все приспособление к поясному ремню.

Увидев вблизи существо, привлечшее внимание мужчин-вожатых, женщина на миг оторопела и отшатнулась назад. Оно напоминало животное без шерсти. Женщина вцепилась в висящий на шее кожаный мешочек, дабы отвлечь от себя неведомых духов. Нащупав внутри защитный амулет, она наклонилась, чтобы разглядеть странное создание, но приблизиться к нему не решалась, боясь, что это то самое, что ей показалось вначале.

Однако глаза ее не обманули. Стервятников приманило отнюдь не животное, а маленькое, изможденное, странного вида человеческое дитя!

Женщина огляделась вокруг: нет ли поблизости еще чего-нибудь необычного? Обошла вокруг неподвижного тела и тут услышала детский стон. Она опустила на колени и, забыв о своих страхах, слегка встряхнула девочку. Увидев ее раздувшуюся ногу и раны от страшных

когтей, женщина, которая была целительницей, тотчас развязала сумку, сделанную из шкуры выдры.

Один из вожатых, заметив женщину, склонившуюся над телом девочки, развернулся и направился к ним.

– Иза! Пошли! – приказал он ей. – Здесь следы пещерного льва, к тому же надвигается ливень.

– Это же ребенок, Бран. Раненый, но живой, – проговорила она в ответ.

Бран кинул взгляд на исхудалого ребенка с высоким лбом, маленьким носом и плоским личиком.

– Она не из нашего клана, – отрезал вожак и повернулся, чтобы идти дальше.

– Бран, но она же совсем ребенок. И к тому же ранена. Если мы ее бросим, она погибнет. – Иза сделала умоляющий жест.

Бран в удивлении уставился на нее. Это был мужчина пяти футов ростом, мускулистый, сильный, с кривыми ногами и изрядно выпяченной грудью. Черты лица у него были резче, чем у женщины, – еще более крупные надбровные выступы и нос. Ноги, живот, грудь и верхняя часть спины были покрыты темными густыми волосами и скорее походили на шкуру животного, нежели на человеческую кожу. Челюсть, начисто лишенная подбородка, скрывалась под пышной черной бородой. На мужчине была такая же шкура, что и на женщине, но короче, с меньшим числом отделений и карманов и закреплялась несколько иначе.

На себе он ничего не нес, если не считать оружия и висевшего за спиной мехового платка, который был привязан к голове широкой кожаной лентой. На правом бедре у него красовалась черная татуировка в виде расширенной кверху буквы U, знака его тотема Зубра. Не нужно было никаких знаков и украшений, чтобы определить в нем вождя. Отсутствие поклажи говорило о его особом положении в клане.

Он снял со спины длинную дубинку, сделанную из кости передней ноги лошади, и, поддерживая ее бедром, поставил на землю. Иза знала, что он обдумывает ее слова, и, пытаясь скрыть волнение, молча ожидала его решения. Он спустил с плеча тяжелое деревянное копье с острым, закаленным огнем наконечником и поправил висевшую на шее рядом с амулетом болу. Вслед за этим выдернул мягкий ремешок из оленьей кожи с заостренными концами и выпуклостью посередине. Потирая его в руке, Бран стал размышлять.

Не в его правилах было принимать быстрые решения, когда дело касалось всего клана, и тем более сейчас, когда они остались без крова. Проще всего было отказать Изе, но он не поддавался этому искушению. Ведь ей хотелось помочь ребенку, подчас она применяла целительную магию даже к животным, особенно к маленьким. «Если не позволить ей сделать это сейчас, она будет очень огорчена, – рассуждал Бран, – и не важно, кто перед ней – свой или чужой, она видит перед собой только раненое дитя. Верно, именно это и делает ее хорошей врачевательницей.

С другой стороны, как бы там ни было, она всего лишь женщина. Мало ли что она будет огорчена. Она неглупа и будет держать свои чувства при себе. Только раненого ребенка нам сейчас и не хватает! Беда в том, что об этом узнает тотем, а также духи. Как бы доставленное ей огорчение не разгневало их! Если мы найдем новую пещеру... нет, когда мы найдем новую пещеру, Изе предстоит готовить напиток для пещерного обряда. Вдруг из-за своего расстройства она что-то напутает? Разгневанные духи нам все испортят, а они и так чересчур разъярены. Нет, этого допустить нельзя.

Пусть берет ребенка, лишний груз все равно ее скоро утомит, а девчушка уже еле дышит, вряд ли ее спасет даже магия».

Вставив ремешок пращи обратно за пояс и подняв оружие, Бран уклончиво пожал плечами. Решать, как поступить с ребенком, он предоставил Изе. Сам же повернулся и пошел прочь.

Иза достала из корзинки кожаную накидку, завернула в нее девочку и с помощью эластичного ремня привязала к себе. Малышка оказалась на удивление легкой. Когда ее подняли, она застонала, и Иза ободряюще похлопала девочку по спинке, после чего пустилась догонять мужчин.

Увидев, что Иза о чем-то говорит с Браном, остальные женщины остановились поодаль. Когда же целительница подняла что-то с земли и привязала к себе, их любопытство возросло и они, сопровождая гортанные звуки бурной жестикуляцией, принялись строить догадки. За исключением сумки из выдры, одежда женщин походила на ту, что была у Изы. Все они несли утварь клана, которую удалось спасти после землетрясения.

Две женщины из семи в кожаных незатейливых люльках, привязанных к телу, несли детей. Почувствовав влагу, одна из них вытащила голого ребенка и подержала перед собой, пока тот до конца не опорожнился. В пути они не раз меняли детям пеленки. Для впитывания влаги обычно применяли шерсть дикой козы, собранную с тернистых кустов, где любили укрываться муфлоны, птичье оперение или пух волокнистых растений. Но в дороге проще и лучше было держать детей голыми и время от времени давать им справлять нужду прямо на землю.

Стоило второй женщине вытащить маленького мальчика из люльки, как тот заверещал, требуя спустить его на землю. Зная, что ребенок скоро устанет, мать позволила ему немного побегать. Девочка чуть постарше его, что шла второй после Изы и несла на себе не меньший груз, чем все остальные, то и дело оборачивалась назад и бросала взгляды на юношу, уже почти мужчину, шедшего в конце колонны. Он старался держаться от женщин на расстоянии, присоединяясь к трем завершавшим процессию охотникам. Как бы ему хотелось нести какую-нибудь дичь, вроде того большого, убитого из пращи зайца, что висел за плечом одного из пожилых мужчин!

Однако не только охотники кормили клан. Едва ли не больший вклад в пропитание племени вносили женщины, к тому же добытая ими пища была более доступной. Пользуясь случаем, они собирали по дороге все, что попадалось: цветы, бутоны и молодые корешки лилий, недавно пробившийся у водоемов рогоз, который без труда вырывался с корнем.

Если бы не нужно было двигаться дальше, женщины старались бы приметить эти места и летом вернуться сюда, чтобы собрать с рогоза созревшие початки. Смешивая его желтую пыльцу с крахмалистым порошком, полученным из корней, они готовили пресные лепешки. Из высушенного початка получали пух, а из стеблей плели корзины.

Молодые побеги и листочки клевера, люцерны, одуванчика, предварительно ободранный от колючек чертополох, ранние ягоды и фрукты – все шло в ход. Ловкие женские руки беспрестанно что-то раскапывали заостренными палками. Порой с их помощью переворачивали стволы упавших деревьев, чтобы выудить оттуда тритончика или толстую аппетитную гусеницу. В речках ловили моллюсков, из земли добывали различные луковицы, клубни, корни. Собирали сухостой и навоз травоядных животных.

В одежде и корзинках женщин для всего этого находился уголок. Крупные листья, такие как лопух, использовали и для обертывания, и в пищу. Хотя летний сбор считался более урожайным, весной тоже можно было сделать изрядные запасы, главное – знать, где искать.

Когда процессия вновь тронулась в путь, пожилой человек, лет тридцати с лишним, прихрамывая, подошел к Изе. Кроме длинного посоха, на который он опирался при ходьбе, у него не было ни оружия, ни другого груза. Его покалеченная правая нога была короче левой, между тем ему удавалось передвигаться на редкость быстро.

От правой руки у него осталась лишь чахлая культя. Несмотря на увечья правой половины тела, левая у него была нормально развита, и потому он выглядел кривобоким. Из-за непомерно крупной головы он с трудом появился на свет, оставшись калекой на всю жизнь.

Так же как и Бран, он приходился Изе родным братом, но был первенцем и, если бы не увечье, стал бы в клане вождем. На нем были мужского покроя кожаное одеяние и платок из меха выдры, как у других мужчин, который одновременно служил подстилкой для сна. На пояском ремне у него крепилось несколько сумок, а из-под накидки на спине вроде тех, что были у женщин, выпирал какой-то крупный предмет.

Левая сторона лица калеки была испещрена шрамами, левого глаза не было, зато правый смотрел на мир остро. Несмотря на хромоту, походка его отличалась грацией, исходящей из уверенности в своем положении в клане. Это был Мог-ур, величайший шаман, самый могущественный и уважаемый человек во всех кланах. Он глубоко верил в то, что ущербное тело ему дано, чтобы стать посредником между миром людей и миром духов, а не затем, чтобы возглавить Пещерный клан. В некотором смысле могущества у него было больше, чем у вождя, и он знал это. Имя, данное ему при рождении, помнили лишь близкие родственники.

– Креб. – Иза встретила его почтительным движением.

– Иза? – Его вопросительный жест предназначался ребенку, которого она несла.

Женщина приоткрыла накидку, и Креб увидел маленькое воспаленное личико. Взглянул на распухшую детскую ножку, гноящуюся рану, после чего перевел взгляд на целительницу, в глазах которой прочел нечто важное. Девочка издала стон, и Креб, смягчившись, кивнул в знак одобрения.

– Ладно, – отрезал он гортанным голосом, после чего сделал жест, который означал: хватит уже смертей.

От Кребана не требовалось подчинения общепринятым правилам, которые определяли каждому свое место и положение. Он мог идти с кем угодно, включая самого вождя. Мог-ур был выше и вне строгой иерархии клана.

Удалившись от львиных следов на достаточное расстояние, Бран остановился, чтобы осмотреть ландшафт. За рекой, насколько хватало глаз, простирались обширные степи; вдалеке холмы уступали место травянистой равнине. Редкие, изуродованные ветром деревья лишь усугубляли размеры бескрайней пустоши.

Впереди на горизонте вздымались клубы пыли, поднятые не иначе как огромным стадом животных, и Брана так и подмывало дать охотникам знак пуститься за ним вдогонку. Позади вождя за невысокими лиственными деревьями виднелись верхушки высоких сосен, казавшихся довольно маленькими на фоне безбрежной равнины.

Со стороны реки степи резко прерывались отвесным берегом, который впереди забирал в сторону от течения. Скалистая стена упиралась в подножие величественных гор, вершины которых были покрыты льдом. Под лучами заходящего солнца он сверкал розовыми, красными, сиреневыми и лиловыми тонами, словно драгоценные камни на короне небесного светила. Это зрелище заворжило даже практичного Брана.

Свернув в сторону от реки, он повел клан к горам, где скорее можно было отыскать пещеру. Люди нуждались в жилище, но еще больше оно требовалось их духам-защитникам, если, конечно, те не покинули их. Духи были разгневаны, и доказательством тому служило землетрясение, унесшее жизни шестерых человек. Если племя не найдет надежного места, на смену духам-защитникам придут злые и принесут с собой болезни и несчастья. Что вызвало гнев духов, не знал никто, даже сам Мог-ур, хотя он, исправно проводя вечерние ритуалы, старался задобрить их и вселить спокойствие в соплеменников. Волнение овладело всеми, но более всего Браном.

Он ни на минуту не забывал о своей ответственности перед кланом. Духи с их непостижимыми желаниями всегда ставили его в тупик. Куда увереннее он ощущал себя в реальном мире – во время охоты или в роли провожатого. Ни одна из пещер, попадавшихся им на пути, не отвечала необходимым требованиям, и это приводило его в еще большее негодование. К тому же им приходилось тратить прекрасные теплые дни на поиски жилища, вместо того чтобы

делать запасы на зиму. Конечно, они могли на время поселиться и в менее подходящей пещере. Но Бран все же надеялся, что до этого не дойдет.

Они шли вдоль гор, когда стали сгущаться сумерки. Вскоре племя достигло водопада, в брызгах которого радугой переливались солнечные лучи, и Бран объявил привал. Утомленные долгой дорогой женщины, сняв с себя груз, разбрелись в поисках сухостоя.

Расстелив меховую накидку, Иза положила на нее девочку, а сама поспешила за женщинами. Состояние ребенка вызывало у нее опасения. Девочка по-прежнему была без сознания, дышала поверхностно и все реже стонала. Собирая хворост, Иза не переставала думать о том, как помочь бедняжке, между делом поглядывая на травы. Не важно, целебные они были или питательные, знала их Иза или нет – хотя мало что было ей неизвестно, – любое растение имело для Изы свою собственную ценность.

Увидев длинные стебли начавших распускаться ирисов, Иза недолго думая выкопала их с корнем. Вьющийся вокруг дерева хмель навел ее на неплохую мысль, но, поскольку конусообразные плоды еще не созрели, она решила воспользоваться имевшимся у нее сухим порошком. Затем целительница отломала кусок ольховой коры и понюхала. Запах оказался сильным, и Иза, кивнув сама себе, тоже отправила ее в карман. На обратном пути она в придачу ко всему прихватила пригоршню листочков клевера.

Когда поленья были сложены для костра, Грод, возглавлявший процессию вместе с Браном, достал завернутый в мох тлеющий уголь и набил им бычий рог. Они умели добывать огонь, но в незнакомой местности проще было разводить костер с помощью углей, нежели всякий раз искать подходящий для этой цели кусок дерева.

Грод тщательно хранил огонь во время всего похода. Каждый новый костер разводился с помощью головешек предыдущего. Необходимо было донести огонь их прежнего жилища до новой пещеры.

Беречь огонь доверялось только мужчине высокого положения. Если бы угли погасли, это означало бы, что духи-защитники их покинули, и Грод, второй человек в клане, спустился бы до самого низшего положения, но уничтожение его не волновало. Он был человеком высокой ответственности и величайшей честности.

Пока Грод аккуратно складывал угли на сухостой и раздувал пламя, женщины выполняли свои обязанности. Они ловко содрали шкуру с дичи – эти приемы передавались из поколения в поколение – и, проткнув тушку острыми зелеными палочками, подвесили над костром на вертеле. Сильное пламя подсушило мясо, не давая вытечь соку, и, когда огонь почти угас, оно со всех сторон покрылось румяной корочкой.

С помощью тех же зеленых палочек и ножей женщины чистили и резали клубни и корни. В туго сплетенные водонепроницаемые корзины и деревянные чаши с водой бросали горячие камни. Когда те остывали, их вытаскивали и нагревали еще раз в костре, а вместо них кидали другие, уже накалившиеся. Так кипятили воду и варили овощи. Жирные гусеницы сушились до хрустящей корочки, маленькие ящерицы жарились целиком, пока из-под их грубой шкурки, почерневшей и потрескавшейся, не показывалось аппетитное мясо.

Помогая женщинам, Иза одновременно занималась и своими делами. Она кипятила воду в деревянной чаше, изготовленной много лет назад. Вымыла корни ириса, немного пожевала их и бросила мякиш в горячий кипяток. Взяла другую чашу, сделанную из челюсти крупного оленя, растолкла в ней листья клевера, отмерила пригоршню порошка хмеля, наломала на мелкие кусочки ольховую кору и все залила кипящей водой. После этого достала из неприкосновенных запасов кусок твердого вяленого мяса и, поместив его между двух камней, растерла в порошок, который смешала в третьей чаше с отваром овощей.

Женщина, которая всю дорогу следовала за Изой, время от времени поглядывала на нее в надежде, что та ей что-нибудь объяснит. Вообще любопытство раздирало как женщин, так и мужчин, хотя последние тщательно старались скрыть его. Все видели, что Иза подо-

брала ребенка, и не упускали случая поглазеть на него. И конечно, у них невольно возникали вопросы: откуда взялась эта девочка? Куда подевались ее родные? А главное, почему Бран позволил Изе взять ее с собой, хотя малышка явно была не из их клана?

Эбра, массирующая загривок и плечи Брана, знала, как никто другой, что у него на душе. Именно ей всегда приходилось принимать на себя основной удар, когда вождь был не в себе, что случалось с ним крайне редко. Его умению владеть собой можно было позавидовать. Только Эбра знала, какие острые вспышки гнева он переживал, хотя всячески старался их не допускать. Но и она не понимала, почему он разрешил взять с собой больного ребенка, ведь это могло разгневать духов.

Несмотря на свое любопытство, Эбра не задавала Изе никаких вопросов, а остальные женщины по своему положению попросту не имели на это права. Никто не беспокоил целительницу, пока она колдовала над своим снадобьем, самой же Изе было не до праздных разговоров. Ее внимание было целиком сосредоточено на ребенке, нуждавшемся в ее помощи. Креб тоже принимал участие в исцелении девочки, чему Иза была очень рада.

Мог-ур доковылял до больной девочки и, опершись посохом на валун, принялся жестами призывать благожелательных духов помочь вернуть бедняжку к жизни. Болезни и несчастья, по их представлениям, таинственным образом указывали на борьбу духов, сражавшихся в человеческом теле. Духи-защитники действовали через магию Изы, но без участия Мог-ура полное выздоровление было невозможно. Целительница служила помощником духов, тогда как заклинатель общался с ними напрямую.

Сама не ведая, почему проявляет такую заботу о совершенно чуждом клану ребенку, Иза тем не менее хотела его спасти. Когда маг закончил свою работу, она взяла девочку и понесла к пруду у подножия водопада. Окунула малышку в холодную воду, чтобы смыть с тела засохшую грязь. Девочка извивалась и корчилась, говорила какие-то несвязные, никому не понятные слова. Чтобы ее успокоить, Иза слегка прижала к себе и стала тихо убаюкивать.

Окуная кусочек пористой заячьей кожи в теплый отвар ирисов, Иза аккуратно промыла малышке раны. Достала из чаши мякиш, приложила его к ранам и, покрыв сверху куском мягкой кожи, привязала тесемками из оленьей кожи. После этого из другой чаши с помощью раздвоенного прутика извлекла листочки клевера и кусочки ольховой коры и положила их остывать.

Креб сделал вопросительный жест в сторону чаши. Не то чтобы Мог-ур требовал от целительницы рассказать о готовящихся снадобьях, а просто проявлял интерес к ее делу. Да и сама Иза была не прочь побеседовать с братом. Он, как никто другой, ценил ее знания и сам использовал в различных целях некоторые из ее трав. Если не считать Сходбищ кланов, где она встречалась с другими целительницами, поговорить о своем деле она могла только с Кребом.

– Это разрушает работу злых духов, вызывающих нарыв, – произнесла Иза, указывая на обеззараживающий отвар ириса. – Примочки из кореньев вытягивают гной из раны и помогают ее заживлению. – С этими словами она подняла костяную чашу и пальцем проверила, остыл ли отвар. – Клевер укрепляет сердце в борьбе со злыми духами. – В разговоре Иза использовала слова только для того, чтобы подчеркнуть какую-то мысль. Люди клана еще не перешли на речевое общение и большей частью объяснялись на языке знаков, который изобиловал множеством оттенков и вполне отвечал их требованиям.

– Клевер хорош для еды. Мы пробовали его вчера вечером.

– Да, – кивнула Иза. – И сегодня тоже будем есть. Все дело в том, как его приготовить. Для целебных целей берут много травы и заваривают в небольшом количестве воды, после чего сам клевер выбрасывают. – Креб понимающе кивнул, и она продолжила: – Ольховая кора очищает кровь и прогоняет отравляющих ее духов.

– Но тебе потребовалось еще что-то из запасов.

– Порошок из зрелых плодов хмеля, чтобы малышка успокоилась и уснула. Ей нужен отдых, пока духи будут сражаться друг с другом.

Креб вновь кивнул. Ему было известно снотворное действие хмеля, который, помимо того, применялся, чтобы вызвать приподнятое состояние духа. Хотя Креб всегда интересовался снадобьями Изы, сам он редко посвящал ее в суть своей травной магии. Подобные эзотерические знания были доступны только для Мог-ура и его помощников, но не для женщин и даже не для целительницы. Свойства растений ей были известны гораздо лучше, чем ему, и Креб боялся, как бы она не узнала чего-нибудь лишнего.

– А что в другой чаше? – спросил он.

– Обычный бульон. Бедняжка совсем исхудала. Что, по-твоему, с ней стряслось? Откуда она пришла? Где ее родные? Видать, она бродила не один день.

– Об этом знают только духи, – ответил Мог-ур. – Думаешь, травы на нее подействуют? Ведь она не из клана.

– Думаю, что подействуют. Другие – тоже люди. Помнишь, как мать рассказывала о человеке со сломанной рукой, который помог ее матери? Наша магия его исцелила, только он долго не мог проснуться.

– Жаль, что тебе не довелось знать мать нашей матери. Она была целительницей редкого таланта, к ней приходили из других кланов. К несчастью, она покинула нас слишком рано, едва ты, Иза, появилась на свет. О том человеке она сама рассказывала мне, да и мой предшественник Мог-ур тоже. Чужак жил у нас, пока окончательно не набрался сил. Должно быть, он оказался неплохим охотником, раз его допустили к охоте. Ты права, Иза, они тоже люди, хотя и не похожие на нас. – Мог-ур запнулся, Иза была очень умна и могла сама додуматься до секретов ритуалов, в которые были посвящены только мужчины.

Проверив еще раз, не остыло ли зелье, Иза положила детскую головку себе на колени и стала понемногу кормить малышку из костяной чаши. Девчушка бормотала что-то несвязное, усиленно пытаясь отстранить горькое лекарство. С похлебкой дело обстояло проще. Несмотря на то что девочка все еще была в бреду, ее истощенное тело жаждало пищи. Дождавшись, когда она уснет спокойным сном, Иза послушала ее дыхание и пульс. Теперь она сделала все, что было в ее силах. Если положение малышки не стало слишком серьезным, она могла выкарабкаться. Последнее слово оставалось за духами и внутренними силами девочки.

К Изе направлялся Бран, вид у него был далеко не благожелательный. Она поднялась и поспешила к женщинам, готовящим еду. Позволив Изе взять чужого ребенка, Бран вскоре и думать забыл о нем, но теперь его одолели сомнения. Хотя по обычаю ему не положено было прислушиваться к тому, что говорили соплеменники, он не мог закрывать на это глаза. Зачем он позволил взять девочку с собой? А что, если чужой ребенок в клане еще больше разгневет духов? Бран собрался было остановить целительницу, но Креб перехватил его и отвел в сторону.

– В чем дело, Бран? Чем ты встревожен?

– Иза должна бросить ребенка здесь, Мог-ур. Он не из нашего клана, и это может разгневать духов. В другой раз я ни за что не позволил бы взять его с собой.

– Нет, Бран, – ответил маг. – Доброта не может разгневать духов-защитников. Ты же знаешь Изу, она ни за что не пройдет мимо больного существа, кем бы оно ни было. И об этом наверняка известно духам. Не зря же ребенок оказался на ее пути! Возможно, малышка и не выкарабкается, но коли Урсус решит призвать ее в мир духов, пусть на то будет его воля. Не надо ему мешать. Однако бросить девочку здесь – все равно что обречь на верную гибель.

Его слова не нашли отклика в душе Брана. Однако Креб обладал глубоким знанием мира духов, и Бран был вынужден с ним согласиться.

Креб ожидал, пока остальные закончат есть, чтобы приступить к вечерней церемонии. Иза тем временем стелила ему постель и готовилась к утру. Мог-ур временно запретил мужчинам и женщинам спать вместе, пока они не найдут пещеру, дабы все сосредоточили свои усилия на заветной цели.

Однако для Изы данный запрет ничего не значил: ее мужчина погиб во время землетрясения. На погребальной церемонии она, как полагается, оплакала его кончину – чтобы не стряслось ничего дурного, – но несчастной себя не чувствовала. Он был человеком жестоким и часто досаждал ей. Их отношениям не хватало теплоты. Теперь ей предстояло узнать, какое решение насчет нее примет Бран и кто позаботится о ней и будущем ребенке. Надеялась она только на то, что не перестанет готовить для Креба.

После брачной церемонии они по-прежнему делили один очаг с Кребом. Иза чувствовала, что брату тоже пришлось не по нраву ее мужчина, хотя маг никогда не вмешивался в их личные отношения. Сама целительница всегда почитала за честь стряпать для Мог-ура, более того, с братом ее связывали узы нежнейшей привязанности, которую женщины обычно испытывают к своим спутникам жизни.

Порой Иза жалела Креба. Если б он захотел, то обзавелся бы своей женщиной. Однако, несмотря на его магический дар и высокое положение в клане, ни одна женщина не смогла бы глядеть на его изуродованное тело без содрогания. Иза это знала, как, впрочем, и он сам. Креб никогда не избирал девственниц и этим вызывал к себе еще большее уважение. Все, в том числе и мужчины, за исключением разве что Брана и Изы, относились к нему с благоговейным страхом. С раннего детства Иза познала его доброту и чуткость. Правда, эту сторону характера он не любил выставлять напоказ.

Но именно это свойство его натуры как раз и возобладало в великом Мог-уре. Мысли о маленькой девочке занимали его больше, чем предстоящая вечерняя церемония. Люди ее типа всегда вызывали у него интерес, но, поскольку его соплеменники старались держаться от Других подальше, ему не приходилось видеть их маленьких детей. Он предполагал, что малышка, вероятно, осталась сиротой после землетрясения, но как ее сородичи оказались в этих краях, он понять не мог. Ведь Другие жили намного севернее этих мест.

Некоторые из мужчин уже отошли от костра, и Креб поднялся сам, опираясь на посох, чтобы проследить за подготовкой к ритуалу, который являлся привилегией и обязанностью мужчин. В редких случаях женщины допускались к религиозной жизни клана, но в вечерней церемонии не участвовали никогда. Считалось, что клан постигнет тяжелое несчастье, если женщина станет свидетелем мужского таинства. Это не просто навлечет на клан беду, но отвлечет от него духов-защитников. Всему клану будет суждено погибнуть.

Однако беспокоиться на этот счет не было никаких причин. Ни одной женщине не приходило в голову даже приблизиться к месту, где проводился столь важный ритуал. Пользуясь случаем, они обычно позволяли себе расслабиться. Им не нужно было следить за собой и вести себя достойным образом, потакая всем мужским требованиям и нуждам, в особенности если те были чем-то раздражены и вымещали зло на своих спутниках жизни. Другим таким временем была охота. Женщины тоже всей душой хотели найти новое жилище, но от них ничего не зависело. Направление поисков выбирал Бран, а к ним за советом никогда не обращались, да и вряд ли они могли что-либо посоветовать.

Вся ответственность и право принимать важные решения возлагались на мужчин. За последние сто тысяч лет мало что изменилось в клане, и то, что когда-то было продиктовано жизненной необходимостью, постепенно переросло в непреложное правило. Как мужчины, так и женщины беспрекословно принимали на себя возложенную на них роль, не допуская для себя никакой другой возможности. Изменить человеческие взаимоотношения для них было все равно что отрубить лишнюю руку или изменить форму черепа.

Едва мужчины ушли, женщины собрались вокруг Эбры, надеясь, что к ним присоединится Иза и утолит наконец их любопытство, но целительница очень устала и не хотела оставлять девочку одну. Окинув спящую крошку взглядом, Иза легла с ней рядом.

«До чего же странное на вид это маленькое существо! Пожалуй, вернее было бы назвать его страшненьким, – рассуждала Иза. – Лицо плоское, лоб выпуклый, нос крошечный. И что это за странная кость выступает ниже ее рта? Любопытно, сколько ей лет? Наверное, меньше, чем мне показалось вначале. Меня ввел в заблуждение ее большой рост. Она так худа, что можно прощупать все ее косточки. Интересно, сколько времени она голодала?» Иза сочувственно обняла малышку. Разве могло горячее сердце целительницы, никогда не проходившей мимо нуждающегося в ее помощи существа, остаться равнодушным к этому жалкому, беззащитному маленькому ребенку?

Мог-ур стоял в стороне, пока мужчины не заняли свои места за камнями, сложенными в небольшой круг внутри круга большего размера, обозначенного факелами. Действо происходило на открытой площадке вдали от лагеря. Выждав, пока все рассядутся, шаман, держа в руке зажженную ароматическую лучину, ступил в середину круга и воткнул светоч в землю напротив пустующего места, позади которого лежал его посох.

Став в центре, Креб выпрямился, опираясь на здоровую ногу, и направил отрешенный, рассеянный взгляд поверх сидящих мужчин в темную даль, словно единственным глазом созерцал мир, сокрытый от взора всех остальных. Облачившись в накидку из оленьей кожи, под которой угадывались очертания его уродливой фигуры, он выглядел внушительно, как будто являл собой некую неземную сущность. Он был похож и одновременно не похож на других. Его физическое несовершенство восполнялось сверхъестественными способностями, которым нашлось священное применение в проведении церемонии.

Вдруг с изяществом фокусника он достал череп. Поднял его высоко над головой и обвел по кругу, чтобы каждый из присутствующих мог разглядеть огромную куполообразную сферу. Мужчины устались на мерцающий в свете факелов белый череп. Маг поставил его рядом со светочем и сам опустился на землю, замыкая круг.

Сидевший по соседству с ним молодой человек встал и поднял деревянную чашу. Ему едва исполнилось одиннадцать, и церемония его посвящения состоялась незадолго до землетрясения. Гув, еще ребенком избранный помощником шамана, ранее принимал участие в подготовке церемоний, однако участвовать в самом ритуале позволялось лишь мужчинам. Хотя он однажды уже выступал в своей новой роли вскоре после того, как клан приступил к поискам жилища, юноша все еще волновался. Обретение пещеры для Гува имело особое значение. Он получил бы возможность изучить церемонию освящения жилища, совершенную самим великим Мог-уром, – церемонию, которая выполнялась крайне редко и описать которую было весьма трудно. В детстве Гув боялся шамана, хотя ценил выпавшую ему честь стать его помощником. Но вскоре юноша увидел, что за суровой маской величайшего Мог-ура скрывается доброе и отзывчивое сердце. И глубокое уважение к наставнику постепенно переросло в любовь.

Едва клан остановился на привал, Гув приступил к приготовлению священного напитка. Для этого он растер между двух камней дурман-траву и, залив ее кипящей водой, оставил остужаться до начала церемонии. Количество и соотношение лепестков, цветков и стеблей растения соблюдались с особой тщательностью.

Гув перелил дурманный отвар в специальную чашу и протянул ее Мог-уру. Маг пригубил зелье из рук помощника, после чего, одобряюще кивнув, сделал несколько глотков. Гув облегченно вздохнул. После этого юноша стал подносить чашу каждому из мужчин в соответствии с их положением, начиная с Брана. При этом следил, чтобы на каждого приходилось сколько положено, а оставшееся на дне чаши допил сам.

Когда помощник занял свое место, шаман подал всем знак. Тупыми концами копий мужчины принялись бить по земле. Гул становился громче и громче, пока не заглушил все

остальные звуки. Едва установился четкий ритм, как мужчины встали и принялись двигаться в такт ему. Шаман уставился на череп, и, словно по его велению, к священной реликвии приковались взгляды всех остальных. Главным было не упустить время, а в этом вопросе он был мастер. Выждав, когда сосредоточенность присутствующих достигнет предела – еще немного, и момент мог быть упущен, – он поднял взгляд на своего брата, вождя клана. Бран сел на корточки напротив черепа.

– Дух Зубра, покровитель Брана, – начал Мог-ур. Вслух он произнес всего одно слово: Бран. Остальное было сказано жестами руки. За единственным сказанным словом последовали условные движения древнего языка, которым люди общались с духами и с людьми других кланов, не понимавших их гортанных слов и жестов. Обращаясь к духу Зубра и извиняясь за все действия, которые могли его оскорбить, Мог-ур молил о помощи. – О Великий Зубр, этот человек всегда почитал духов, всегда соблюдал традиции клана. Этот человек – хороший вождь, мудрый вождь, славный вождь, отличный охотник, истинный добытчик, волевой человек, достойный могущественного Зубра. Не покидай его, приведи его к новому жилищу, туда, где будет покойно жить духу Зубра. Весь клан просит тотем этого человека о помощи, – закончил святейший муж, после чего взглянул на второго по положению человека в клане.

Бран отошел назад, а его место занял Грод.

Разве можно было позволить женщинам увидеть церемонию, где управляющие ими представители сильной половины человечества молят о помощи невидимых духов, точь-в-точь как мужчин просят о помощи женщины?

– Дух Бурого Медведя, покровитель Грода, – вновь начал Мог-ур. И повторил то же прошение, обращаясь к тотему Грода. Все это время он не сводил взгляда с черепа, а мужчины продолжали отбивать копьями ритм, нагнетая ощущение ожидания.

Каждый знал, за кем следует, поскольку церемония повторялась из вечера в вечер. Тем не менее все с нетерпением ждали, когда Мог-ур вызовет дух Урсуса, Великого Пещерного Медведя, своего личного покровителя и самого почитаемого из всех духов.

Урсус являлся тотемом не только Мог-ура, но и каждого члена клана. Более того, Урсус был основателем клана. Он был верховным духом, верховным покровителем. Благодаря ему люди разных кланов объединились в один народ – клан Пещерного Медведя.

Когда пришло время, одноглазый шаман подал знак. Мужчины прекратили бить копьями и расселись по местам. Но ритмичный стук, словно пронзив их насквозь, продолжал пульсировать у них в голове.

Просунув руку в небольшой карман, Мог-ур вытащил пригоршню сухого мха. Держа его над огнем светоча, он дунул и одновременно выпустил мох из руки. Окутанный каскадом искр череп ярко засиял, словно бриллиант на фоне темной ночи.

Мужчинам, чье восприятие было обострено дурманом, он казался живым. Где-то по соседству, словно по сигналу, заухала сова, от чего великолепное действо стало еще более устрашающим.

– Великий Урсус, покровитель клана, – заговорил маг условными знаками, – покажи нам дорогу к новому дому, как некогда Пещерный Медведь велел племени жить в пещерах и носить меховые накидки. Защити клан от Ледяной Горы и породившего ее духа Зернистого Снега, а также его приятеля, Духа Бурана. Клан просит Великого Пещерного Медведя оградить его от всякого зла на время поиска нового жилища. Самые почитаемые духи, твои люди, твой клан просят дух могущественного Урсуса присоединиться к ним, когда они вновь тронутся в путь. – И Мог-ур применил силу своего огромного мозга.

Примечательно, что все эти первобытные люди, с недоразвитыми речевыми органами и лбом, обладали мозгом невероятных размеров – гораздо большим, чем у любой другой человеческой расы, жившей в те времена или появившейся на свет много веков спустя. Они явились

вершиной эволюции той ветви человечества, у которой были развиты затылочная и теменная области мозга, управляющие зрением, телесными ощущениями и памятью.

А выделяла их среди остальных представителей человечества невероятная память. Родовые установки вошли у них в плоть и кровь и обрели свойства инстинкта. Огромный мозг являлся кладовой не только их собственной памяти, но и памяти предков. Они умели взывать к знанию своих прародителей, а при особых обстоятельствах пойти еще дальше. Они могли обращаться к расовой памяти, к любому из периодов своей эволюции. Углубившись далеко в прошлое, они усилиями каждого телепатически слагали общую картину памяти.

Но только гигантский мозг физически безобразного человека владел этим даром в совершенстве. Только добрый застенчивый Креб, чей крупный мозг и послужил причиной его уродства, владел способностью собирать в своем мозгу общие частицы памяти сидящих вокруг него людей в единое целое и управлять им. Он мог перенести сознание мужчин в любую область их расового наследия, обратившись сам в одного из их прародителей. Он был Мог-уром с большой буквы и испытывал не мгновенное озарение, но владел истинной силой мистического видения, не зависящей от действия дурманящих трав.

Этой тихой темной ночью группа мужчин, сидевших под звездным небом, переживала не поддающийся описанию мистический опыт. Пребывая в нем, они чувствовали, видели и возобновляли в памяти свое непостижимое начало. В дальних уголках памяти раскапывали недоразвитое сознание морских обитателей, плавающих в теплых соленых озерах, и истинно переживали боль первого безжаберного дыхания в период превращения в амфибий.

Поскольку в клане почитали Пещерного Медведя, Мог-ур взывал к сознанию своего древнейшего предка, обладавшего признаками двух видов животных. Продвигаясь по ступенькам эволюции вида, мужчины последовательно обретали сознание каждого из своих предшественников. Они ощущали связь с другими формами жизни, и почтение, которое они питали даже к убитым и съеденным животным, порождало духовную близость с тотемами.

По мере приближения к настоящему времени их слитое сознание, вселяясь в ближайших предков, разъединялось, пока каждый из них не стал самим собой. Казалось, их путешествие длилось целую вечность. В некотором смысле так и было, на самом же деле времени прошло совсем немного. Придя в себя, каждый из мужчин спокойно поднимался с места и отправлялся спать глубоким сном без сновидений – все сновидения у них были позади.

Последним встал сам Мог-ур. Он осмысливал в одиночестве пережитый опыт и спустя некоторое время почувствовал, как обычно, какое-то неудовлетворение. В отличие от остальных, для которых глубокое погружение в прошлое наполняло душу восторгом, Креб ощущал, что ему чего-то не хватает. Они не могли заглянуть в будущее. Им даже не приходило в голову думать о будущем. О такой возможности мог помышлять только он.

Никто в клане не мог себе представить завтрашний день, чем-то отличающийся от вчерашнего, ни у кого не возникало даже мысли что-либо изменить к лучшему. Все их знания и умения сводились к повторению прошлого опыта. Даже очередной сбор пищи на зиму точь-в-точь повторял предыдущий.

В далекое прошлое ушли те времена, когда перемены давались людям гораздо проще. Так, когда-то сломанный камень навел их на мысль, что, откалывая от камня кусочки, можно его заострить. Или, однажды заметив, что при вращении палки конец ее нагревается, кто-то решил узнать, как сильно ее можно нагреть, если вращать быстрее и дольше. Однако с развитием памяти, с увеличением возможностей мозга перемены давались все тяжелее и тяжелее. В тайниках человеческой памяти не оставалось свободного места для новых идей, а головы людей были и без того чрезвычайно большими, так что женщины уже с трудом рожали детей. Разве могли они впустить в себя новые знания, что сделало бы их головы еще крупнее?!

Клан неукоснительно соблюдал традиции. Вся их жизнь, начиная с рождения и кончая уходом в мир духов, в строгом соответствии повторяла жизнь предков. Ими двигало бессо-

знательное стремление выжить, которое вопреки отчаянным усилиям спасти расу от вымирания было обречено на провал. Однако противостоять переменам было невозможно, и всякое сопротивление терпело поражение и вело к самоуничтожению.

Люди медленно привыкали к новому. Изобретения случались неожиданно и часто не находили применения. Все необычное, что происходило с ними, разве что принималось к сведению. Если же с большим трудом переменам все же удавалось пробиться в их жизнь, то люди начинали следовать новому курсу столь непреклонно, что изменить его еще раз было практически невозможно. Но раса, не поддающаяся обучению, противящаяся росту, не соответствовала постоянно меняющемуся окружающему миру, ее чрезмерное развитие в одном направлении зашло в тупик. И природа взялась за поиски новых форм.

Созерцая в одиночестве догорающие факелы, Креб размышлял о странной девочке, которую нашла Иза, и его неудовлетворенность постепенно сменилась мрачными предчувствиями. Он уже видел людей ее типа, хотя в большинстве случаев эти встречи не приносили ему удовольствия, но лишь недавно они заставили его призадуматься. Откуда взялись эти люди, было загадкой: в этих краях они были новопришельцами, однако с их приходом все стало меняться. Казалось, они принесли с собой перемены.

Страхнув с себя ощущение неудовлетворенности, Креб аккуратно завернул череп медведя в накидку, взял посох и, прихрамывая, пошел спать.

Глава 3

Девочка перевернулась на другой бок и беспокойно заерзала.

– Мама, – стонала она, рьяно колотя руками и с каждым разом все громче повторяя: – Мама!

Иза держала ее на руках, тихо убаюкивая мягким голосом. Тепло женского тела и ласковый тон голоса действовали на ребенка успокаивающе. Ночь прошла довольно спокойно, хотя время от времени у девочки сквозь стон прорывались слова, не понятные людям из клана. Они легко слетали с ее языка и плавно сливались друг с другом. Иза не могла произнести ничего похожего, ее ухо было просто не способно отчетливо различить звучание этих слов. Поскольку малышка часто повторяла одну и ту же последовательность звуков, Иза решила, что это имя близкого ей человека, а когда поняла, что ее присутствие успокаивает малышку, женщине сразу стало ясно, кого та звала.

«Судя по всему, она совсем ребенок, – размышляла про себя Иза, – и даже не умеет добывать себе пищу. Интересно, как долго она прожила одна? Что стряслось с ее близкими? Возможно, причиной этому землетрясение? Неужели она так долго бродила одна? И как удалось ей отделаться от пещерного льва, заработав всего несколько царапин? – Изе не раз приходилось лечить раны, нанесенные зверями, поэтому она сразу распознала следы громадной кошки. – Верно, ее спасли духи-защитники».

Перед утром, когда было еще темно, жар у малышки спал и она вся покрылась испариной. Чтобы ее согреть, Иза крепче прижала к себе, прежде убедившись, что та хорошо укутана. Вскоре девочка проснулась, но, открыв глаза, из-за темноты ничего не могла разглядеть. Ощувив тепло женского тела, она вновь погрузилась в сон, теперь уже более спокойный.

Едва забрезжил рассвет и на фоне посветлевшего неба стали различимы деревья, Иза осторожно выбралась из-под меховой накидки, разожгла костер и пошла к ручью набрать воды и заодно прихватить еще кусочек ивовой коры. На мгновение она остановилась и, взявшись за амулет, как всегда, мысленно поблагодарила духов за плакучее дерево: за то, что оно встречалось повсюду, а также за его обезболивающие свойства. Сколько раз ей приходилось готовить ивовый чай, чтобы снять ту или иную боль! Правда, были и другие, более сильные средства от боли, но, помимо всего, они притупляли ощущения. Кора ивы же просто заглушала боль и сбивала жар.

Когда Иза устроилась у костра, бросая в чашу с водой и ивовой корой горячие камни, кое-кто из спящих зашевелился. Вскоре чай был готов; она отнесла чашу к своей меховой подстилке и поставила остужаться в углубление, вырытое в земле. Наклонившись к девочке, Иза убедилась, что дыхание у нее нормальное. Солнечные ожоги на лице превратились в темный загар, и только на носике кожа слегка шелушилась.

Лишь однажды Иза видела похожих людей, да и то издалека. Женщины клана всегда убегали от них и прятались. На Сходбищах рассказывали неприятные истории о встречах с Другими, поэтому все старались держаться подальше от них, в особенности женщины. Однако в клане Изы ничего плохого о них не говорили. Она слышала от Креба об обезумевшем от боли человеке, который забрел к ним в пещеру, – у него была сильно повреждена рука.

Он так толком и не выучил их языка и вел себя довольно странно. Любил говорить с женщинами не меньше, чем с мужчинами, а к целительнице относился с огромным уважением, если не сказать с почтением. Однако от этого он не потерял уважения мужчин. Лежа с открытыми глазами рядом с девочкой, Иза еще долго размышляла о Других.

Показавшийся над горизонтом огненный шар коснулся детского личика первым лучом. Веки малышки дрогнули. Она проснулась и увидела перед собой пару огромных карих глаз,

глубоко посаженных под выступающими бровями на выдающемся вперед лице, с виду смахивавшем на звериную морду.

Взвизгнув, девочка сильно стиснула веки. Иза притянула ее к себе и, почувствовав, что та дрожит, ласково замурлыкала. Для ребенка в этих звуках было что-то знакомое, но еще более знакомо было тепло женского тела. Постепенно крошка перестала дрожать. Приоткрыла глаза и сквозь щелочки еще раз взглянула на Изу. На этот раз она не завизжала, а широко распахнула глаза и уставилась на совершенно незнакомую ей женщину.

Иза тоже в изумлении вытаращилась на нее. Прежде целительница никогда не видела глаз небесного цвета. В первое мгновение она решила, что ребенок слепой. Иногда у стариков клана с ухудшением зрения глаза покрывались прозрачной пленкой. Однако зрачки у ребенка двигались как положено, и у Изы отпали сомнения, что девочка ее видит. Должно быть, серо-голубой цвет глаз для нее был совершенно нормальным.

Малышка лежала неподвижно, боясь даже шевельнуться. Когда с помощью Изы она села, боль пронзила ее насквозь и нахлынули страшные воспоминания. Перед ее мысленным взором пронесся чудовищный лев со страшными когтями, полоснувшими ее по ноге. Девочка вспомнила, как, преодолевая боль и страх, ползла к воде, чтобы утолить жажду. Но землетрясение, потеря близких и то, как, голодная и насмерть перепуганная, она бродила одна, начисто стерлись из ее памяти.

Иза поднесла чашку с ивовым отваром ко рту девочки. Та жадно сделала глоток и скривилась от горького вкуса. Целительница предложила ей отпить еще чаю, девочка, боясь сопротивляться, повиновалась. Ободряюще ей кивнув, Иза направилась к женщинам готовить завтрак. Провожая ее взглядом, девочка пришла в еще большее изумление, увидев целый лагерь похожих на Изу людей.

От запаха еды желудок девочки свело в голодном спазме, и когда женщина принесла ей мясной бульон, густо заправленный крупой, та жадно на него накинулась. Целительница считала, что твердую пищу ребенку давать было еще рано. Очень скоро девочка насытилась, и Иза переложила остаток каши в водонепроницаемый кожаный мешочек, чтобы покормить малышку в пути. После этого она осмотрела девочку, сняв с ноги повязку. Раны подсохли, а опухоль спала.

– Хорошо, – сказала вслух Иза.

От грубого гортанного голоса девочка подскочила: слово, которое она слышала от женщины, скорее походило на рев или даже рык зверя. Но все действия Изы вовсе не напоминали поведение животного, а были самые что ни на есть человеческие. Пока целительница меняла повязку, к ним подошел кривобокий мужчина.

Такого уродца девочка отродясь еще не видала. Располованное шрамами лицо, вместо глаза – кожаная повязка. Все эти люди казались ребенку чужими и страшными, но это было еще полбеды. Она не знала, кто они такие и как очутилась среди них, хотя женщина, которая ее кормила, остужала примочку, лечила ногу и своим присутствием вселяла в нее спокойствие, казалась ей знакомой. Но как бы там ни было, главное – теперь девочка была не одна.

Увечный мужчина присел и внимательно посмотрел на девочку. Откровенно любопытный взгляд ребенка его удивил. Взрослые относились к нему с благоговейным страхом, дети боялись, сам же он держался от всех в стороне, что тоже не располагало к общению. Если малыши плохо себя вели, матери грозились позвать Мог-ура. Большинство детей, в особенности девочки, действительно трепетали перед ним, и, только когда становились взрослыми, их страх постепенно перерастал в уважение. Креб с любопытством смотрел на странное дитя, глазеющее на него безбоязненно и с любопытством.

– Ей стало лучше, Иза, – заключил он. Голос у него был ниже, чем у женщины, а производимые звуки также напоминали рычание зверя.

Девочка не обратила внимания, что слова сопровождались жестами. Язык их общения был совершенно чужд для нее, и она даже не могла догадаться, о чем они говорят.

– Она еще слаба от голода, – произнесла Иза, – но рана уже заживает. Царапины довольно глубоки, но угрозы ноге не представляют, зараза дальше не распространяется. Это когти пещерного льва, Креб. Ты когда-нибудь слышал, чтобы от разъяренного пещерного льва удалось отделаться одними царапинами? Странно, что она вообще выжила. Должно быть, у нее очень сильный духовный покровитель. Кстати, – добавила Иза, – что ты знаешь о духах Других?

Определенно не женское дело было задавать Мог-уру такие вопросы, пусть она даже приходилась ему родной сестрой. Иза тотчас сделала жест, означавший извинение за самонадеянность. Он не мог посвятить ее в эти вопросы, да она на это и не рассчитывала, но слова о сильном покровителе заставили Креба внимательнее присмотреться к девочке. Хотя он никогда себе не признавался, но мнение сестры многое для него значило и часто совпадало с его собственными мыслями.

Лагерь быстро собрался в путь. Иза нагрузилась корзиной с узлами и, привязав девочку к себе, поспешила вслед за Гродом и Браном. Всю дорогу девочка с любопытством глазела по сторонам, с особым интересом наблюдая за тем, как женщины собирают пищу. Иза частенько давала ей отведать бутончик какого-нибудь цветка или молодой побег, что наводило малютку на воспоминания о том, как то же самое делала другая женщина. Теперь девчушка внимательно приглядывалась к растениям, стараясь запомнить, чем одни отличаются от других. Перенесенный голод побуждал ее стремиться как можно больше узнать о том, что люди употребляют в пищу. Она очень радовалась, когда указанное ею растение женщина выкапывала с корнем. Иза тоже была рада, что малышка оказалась смышленной. Наверняка прежде эти травы девочке были неизвестны, иначе она могла бы ими питаться.

В середине дня они остановились отдохнуть. Бран стал осматривать очередную пещеру. Иза накормила малышку остатками похлебки и дала пожевать кусочек твердого вяленого мяса. Пещера им не подошла. Когда действие ивового чая прекратилось, нога девочки начала подергиваться от боли. Малышка стала беспокойной, а Иза ласково похлопывала ее по спинке, стараясь уложить поудобнее. Покорно подчиняясь женщине во всем, девочка обвила ее своими безволосыми ручками и склонила голову на широкое плечо. Иза, долгое время не имевшая детей, испытала прилив нежности к сироте. Убаюканная ритмичным шагом женщины, уставшая и ослабленная, малышка вскоре заснула.

К вечеру обремененная дополнительным грузом Иза изрядно выдохлась и была рада, когда Бран объявил привал. Девочку лихорадило, щеки у нее пылали жаром, глаза блестели, и целительница, отправляясь на сбор сухостоя, вновь стала подыскивать нужные растения. Иза не знала причины заразы, но умела справляться с ней не хуже, чем с другими недугами.

Хотя выздоровление было во власти духов, это ничуть не умаляло значения магии Изы. Испокон века клан охотился и собирал растения. Из поколения в поколение собирались сведения о дикорастущих растениях, рассматривались и сравнивались внутренности убитых зверей. Женщины невольно накапливали анатомические сведения, потроша дичь для приготовления обеда.

Обучая Изу, ее мать показывала различные внутренние органы животных и объясняла их назначение, хотя эти знания хранились и у той и у другой в тайниках памяти. Иза была потомственной целительницей, что определяло высокое положение женщины в клане. Хотя таинство исцеления было за пределами того, чему можно было научить, тем не менее мать передавала дочери все свои знания. Каждая последующая целительница не без основания почиталась выше любой из ее опытных предшественниц.

Опыт, накопленный предками – Иза принадлежала к древней родовой ветви женщин-целительниц, – уже содержался в мозгу новорожденной девочки. Она могла вспомнить

все, что знали ее праматери. В отличие от собственных воспоминаний, которые были связаны для нее с определенными обстоятельствами, знания из хранилищ памяти существовали сами по себе, и обращение к ним происходило бессознательно. Но несмотря на то что у Изы и ее братьев были общие родители, ни Креб, ни Бран не обладали ее наследственным знанием врачевания.

Память людей клана различалась в зависимости от пола. Женщинам не требовались охотничьи сведения, а мужчинам ни к чему было обременять свой ум изучением растений. Различия между женским и мужским разумом были заложены природой и закреплены традицией. Это была еще одна попытка природы ограничить размеры мозга, чтобы продлить существование расы. Человек, получивший при рождении знания, не соответствующие его полу, повзрослев, попросту их лишался, поскольку не давал им развиваться.

Между тем попытки природы спасти расу от вымирания были обращены против собственной цели. Мужчины и женщины нуждались друг в друге не только для продолжения рода. Они не могли обойтись друг без друга даже в обычной жизни, поскольку не владели знаниями противоположного пола.

Природа наделила людей клана ясным умом и острым зрением. По мере того как менялся окружающий ландшафт, Иза невольно приглядывалась к растительности. На огромном расстоянии она видела различия в очертаниях листьев или размерах стебельков. Хотя время от времени на глаза ей попадалось растение, которого она прежде не встречала, будь то цветок, дерево или кустарник, – оно все равно было ей знакомым: в глубине ее невероятно крупного мозга сведения о нем хранила память предков. Однако недавно возникшие виды и сама местность были ей совершенно неизвестны. Изе, как и другим женщинам, хотелось бы обследовать ее более подробно. Их интерес диктовался потребностью выживания.

Каждая женщина умела проверить, съедобно или нет незнакомое растение. Для этого его испытывали на себе. Внешнее сходство растения с уже известными обычно указывало на близость свойств, но бывало и наоборот. Проверка проходила довольно просто. Женщина откусывала кусочек и, если вкус был неприятным, тотчас его выплевывала. Если же нет, то некоторое время держала его во рту, примечая все ощущения: пощипывание, тепло и прочие. Если ничего подобного не наблюдалось, проглатывала его и вновь прислушивалась к ощущениям. На следующий день она съедала большой кусок, и все повторялось. Когда после третьей пробы никаких болезненных ощущений не появлялось, новое растение понемногу вводилось в пищу.

Но для Изы наибольший интерес представляли растения с ярко выраженными свойствами, порой ядовитые, поскольку именно они могли оказаться лечебными. Бывало, женщины приносили ей такие травы, прежде проверив, съедобны ли они. Она с большой осторожностью испытывала их собственными методами, на что уходило немало времени.

Неподалеку от места, где они разбили лагерь, Изе попался алтей – растение с тонким высоким стеблем и крупными соцветиями, – и она решила прихватить его с собой. Его корни вместе с корнями ирисов снимали опухоль и воспаление. Настой же цветков хорошо утолял боль и действовал усыпляюще.

После еды и перевязки девочка сидела, прислонясь спиной к скале, и смотрела на суетившихся вокруг людей. У нее прибавилось сил, и она что-то бойко тараторила Изе, которая ровным счетом ничего не понимала из ее речи. Остальные же бросали на малышку косые взгляды, смысл которых для нее еще долго оставался неизвестным. Вследствие неразвитых речевых органов люди клана не умели четко произносить звуки. Их немногочисленные слова возникли из предостерегающих криков и служили лишь для эмоционального усиления разговора, состоявшего из жестов, знаков и поз. К тому же потребность в устном общении диктовалась обычаем. Язык знаков был выразительным, но ограниченным по возможностям. С его помощью было непросто описать незнакомый предмет, не говоря уж о чем-то отвлеченном. Поэтому разговорчивость девочки вызывала у всех недоумение и подозрительность.

Детей в клане очень любили и воспитывали с лаской и должной строгостью, которая была тем больше, чем старше становился ребенок. Малышей баловали как женщины, так и мужчины. Старших детей наказывали разве что тем, что лишали внимания. Когда же ребяташки осознавали, чем отличаются от взрослых, то сами начинали противиться нежностям, которыми обыкновенно осыпали самых маленьких. С ранних лет дети воспитывались в строгих рамках обычая, согласно которому излишнее звукотворчество ребенка не поощрялось. Девочка-найденш из-за своего роста выглядела старше своих лет, и потому в клане расценивали ее болтовню как дурное воспитание. Иза, которая узнала ее лучше других, догадывалась, что ей гораздо меньше лет, чем кажется, и поэтому относилась к беспомощности малышки снисходительно. Что же касается разговорчивости, то целительница еще по детскому бреду убедилась, насколько развита звуковая речь у Других. Ощущая, как худенькие ручки доверчиво обвивают ее шею, целительница невольно привязалась к малышке. «Еще будет время обучить ее, как себя вести», – решила женщина, поймав себя на мысли, что думает о ней как о собственном ребенке.

Проходя мимо и наблюдая за тем, как Иза заваривает цветки алтея, Креб присел рядом с девочкой. Малышка его заинтересовала, и, пока шли приготовления к вечернему ритуалу, он решил познакомиться с ней поближе. Девчушка уставилась на уродливого старца с неменьшим любопытством: слишком не похож он был на тех, кого она привыкла видеть с младенчества. Для Мог-ура она тоже была диковиной. Девочка прежде не имела понятия о существовании людей клана. Однако более всего ее внимание привлекли избороздившие лицо Креба шрамы. За свою недолгую жизнь ей не приходилось встречать столь изуродованного лица. С непосредственностью ребенка она слегка погладила рубец: вдруг с ним что-нибудь произойдет.

При этом Креб невольно отпрянул. Ни один ребенок к нему так еще не прикасался. Да и взрослые тоже. Все боялись, как бы его уродство не перешло к ним. Одна Иза беззаветно ухаживала за братом, когда зимой его одолевали боли в костях. Она не пугалась увечного тела Креба и не трепетала перед его высоким положением. Своим детским порывом малышка коснулась затаенной струны одинокого старческого сердца. Ему захотелось поговорить с ней, но он не знал, с чего начать.

– Креб, – произнес он, указывая на себя.

Иза потихоньку наблюдала за ними, заваривая цветки. Она была рада, что брат проявил участие к девочке и назвал свое имя.

– Креб, – повторил он, похлопывая себя по груди.

Девочка кивала, пытаясь понять, чего он от нее добивается. Мог-ур повторил свое имя в третий раз. Наконец она просияла от радости, выпрямилась и улыбнулась.

– Гр-раб, – произнесла она с раскатистым «р».

Пожилой человек одобряюще кивнул: у нее получилось почти как надо. После этого он указал на нее. Она слегка нахмурилась, не понимая, чего он добивается на этот раз. Он постучал себя по груди, повторил свое имя, после чего похлопал ее. Глаза у нее просветлели, и, расплывшись в улыбке, которую Креб едва не принял за кривую гримасу, она свободно произнесла столь странное звуко сочетание, что его немислимо было не то что повторить, но даже толком разобрать.

– Эй-рр, – робко начал он. – Эй-лла, Эй-ла?

У него вышло почти правильно. Никто в клане не смог бы сказать лучше.

Улыбнувшись, девочка радостно кивала. Даже она понимала, что произнести ее имя так, как говорит она, ему все равно не удастся.

– Эй-ла, – заучивая новые звуки, повторил он.

– Креб? – Девочка потянула его за руку и вопросительно указала на женщину.

– Иза, – сказал Креб. – Иза.

– Йии-за, – повторила она. Ей нравилось играть в слова. – Иза, Иза, – глядя на женщину, весело тараторила она.

Иза строго кивнула; звуковое имя для них имело большое значение. Она наклонилась вперед и так же, как Креб, похлопала малышку по груди, желая услышать ее имя еще раз. Девочка повторила, однако Иза даже не знала, как подступиться к странному звуковому сочетанию, произнести которое для ребенка не составляло никакого труда. Девочка немного смутилась, но, взглянув на Креба, решила воспроизвести свое имя так, как он.

– Йай-гха? – с трудом произнесла Иза.

Девочка замотала головой и повторила свое имя снова.

– Ай-йа? – Иза сделала вторую попытку.

– Эй, эй, а не ай, – вмешался Креб. – Ээй-лла. – Он медленно проговорил странный для Изы набор звуков.

– Ээй-лла, – тщательно повторила за ним женщина.

Девочка улыбнулась. Пусть ее имя звучит не совсем правильно, главное, что Иза очень старалась произнести его так, как Креб. Пусть она будет для них Эйлой. Она безотчетно подавалась вперед и стиснула Изу в объятиях.

Иза слегка прижала ее к себе и тотчас отстранила. Следовало бы объяснить девчужке, что проявлять чувства на людях неприлично, однако детская непосредственность была приятна беременной женщине.

Эйла была вне себя от радости. Как долго она ощущала себя чужой и одинокой среди этих людей! Теперь же, по крайней мере, ей стало известно, как зовут ухаживающую за ней женщину и на какое имя откликаться самой. Это было только начало. Она обернулась к мужчине, затеявшему с ней разговор. Он уже не казался ей таким уродливым. Ее переполняла радость, и, ощутив прилив нежности к нему, она обвила ручками морщинистую шею, притянула к себе его голову и прижалась к нему щекой: таким образом она прежде выражала чувства к другому мужчине, о котором хранила смутные воспоминания.

Детский порыв привел Креба в замешательство. Он едва сдержался, чтобы самому не обнять странного ребенка. Но делать это за пределами семейного очага было против всяких правил приличия. Зато он позволил ей чуть дольше удерживать маленькую щечку у бородатого лица, прежде чем снял детские ручки со своей шеи.

Оперевшись на посох, Креб встал. Девочка целиком завладела его мыслями. «Нужно обучить ее нашему языку, – решил он для себя. – В конце концов, нельзя же все взваливать на одну женщину». На самом деле ему просто хотелось проводить с ней больше времени. Сам того не подозревая, он размышлял о ней как о постоянном члене клана.

Разрешив Изе взять странное дитя, Бран не задумывался о том, что делать с ребенком дальше. Неумение мыслить вперед было не виной его как вождя, а бедой всей расы. Он не мог предвидеть, что на пути им встретится раненый ребенок из чужого племени, не говоря уж о последствиях его спасения. Теперь жизнь девочки была вне опасности, и ему предстояло решать: либо оставить ее в клане, либо бросить на произвол судьбы, что означало обречь на верную гибель. Но Бран боялся восстановить против себя Изу, у которой хоть и не было никакой личной власти, зато имелась целая армия грозных духов. К тому же ее сторону принял Мог-ур, а уж кто-кто, а он мог призвать любого духа. Бесплотные сущности для Брана представляли мощную силу, и он не испытывал желания портить с ними отношения. Честно говоря, в истории с девочкой его беспокоило только это обстоятельство, хотя он не мог толком осознать эту мысль. Так или иначе, но клан Брана увеличился на одного человека.

Осмотрев на следующее утро ногу Эйлы, целительница отметила значительное улучшение. Зараза была почти побеждена, а четыре параллельные бороздки заживали, правда, следы от них должны были остаться на всю жизнь. Иза решила, что примочка больше не нужна, и приготовила для девочки только ивовый чай. Когда женщина сняла с малышки меховое одеяло,

та попыталась встать. Иза помогла ей, и девочка осторожно ступила на раненую ногу, которая тут же отозвалась болью, но после нескольких шагов ей стало легче.

У девочки, которая оказалась даже выше, чем предполагала Иза, были длинные тонкие и прямые ноги с костлявыми коленками. Поначалу целительница чуть было не решила, что у ребенка что-то не в порядке, поскольку у ее соплеменников ноги были кривыми. Однако если не считать прихрамывания, то Эйле ничто не мешало передвигаться. Должно быть, прямые ноги для нее были таким же нормальным явлением, как и голубые глаза.

Когда они отправились дальше, Иза вновь привязала Эйлу к себе – та была еще не в силах пройти большое расстояние сама, и женщина спускала ее на землю только во время остановок. У девочки появился хороший аппетит, и, казалось, она немало прибавила в весе. Во всяком случае, беременная женщина была не прочь снять с себя лишнюю тяжесть, в особенности когда дорога стала трудной.

Безбрежная равнина постепенно уступала место холмам. Колонна все ближе подходила к подножию гор, на вершинах которых блестели шапки льда. Лес становился все гуще и гуще, и, кроме северных вечнозеленых деревьев, стали попадаться лиственные, с сучковатыми стволами и мощными, густыми кронами. Воздух прогревался гораздо сильнее, чем обычно бывало в это время года, что настораживало Брана. Мужчины сменили накидки на более короткие, с открытым верхом. Женщины же остались в прежних одеждах, потому что так было удобнее нести груз – он не натирал им кожу.

Местность ничем не напоминала степи, окружавшие их прежнюю пещеру. Продвигаясь по тенистым лощинам и поросшим густой травой холмам, Иза все чаще обращалась к знаниям предков, хранившимся в ее памяти. Наряду с дубом, буком, яблоней и кленом встречались хрупкие стройные тонкокорые ивы, березы, грабы, осины, а также высокий ольховник и лесной орех. Казалось, с южным ветерком доносился какой-то звон, который Иза никак не могла различить. На зеленых березах все еще висели сережки, а с фруктовых и ореховых деревьев слетали нежно-розовые лепестки, обещая к осени богатый урожай.

Клану все чаще приходилось пробираться сквозь густую чащу и карабкаться по поросшим всевозможной растительностью скалам. По мере продвижения вверх вновь появились мрачные сосны и серебристые ели, а еще выше – голубые ели. Темная хвоя оттеняла богатую молодую зелень лиственных деревьев. На мшисто-травяном ковре пестрела мозаика всевозможных растений, начиная с щавеля, клевера и кончая крохотными ягодниками, облепившими горные выступы. В лесах преобладали желтые фиалки и розовый боярышник, на высокогорных лугах – желто-белые нарциссы и голубые и желтые цветы горечавки. На затененных участках последние крокусы, гордо подняв голову, прощались до следующего цветения.

Взобравшись по крутому склону на вершину горы, клан остановился на отдых. Внизу поросшие лесом горы резко обрывались и до самого горизонта простиралась голая пустошь. Отсюда как на ладони были видны пасущиеся в высокой траве стада животных. Если бы охотники путешествовали налегке, без обремененных ношей женщин, им не составило бы труда настичь и убить какого-нибудь зверя. На востоке небо было ясным, но с юга стремительно надвигались грозовые тучи. Казалось, еще немного – и они обрушатся на путников ливнем.

Бран с мужчинами собрались на совет в стороне от женщин, но их обеспокоенные крики и жесты недвусмысленно давали понять, о чем они говорят. А не повернуть ли им назад? Ведь они оказались в незнакомых краях и, что еще важнее, с каждым шагом все больше удалялись от равнины. Тут и там в горных лесах мелькали разные звери, но разве могли они сравниться со стадными животными, пасущимися на сочной траве у подножия гор. Охотиться на открытой местности было гораздо проще: преследуемый зверь не мог скрыться за деревьями. Животные, обитавшие на равнинах, объединялись в стада, а горные четвероногие жители держались либо в одиночку, либо небольшими семьями.

«Скорее всего, придется идти назад, поскольку взобраться на крутые горы все равно не удастся», – подумала Иза. Над обескураженными путниками все сильнее сгущались мрачные тучи. Пока женщины ждали решения мужчин, Иза спустила Эйлу на землю и разрешила походить. Та дошла до горного выступа и скрылась за ним. Иза забеспокоилась: как бы не пришлось ее искать. Бран вот-вот закончит совет и отнюдь не обрадуется, если девочка заставит себя ждать. Иза обогнула выступ и невдалеке обнаружила ребенка, но то, что находилось дальше, привело ее в неопишемое волнение.

Женщина, поглядывая через плечо, поспешила к Брану. Она не смела начинать разговор сама и потому терпеливо ждала, когда закончится мужской совет. Бран не подал виду, что заметил сестру, хотя ощутил ее тревогу. Когда мужчины разошлись, Иза бросилась к вождю и села напротив, устремив взгляд в землю, – поза, означавшая, что она хотела ему что-то сказать. Он мог не дать ей позволения говорить, но тогда не узнал бы, что у нее на уме.

А Бран был заинтригован. Неподалеку он приметил девочку; вообще мало что ускользало от его взора. Решив, что просьба Изы будет касаться ребенка, он уж было собрался отказать ей. Что бы там ни говорил Мог-ур, девчонка все равно была вождю не по душе. Бран поднял глаза и встретился взглядом с Кребом, но, как ни старался, не смог прочесть мысли на бесстрастном лице мага.

Тогда вождь вновь обратил взор на сидевшую у его ног женщину, судя по всему, очень встревоженную. Брана нельзя было упрекнуть в черствости, и к сестре он относился с большим уважением. Несмотря на трудности, которые у нее возникали с ее мужчиной, она никогда не вызывала нареканий. И в отличие от других женщин никогда не обращалась к нему по пустякам. Пожалуй, он позволит ей говорить, это еще не обязывает его выполнить ее просьбу. Бран наклонился к ней и похлопал по плечу.

От его прикосновения Иза вздрогнула. Она даже не заметила, что у нее перехватило дыхание. Он разрешил ей говорить! Бран так долго не отвечал на ее просьбу, что она едва не утратила надежду. Иза встала и, указав в сторону горного выступа, произнесла единственное слово: «Пещера».

Глава 4

Бран развернулся и направился к горному выступу. Обогнул его и в изумлении остановился. Его охватило волнение. Пещера! Да еще какая! С первого мгновения он понял: это то, что они искали, но старался не выдать своей радости и не делать преждевременных выводов. Он стал осматривать пещеру и ее расположение. И так был поглощен этим, что даже не заметил девочки.

Даже с расстояния в несколько сотен ярдов он видел, что пещера достаточно велика и в ней может разместиться весь клан. Треугольный вход был обращен к югу, а стало быть, и к солнечному свету в течение большей части дня. Как бы в подтверждение этого, солнечный луч, пробившийся сквозь тучи, озарил красноватую почву внутри. С севера и юго-востока пещеру защищали от ветров отвесные скалы. С западной стороны у подножия небольшого склона протекал ручей, что тоже было немаловажно. О лучшем и мечтать было нельзя. С трудом сдерживая радость, Бран подал знак Гроду и Кребу, собираясь вместе с ними ознакомиться с пещерой изнутри.

Двое мужчин пошли за вождем. Иза последовала за ними, чтобы забрать девочку. Пользуясь случаем, она тоже со стороны взглянула на пещеру и осталась ею вполне довольна. Бран был не в силах скрыть своих чувств, и его волнение передалось другим. Все уже знали о пещере и о том, что она снаружи пришлась ему по вкусу. Пробивавшиеся сквозь тучи солнечные лучи, казалось, заряжали атмосферу надеждой, которой наполнились души людей, столпившихся в ожидании.

Приближаясь ко входу, Бран с Гродом схватились за копыя. Хотя поблизости не было никаких признаков людей, это еще не означало, что в пещере никто не жил. Летавшие внутри птицы громко щебетали. Мог-ур подумал, что птицы – хороший знак. Мужчины шли осторожно и смотрели в оба, изучая помет и свежие следы, самые поздние были оставлены несколько дней назад. Раздробленные огромными зубами задние конечности каких-то животных, скорее всего, говорили о том, что пещера служила временным пристанищем гиен. Вероятно, хищники приволокли в пещеру одряхлевшую лань, чтобы доест в спокойной обстановке.

К западу от входа в пещеру виднелся наполненный после весеннего половодья пруд, в который впадал ручеек. Бран направился поглядеть на источник. Тот брал начало за скалой, чуть выше ветхой и крутой стены пещеры, поэтому мимо пещеры протекала кристально чистая вода. Словом, пещера была расположена наилучшим образом, оставалось выяснить, какова она внутри. Наконец двое охотников и маг решились в нее войти.

Проходя в огромное треугольное отверстие, путники посмотрели вверх и осторожно двинулись внутрь вдоль стены. Когда их глаза привыкли к полумраку, увиденное поразило их до глубины души. Высокий сводчатый потолок венчал огромный каменный зал, который мог бы в себя вместить не один такой клан. Они стали перемещаться крохотными шагами дальше, ища глазами, нет ли в стенах каких-нибудь укромных уголков. В дальнем конце пещеры по стене сочился еще один ручеек, образуя мрачный пруд, окруженный полосой грязи. Сразу за прудом стена круто поворачивала к выходу. Следуя вдоль западной стены, путники увидели темное отверстие. Бран велел Кребу остановиться, а сам вместе с Гродом подошел ближе и заглянул внутрь. Их встретила беспросветная тьма.

– Грод. – Бран жестом объяснил, что ему нужно.

Пока Бран ждал, его помощник выскочил наружу и, оглянувшись вокруг, направился к серебристой ели. Ее ствол истекал смолой. Грод отломил сучок, и на белом сломе выступили бусинки сока. Он оборвал омертвевшие ветви, мешавшие расти новым побегам, после чего достал из подола каменный топор и, срубив им зеленый сук, очистил его. Привязав с помощью прочной травы смолистый сук вместе с сухими ветками к концу только что изготовленной

палки, осторожно достал из хранившегося у него на поясе рога угольки и с зажженным факелом поспешил в пещеру.

Вместе с Браном, державшим дубинку наготове, Грод вошел в расщелину. Узкий коридор через несколько шагов круто поворачивал и сразу за поворотом заканчивался еще одной пещерой, значительно меньше первой и практически круглой формы. Дальняя стена ее была завалена грудой белеющих костей. Подойдя к куче ближе, Бран не поверил своим глазам. Постарался взять себя в руки, подал знак Гроду, и они оба поспешно удалились.

Мог-ур нетерпеливо ожидал их, опершись на посох. Заметив мужчин, выходящих из расщелины, маг насторожился: нечасто доводилось видеть Брана в таком возбужденном состоянии. По сигналу вождя все трое направились во вторую пещеру. Грод осветил небольшое помещение. Увидев гору костей, Мог-ур прищурился. Бросился к ней и опустился на колени. Порывшись, он нащупал крупный продолговатый предмет. Разгреб прочие кости и достал череп.

Сомнений не было. Фронтальный изгиб черепа полностью соответствовал тому, что Креб носил с собой. Маг откинулся назад, поднял череп и для пущей уверенности почтительно взглянул в глазные отверстия. В пещере жил Урсус. Судя по состоянию костей, медведи обитали здесь не одну зиму назад. Теперь Мог-ур знал, что так взволновало Брана. Лучшего знания и представить себе было нельзя. Пещера служила жилищем Великого Пещерного Медведя. Каждая скала тут была пропитана духом огромного существа, почитавшегося кланом превыше всего. Старые кости говорили еще и о том, что долгое время пещера была необитаема и ожидала того дня, когда ее найдут люди.

Найденное кланом жилище оказалось просторным и удобно расположенным, с дополнительным помещением, которое зимой и летом можно было использовать для вечерних ритуалов, и помимо всего дышало непостижимой таинственностью духовной жизни клана. Мог-ур уже представлял себе будущие церемонии в маленькой пещере. Поиски клана благополучно завершились, убежище было найдено, а стало быть, и первая охота обещала быть успешной.

Когда трое мужчин вышли из пещеры, на небе ярко светило солнце и резкий восточный ветер разгонял облака. Бран воспринял это как хороший знак. Даже если бы небо разверзлось и обрушилось на землю ливнем, даже если бы гремел гром и сверкала молния, все равно он счел бы это хорошим знаком. Ничто не могло испортить ему настроения и рассеять чувство удовлетворения. Он стоял и смотрел на вид, открывшийся у выхода из пещеры. В расселине меж двух гор сверкала на солнце водная гладь. Как ему раньше не приходило в голову, что они находятся так близко к воде? Теперь понятно, почему здесь так тепло и такая необычная растительность.

Пещера находилась у подножия горной гряды в южной оконечности полуострова, выдающегося во внутреннее море, которое раскинулось посреди материка. Первоначально полуостров соединялся с северной частью большой земли одним широким перешейком, но позже соляная топь образовала еще один подход к высоким горам на востоке. Соляное болото завершалось небольшим внутренним морем в северо-восточной части полуострова.

Горы защищали южное побережье полуострова от зимнего холода и лютых ветров, навеваемых с севера ледником. Дувшие с незамерзавшего моря ветры, делая мягкой зиму и прохладным лето, обеспечивали теплом и влагой густые широколиственные леса, характерные для районов умеренно холодного климата.

Пещера находилась в наиболее удобном месте, совместившем в себе все преимущества обоих миров. С одной стороны, здесь было теплее, чем в близлежащих краях, с другой – не имелось недостатка в лесе, чтобы согреться зимой. Невдалеке раскинулось море, в котором водилась рыба и прочая живность, а на отвесных скалах вили гнезда и откладывали яйца птицы. Лес был своего рода райским садом, в котором с лихвой можно было запастись фруктами, орехами, ягодами, кореньями, овощами и зеленью. По соседству бежали ручьи со свежей водой. Но

самое главное, пещера находилась в доступном для охоты месте: близлежащие степи с их сочной растительностью служили пастбищем стадам крупных животных, которые давали людям не только мясо, но одежду и домашнюю утварь. Клан всегда питался продуктами земли и охоты, а здешняя земля предоставляла это в изобилии.

Бран шел навстречу людям, не чуя почвы под ногами. Лучшего жилища он себе даже не мог представить. «Духи вновь к нам вернулись, – решил он. – А возможно, и вообще не покидали клан, а просто хотели, чтобы он перебрался в более крупную, более удобную пещеру. Конечно! Так оно и есть! Они устали жить в старой пещере, хотели переселиться в новую, поэтому устроили землетрясение, чтобы выселить клан. Возможно, погибшие люди испытывали потребность жить в мире духов и, чтобы заполучить свое, привели нас к этой пещере. Они, верно, меня проверяли – проверяли как вождя. Вот почему я никак не мог повернуть назад». Бран был рад, что все так вышло. Если б сомнения не сбивали его с избранного пути поисков пещеры, Бран сейчас не шел бы, а бежал, чтобы сообщить новость.

Представ перед людьми, трое мужчин могли ничего не говорить. Все и так уже всё знали. Иза видела пещеру и, придя от нее в восторг, не сомневалась, каково будет решение Брана. «Теперь он не посмеет бросить Эйлу, – думала она. – Если бы не она, Бран повернул бы назад раньше, чем мы нашли пещеру. Должно быть, у девочки сильный и счастливый покровитель. – Иза взглянула на стоявшую рядом Эйлу, не подозревавшую, что она стала причиной всеобщего возбуждения. – Но раз она такая удачливая, почему тогда она лишилась близких? – Иза покачала головой. – Все-таки воля духов непостижима».

Бран тоже посмотрел на ребенка. Увидев Изу, он впервые вспомнил, что это она сообщила ему о пещере, обнаружив ее, когда отправилась вслед за Эйлой. Брана тогда разозлило то, что девчонка гуляла сама по себе, в то время как он велел всем ждать. Но не послушайся его девочка, они не нашли бы жилья. «Любопытно, почему духи привели ее туда первой? Могур прав, он всегда прав, духов не разгневал поступок Изы и появление в клане Эйлы. Так или иначе, но они благоволят к девчонке».

Бран скользнул взглядом по калеке, который мог бы занять место вождя вместо него. К счастью для Брана, брат стал в клане Мог-уром. «Странно, – думал Бран, – что я долгое время не воспринимал его как брата, даже когда мы были детьми». И свyksя он с этой мыслью, лишь став юношей, которому с трудом удавалось владеть собой, – качество, необходимое каждому мужчине, в особенности тому, кому судьбой было уготовано стать вождем. Старшему брату тоже приходилось несладко: его преследовали боль и насмешки, оттого что он не мог быть охотником. Казалось, Креб всегда ощущал, когда Бран был на грани вспышки. Стоило калеке посмотреть на него добрым взглядом или просто сесть рядом, как Брану уже становилось спокойнее от его молчаливого понимания.

Дети, рожденные от одной матери, хоть и считались единокровными, но близкие отношения возникали лишь между детьми одного пола, и то только когда они были молоды или в редкие минуты духовной близости. У мальчиков не могли зародиться такие отношения с девочками, а у девочек с мальчиками. Так, у Креба был брат по крови и по духу, у Изы же – только братья по крови.

Порой Бран жалел Креба, но, преклоняясь перед нравственной силой и знанием Мог-ура, забывал о его увечье. Вождь видел в нем даже не человека, а великого шамана, к мудрому совету которого приходилось частенько прибегать. Вряд ли Креб жалел, что не стал вождем, но никто не мог сказать, страдал ли он оттого, что не имел женщины и детей. Иногда его жизнь была согрета женским теплом. Но своей женщины Креб не имел, никогда не учился охотиться, не увлекался занятиями нормального человека, он был магом, Магом с большой буквы.

Бран не имел представления о магии и почти ничего не знал о духах, зато был вождем, имел свою женщину и отличного сына. Ему доставляло удовольствие думать о Бруде и о том, что предстоит вырастить из него достойного вождя. «На следующую охоту – охоту для пещер-

ного пира, – размышлял он, – я непременно возьму его с собой. Эта охота может стать его посвящением в мужчины. Если ему удастся кого-нибудь забить, мы включим обряд его посвящения в вечерний ритуал. Вот уж Эбра им будет гордиться! Он ведь такой сильный и храбрый! Правда, немного своевольный, но со временем непременно научится умирять свой нрав. Теперь, когда у нас есть жилище, пора подумать о запасах на зиму. Мальчику скоро двенадцать – достаточно взрослый для вечерних церемоний. А они обещают быть особенными. Иза будет готовить напиток.

Иза! Что мне с ней делать? И с этой девчонкой? Какая-то она странная, но Иза к ней привязалась. Верно, потому, что долго не имела своих детей. Скоро у нее будет ребенок, но мужчины, который бы ее содержал, пока что нет. Вместе с Эйлой нужно будет заботиться сразу о двоих. Иза уже немолода, беременна, но имеет положение в клане и владеет магией растений. Она могла бы оказать честь любому мужчине. Возможно, кто-нибудь и взял бы ее на правах второй женщины, если бы не эта чудная девчонка. Но духи ей благоволят. Хорошо, что я не прогнал ее прочь, не то, чего доброго, они опять разгневались бы и наслали бы землетрясение». От этой мысли Бран содрогнулся.

«Это Иза сообщила мне о пещере и, конечно, заслуживает благодарности, но только не явной. Позволю ей оставить девочку – вот и будет ей благодарность, тем более что ребенок не из клана. Интересно, как к этому отнесутся духи? У нее нет даже тотема. Как можно позволить ей жить в клане? О духи! Не понимаю я вас».

– Креб, – обратился Бран к магу.

Тот, удивившись, что Бран обратился к нему по личному имени, заковылял к вождю, чтобы поговорить с глазу на глаз.

– Эта девочка, та, которую подобрала Иза, ведь она не из клана, Мог-ур, – не зная, с чего начать, приступил к разговору Бран. Креб молча ждал. – Ты мне сказал: пусть Урсус решит, жить ей или нет. Судя по всему, он сделал выбор, а что нам делать с ней теперь? Она не из клана. У нее нет покровителя. Наши тотемы ни за что не позволят никому из другого клана готовить для них пещеру. Принимать участие в церемонии освящения можно только тем, чьи духи будут в ней жить. Эйла чересчур мала, одна она не выживет, да и Иза хочет ее оставить, но как быть с пещерной церемонией?

Откровенный разговор не застиг Кребра врасплох.

– У девочки есть покровитель, Бран, причем очень сильный. Мы пока что его не знаем. Зато знаем, что на нее напал пещерный лев и она отделалась всего несколькими царапинами.

– Пещерный лев! Не всякому охотнику удастся так легко от него отделаться.

– Вот именно, к тому же она долго бродила одна, страдала от голода, но не погибла, а оказалась на нашем пути, чтобы в конце концов ее подобрала Иза. И заметь, ты этому не препятствовал, Бран. Она чересчур мала для такого тяжелого испытания, – закончил Креб, – но, полагаю, девочку испытывал ее покровитель. У нее очень сильный тотем, и к тому же счастливый. Мы все могли бы разделить ее удачу, если это уже не произошло.

– Ты имеешь в виду пещеру?

– Прежде всего пещеру показали ей. Мы едва не повернули назад, хоть ты привел нас совсем близко к цели, Бран...

– Меня вели духи, Мог-ур. Им нужно было новое жилище.

– Да, конечно, они тебя вели, но все же прежде показали пещеру ей. Я уже об этом думал, Бран. У нас два ребенка, которые не знают своих тотемов. У меня не было времени этим заняться, важнее всего было найти новую пещеру. Думаю, мы проведем ритуал Обретения Покровителя для этих детей сразу после того, как освятим пещеру. Это принесет им удачу и порадует их мам.

– А как быть с девочкой?

– Я поразмышляю насчет тотемов этих двух детей, а заодно и о ней. Если ее тотем явится мне в медитации, я и ее включу в церемонию. От нее почти ничего не потребуется, и мы сразу сможем принять ее в клан. Тогда вопрос, что с ней делать, отпадет сам по себе.

– Принять ее в клан! Она же не из наших. Кто подал тебе такую мысль? Этого нельзя делать, Урсус будет недоволен. Ничего подобного мы себе не позволяли, – возмутился Бран. – Я даже не думал делать ее членом клана, а только хотел узнать, как отнесутся духи к тому, чтобы она с нами пожила до поры до времени.

– Иза спасла ей жизнь, Бран, она хранит частичку души девочки, а это уже делает ребенка частицей клана. Ребенок был на пороге смерти, но остался жив. Это все равно что заново родиться – родиться в клане. – Креб заметил, что у Брана заходила челюсть, и поспешил предупредить его возражения: – Случается, что люди из одного клана переходят в другой, Бран. Ничего необычного в этом нет. Было время, когда молодежь из разных племен образовывала новые кланы. Помнишь, как на последнем Сходбище два небольших клана решили объединиться в один? Они вымирали, детей с каждым годом рождалось все меньше и меньше, а те, что рождались, не всегда доживали до года. Так что принимать кого-то в клан – дело не новое, – обосновал свой ответ Креб.

– Верно, люди порой переходят из одного клана в другой, но эта девчонка из Других. Ты даже не знаешь, станет ли с тобой говорить ее покровитель. А если и станет, то как ты его поймешь? Я и понять-то ее не могу! Неужели ты в самом деле думаешь, что сможешь это сделать – отыскать ее тотем?

– Я могу лишь попробовать. Обращусь за помощью к Урсусу. У духов свой язык, Бран. Если ей суждено быть в клане, ее покровитель найдет способ дать мне это понять.

– Пусть даже тебе удастся найти ее тотем, – после некоторого раздумья продолжил Бран, – но кто из охотников захочет взять ее под опеку? Иза с ее будущим ребенком и так будет кому-то в тягость, а охотников у нас не слишком-то много. Ее мужчина – не единственный, кто погиб при землетрясении. Его участь разделил сын женщины Грода, а ведь он был совсем еще молодой и сильный. А также мужчина Аги, он оставил без опеки двоих детей и ее мать. – Горечь промелькнула в глазах вождя при воспоминании о потерях клана. – И еще Ога, – продолжил Бран. – Сначала погиб мужчина ее матери, а вслед за ним в пещере умерла и сама мать. Я предложил Эбре взять девочку к нам. Ога вот-вот станет женщиной. Я собираюсь ее отдать на попечение Бруду, он будет рад. – Рассуждая, он на мгновение ушел от темы. – Мужчинам и без чужой девчонки хватает забот, Мог-ур. Прими я ее в клан, кто тогда согласится взять к себе Изу?

– А кому ты собирался отдать ее до того времени, как девочка вырастет? – спросил одноглазый калека. Бран почувствовал неловкость, но не успел ответить, так как Креб продолжил: – Не стоит обременять охотников, Бран. Об Изе с девочкой позабочусь я.

– Ты?

– А почему нет? У меня будут жить одни женщины. По крайней мере, пока. Разве я, как шаман, не имею права на долю от каждой охоты? Прежде я никогда об этом не заявлял, но теперь могу это сделать. Чем взваливать груз забот на одного охотника, пожалуй, будет лучше каждому охотнику выделять определенную долю мне. Я давно собирался поговорить с тобой насчет отдельного очага для меня с Изой, пока ее не возьмет к себе кто-нибудь из мужчин. Мы с ней давно делим один очаг, мне трудно будет отойти от многолетней привычки. К тому же Иза врачует мои больные суставы. Если у нее родится девочка, я позабочусь и о ней. А если мальчик... ну, тогда и будем решать.

Бран недолго поразмышлял над его словами: «А почему бы и нет? Так будет даже проще. Только зачем Креб это делает? Не важно, где будет жить Иза, она все равно будет заботиться о его здоровье. Зачем человеку его возраста вдруг брать на себя хлопоты о маленьких детях? Может, он чувствует ответственность за девочку?» Брану была не по душе мысль принять в

клан чужого ребенка – лучше бы такой вопрос вообще не возникал, – но жить рядом с человеком, на которого законы клана не распространялись, было еще хуже. Уж лучше сделать ее членом клана и научить, как подобает вести себя женщине. Словом, Бран не видел причин чинить брату препятствия.

– Ладно, если ты найдешь ее покровителя, мы возьмем ее в клан, Мог-ур. И пусть она будет с тобой – по крайней мере, до тех пор, пока Иза не родит. – Первый раз Бран поймал себя на том, что желает, чтобы у Изы родилась девочка.

Приняв решение, Бран ощутил, будто с его плеч свалился груз. Ему долго не давал покоя вопрос, что делать с Изой, но он всякий раз его откладывал на потом. Тогда у него были заботы поважнее. Вместе с Кребом он не столько принял важное решение как вождь клана, сколько решил личную проблему. С того момента, как погиб мужчина Изы, Бран, сколько ни прикидывал, куда пристроить ее с будущим младенцем, склонялся к тому, что придется их вместе с Кребом брать к себе. На его попечении уже были Бруд и Эбра, а теперь еще Ога. Лишние люди у очага не вселяли в него энтузиазма. Ему негде было бы даже отдохнуть. К тому же вряд ли такое решение понравилось бы его женщине.

Эбра неплохо ладила с сестрой Брана, но не настолько, чтобы жить у одного очага. Женщина Брана втайне завидовала Изе. В любом другом клане Эбра имела бы положение первой женщины. Но Иза принадлежала к непрерывной ветви женщин-целительниц, которых почитали в клане выше всех остальных. У нее было собственное положение, не зависящее от заслуг ее мужчины. Когда Иза подобрала девочку, Бран боялся, что на него ляжет забота и о ней. Вождю даже не приходило в голову, что Мог-ур может взять всю ответственность за них на себя. Креб не был охотником, но имел массу других достоинств.

Сбросив с себя груз забот, Бран поспешил к соплеменникам, чтобы сообщить им то, о чем они уже догадывались.

– Наш поход закончен. Мы нашли пещеру, – означал его жест.

– Иза, – Креб обратился к ней, когда она заваривала ивовый чай для Эйлы, – сегодня вечером я не буду есть.

Иза понимающе кивнула. Она знала, что он собирался перед церемонией медитировать. А перед этим он никогда не ел.

Клан разбил лагерь рядом с ручьем у подножия пологого холма, ведущего в пещеру. Прежде чем поселиться в новом жилище, нужно было провести особый ритуал освящения. Но вряд ли его можно было провести как следует: все были слишком взволнованы и чуть ли не каждый находил для себя повод хоть одним глазком заглянуть внутрь будущего жилища. Женщины, собиравшие хворост, в основном находили его у входа в пещеру, а мужчины шли следом, якобы приглядывая за ними. Народ был возбужден от радости. Такого настроения у них не было со времени землетрясения. Снаружи пещера всем очень нравилась. И хотя трудно было разглядеть, какова она внутри, все же новое жилище казалось гораздо просторнее прежнего. Женщины с восторгом взирали на кристально чистый ручей: теперь им не придется далеко ходить за водой. И с трепетом предвкушали пещерный ритуал, один из немногих, к участию в котором допускались представительницы слабого пола.

Креб удалился от всех в тихое местечко, чтобы ему никто не мешал все обдумать. Проходя мимо ручья, несущего свои воды в море, он вновь ощутил теплый южный ветерок, тербивший ему бороду. На ясном вечеряющем небе едва виднелись убегающие вдаль облака. Пробираясь сквозь густую и пышную растительность было довольно трудно, но он этого почти не замечал, потому что был глубоко погружен в свои мысли. Неожиданный шум в кустах заставил его встрепенуться. Единственной защитой от неприятеля ему служил походный посох, правда в сильной руке Креба и он был грозным оружием. Мог-ур держал его наготове, когда из кустов донеслось фыркание и хрюканье, ветки зашевелились и послышался треск.

Перед ним во всей красе предстал огромный сильный зверь на коротких крепких ногах. По обеим сторонам его морды торчали острые клыки, скорее походившие на бивни. Креб узнал его сразу, хотя прежде никогда не видел. Кабан. Враждебно покосившись на калеку, дикая свинья нерешительно потопталась на месте, после чего, не удостоив шамана вниманием, вскоре ушла восвояси. Облегченно вздохнув, Креб двинулся дальше вдоль ручья. Он остановился на узком песчаном берегу, расстелил накидку и, положив на нее череп, сел напротив. После нескольких формальных жестов, призывающих дух Урсуса, он мысленно сосредоточился на младенцах, которым нужен был духовный покровитель.

Дети всегда вызывали интерес у Креба. Сидя среди соплеменников, он любил со стороны наблюдать за малышами. Одному из младенцев, рослому крепышу, было всего полгода. С рождения он то и дело издавал грозный крик, в особенности когда просил есть. Обнюхав носиком мамочку, зарывался в ее грудь и, отыскав сосок, предавался приятному занятию, урча от удовольствия. Точь-в-точь как недавно повстречавшийся Кребу кабан. При этой мысли маг невольно улыбнулся. Кабан – достойное и умное животное. Страшные клыки представляли большую опасность, когда зверь приходил в ярость, а короткие ноги в случае чего могли развить удивительную скорость. Любой охотник счел бы за честь иметь такой тотем. В этих краях кабану жилось очень привольно. Его дух вполне мог найти себе укромное место в новой пещере. «Конечно, не кто иной, как кабан, – покровитель мальчика, – решил Креб, – не зря же этот зверь повстречался мне на пути».

Креб остался доволен выбором и тут же перешел ко второму ребенку. Им была Оуна, родившаяся накануне катастрофы, во время которой у ее матери погиб мужчина. Ворн, четырехлетний брат малышки, остался единственным «мужчиной» у их очага. «Аге скоро потребуются другой мужчина, который мог бы позаботиться к тому же и о ее матери, – размышлял Мог-ур. – Но это решит Бран. Мое дело – думать об Оуне, а не о ее матери.

Девочке нужен покровитель поизящнее, – продолжал Креб, – и не сильнее, чем у мальчика, иначе он может изгнать из нее плодотворящую сущность и она не будет иметь детей». Тут он вспомнил об Изе. Ее тотем, антилопа, оказался слишком сильным и долгое время неподвластным покровителю ее мужчины. Хотя, возможно, ему так и не удалось сломить ее. Мог-ур не раз об этом думал. Тайны магии были открыты Изе больше, чем кому-либо другому, но счастья в жизни с мужчиной ей это не принесло. По многим причинам Креб не винил ее. Она всегда была во всем безупречна. Теперь целительница осталась одна. А Креб хоть и не станет в полном смысле ее мужчиной, но будет заботиться о ее пропитании.

Стать ее мужчиной Креб не мог – это означало нарушение традиций клана. К тому же он давно не испытывал потребности в женщине. С Изой ему всегда было уютно, долгие годы она заботилась о нем, но в их отношениях оставалась некоторая отчужденность, от которой он надеялся теперь избавиться. Возможно, благодаря Эйле. Вспомнив, как детские ручки обвили его шею, Креб ощутил прилив тепла. «Ладно, об этом после, – сказал он себе, – прежде всего Оуна».

Малышка была тихим ребенком и всегда серьезно таращила на него крупные круглые глаза. Разглядывала она все подряд, будто проявляла ко всему огромный интерес. Перед внутренним взором Креба появилась сова. «Не слишком ли сильна эта птица для девочки? Хотя сова – хищник, но охотится только на маленьких зверьков. При таком тотеме у женщины мужчине нужно иметь покровителя посильнее. Не исключено, что именно такой мужчина ей и будет нужен. Сова так сова, – заключил он. – Каждой женщине нужен мужчина с сильной защитой, – продолжал размышлять Креб. – Не потому ли я не нашел себе избранницу? Какую силу может представлять собой косуля? У Изы покровитель гораздо сильнее». Давно Креб не думал о доброй, застенчивой косуле как о своем тотеме. Кстати, она, как и кабан, тоже обитала в здешних чащах. Мог-ур был одним из немногих, имевших два тотема: у Креба им была косуля, а у Мог-ура – Урсус.

Урсус, пещерный медведь, – косматый травоядный гигант, вдвое выше и втрое тяжелее своих плотоядных собратьев, самый крупный из всех известных на земле представителей этой породы. Обычно он спокоен, и нужно сильно постараться, чтобы разъярить его. Но как-то однажды взбешенная медведица-мать напала на беззащитного мальчика-калеку, в забытии бродившего вблизи ее детеныша. Беднягу, подранного, истекающего кровью, с изуродованным лицом и вырванным глазом, вскоре нашла мать и спасла ему жизнь. Огромное чудовище раздробило ему руку, и ее пришлось отрезать ниже локтя. Вскоре после этого случая Мог-ур, его предшественник, избрал мальчика в преемники. Шаман сказал, что Урсус испытывал Креба и счел достойным своего покровительства, в знак чего отнял у мальчика глаз. Оставленные шрамы полагалось носить с гордостью, поскольку они тоже были знаками нового тотема.

Урсус никогда не позволял своему духу войти в женщину и зачать ребенка. Своей защиты Пещерный Медведь удостоивал лишь избранных, причем далеко не каждый из них после страшного испытания оставался жив. Глаз был слишком дорогой ценой, но Креб ни о чем не жалел. Он был Мог-уром. Ни один маг не владел подобной силой, которая, по его глубочайшему убеждению, досталась ему от Урсуса. Теперь же Мог-ур просил у него помощи.

Взявшись за амулет, он просил духа Пещерного Медведя представить ему тотем девочки из чужого племени. При этом он был далеко не уверен, что получит ответ. Креб сосредоточился на девочке, вспоминая то небольшое, что знал о ней. «Эйла прилюдно проявила ко мне расположение, невзирая на страх и осуждение со стороны других. Редкая черта для девочек, которые при моем приближении обычно прячутся за мам. Она любознательна и быстро всему учится. – В сознании у него стала вырисовываться какая-то картинка, но он от нее отмахнулся. – Нет, этого не может быть, она же девочка, а это не женский покровитель». Отогнав от себя видение, он стал повторять все сначала, надеясь, что получит другой ответ.

Перед его внутренним взором возникли бескрайняя степь и стая пещерных львов, лениво греющихся на знойном летнем солнце. Среди них были два детеныша. Один, весело прыгая по высокой траве, с любопытством совал свой нос в норки грызунов и при этом насмешливо рычал. Это была будущая львица, главный охотник стаи. Это она будет приносить добычу своему спутнику жизни. Подскочив к косматому собрату, она стала подбивать его на игру. Но, не добившись результата, стала задираť взрослого льва, шлепая лапой по его морде. Делала она это нежно, можно сказать, даже любя. Тот опрокинул ее и, прижав лапой к земле, стал лизать длинным шершавым языком. «Пещерные львы тоже воспитывают детенышей в любви и строгости», – подумал Креб, любуясь картиной домашнего блаженства.

Мог-ур попытался избавиться от видения и вновь сосредоточиться на девочке, но картина осталась прежней.

«Урсус, – обратился Креб за помощью, – неужели Пещерный Лев? Женщине нельзя иметь такого сильного покровителя. Она же не сможет найти себе достойного мужчину».

Никто из их клана не имел такого покровителя, да и в других кланах таких людей были единицы. Он вновь восстановил перед собой образ высокой девочки с прямыми ручками и ножками, плоским лицом, выпуклым лбом и бледной безволосой кожей. Даже глаза у нее горели ярче обычного. «Из нее вырастет некрасивая женщина, – подумал Креб. – Такая, пожалуй, не приглянется ни одному мужчине». И мысль о том, что и его избегали женщины, даже когда он был моложе, невольно промелькнула у него в голове. «Возможно, ее тоже ждет такая участь. Что ж, поскольку Эйле придется прожить жизнь без мужской защиты, ей нужен сильный духовный покровитель. Но неужели Пещерный Лев?» Он постарался припомнить, не было ли когда в клане женщины с таким тотемом.

«Но она из другого клана, – напомнил он себе, – и, несомненно, дух-защитник у нее очень силен, иначе она не осталась бы в живых. Пещерный лев задрал бы ее насмерть. Он напал на нее, но не убил... хотя, может, и не нападал? Может, он ее испытывал?» Вдруг Креба осенила догадка, и все сомнения развеялись. Теперь он был уверен. Даже у Брана не останется сомне-

ний. Пещерный Лев пометил девочку четырьмя параллельными рубцами, которые останутся у нее на всю жизнь. Именно такой знак Пещерного Льва Мог-ур вырезает на теле юноши во время церемонии посвящения – четыре параллельные полосы на бедре!

Они вырезались на бедре юноши, но она была девочкой с теми же знаками. И как ему это раньше не пришло в голову? «Должно быть, лев знал, что в клане отнесутся к ней с недоверием, поэтому во избежание ошибки пометил ее сам, причем знаками, принятыми в клане. Так он решил изъять клану свою волю. Он хотел, чтобы она жила с нами. Для этого он отнял у нее родных и близких. Но зачем?» И Мог-ур ощутил то же беспокойство, что испытал после церемонии в день, когда нашли девочку. Он бы назвал его дурным предчувствием с оттенком некой неясной надежды.

Мог-ур страхнул с себя это ощущение. Еще никогда прежде тотем не проявлял себя так явно. Именно поэтому Креб пребывал в некой безмятежности. «Значит, покровитель девочки – Пещерный Лев. Он избрал ее так же, как Урсус избрал меня», – заключил Мог-ур, уставившись в пустые глазницы черепа. Всякий раз, постигая волю духов, он не уставал восхищаться тем, как они заявляли о себе. Теперь все стало на свои места. Он был спокоен и одновременно потрясен. Зачем девочке потребовалась такая сильная защита?

Глава 5

Темная листва деревьев шуршала под легким ветерком, вырисовывая причудливые тени на вечернем небе. Лагерь стих, готовясь ко сну. Иза сидела подле спящей Эйлы у тлеющего костра и раскладывала перед собой содержимое карманов, то и дело поглядывая, не показался ли Креб. Он пошел в незнакомый лес один, без оружия и в случае опасности не смог бы даже защитить себя. Беспокойство Изы нарастало с каждой минутой.

Пока еще не стемнело, она обследовала окрестности, собираясь пополнить запасы целебных трав. В новой пещере ей будет отведен для них специальный уголок. А пока она обходилась тем, что было в сумке, в разных отделениях которой хранились средства первой помощи: сушеные листья, цветы, корни, клубни и древесная кора. Без сумки Иза не ступала ни шагу и скорее рассталась бы с одеждой, чем с этой бесценной ношей.

Наконец вдали показался хромающий мужчина, и у Изы отлегло от сердца. Она бросилась подогревать еду и кипятить воду, чтобы заварить ему любимый травяной чай. Приблизившись к костру, он опустился на землю рядом с Изой, которая складывала маленькие мешочки в большой.

– Как дела у девочки? – осведомился он.

– Уже лучше. Боль почти прошла. Она спрашивала о тебе.

В душе порадовавшись, Креб сказал:

– Сделай ей к утру амулет, Иза.

Целительница покорно кивнула и принялась суетиться с едой. Она не могла усидеть на месте, ее переполняла радость. Эйла останется с ними. Значит, Креб общался с ее духовным покровителем. Сердце целительницы сильно забилося от волнения. Матери двух других детей уже приготовили амулеты. Они были уверены, что на вечерней церемонии узнают тотемы своих детей. Младенцам это предвещало удачу, а молодых мам буквально распирало от гордости.

«Любопытно, почему Креб так долго не было? Должно быть, узнать покровителя Эйлы оказалось непросто». Изу подмывало расспросить о нем Мог-ура, но она подавила свой порыв. Ответа все равно не последовало бы, да и ни к чему было опережать события: скоро это станет известно всем.

Она положила Кребу еду и налила ему и себе чай. Они сидели молча, пребывая в атмосфере любви и тепла. Кроме них, весь лагерь спал.

– Поутру охотники отправляются на охоту, – произнес Креб. – Если им повезет с добычей, то церемонию проведем на следующий день. Успеешь подготовиться?

– Я проверила сумку. У меня есть все, что надо. Я подготовлюсь. – Иза подняла мешочек. Он отличался от других: буро-коричневого цвета с красно-желтым порошком, смешанным с медвежьим жиром, применявшимся для выделки медвежьей кожи, из которой был сделан сам мешочек. Женщины клана никогда ничего не подкрашивали этим священным цветом, но каждый член клана хранил комочек красной охры в своем амулете. Обладательницей священной реликвии была Иза. – Завтра утром я совершу обряд очищения.

Креб снова что-то промышчал. Это была принятая в клане уклончивая форма ответа мужчины женщине. Ей как бы давали понять, что ее услышали, но не придали большого значения словам. Немного помолчав, Креб поставил свою чашку и посмотрел на сестру.

– За тебя и девочку, а также за твоего будущего ребенка, если родится девочка, теперь будет отвечать Мог-ур. Ты будешь жить у моего очага, Иза. – С этими словами он, оперевшись на посох, поднялся и поковылял спать.

Иза хотела было встать, но, ошеломленная известием, словно приросла к месту. Услышать такое она ожидала меньше всего. Хотя своего мужчины у нее не было, в клане были и другие, которые могли бы взять на себя заботу о ней. Как она ни старалась не думать о том,

что с ней будет, мысли эти не шли у нее из головы. Да и какая разница, что у нее на душе, если Бран все равно не станет ее слушать? Все, что она себе рисовала, либо ее не устраивало, либо было почти неосуществимо.

Так, например, она могла бы стать женщиной Друка. Он остался один, потеряв мать Гува во время землетрясения. Иза уважала Друка. Никто не умел мастерить такие инструменты, как он. Далеко не каждый в клане мог вытесать из кремня топор или кирку, а у Друка к этому делу был сущий талант. В его руках камень обретал любую желаемую форму. Его ножи, кирки и прочие орудия труда высоко ценились в клане. Будь на то воля Изы, она выбрала бы Друка. С матерью Гува у него были теплые и нежные отношения.

«Но скорее всего, – рассуждала Иза, – ему отдадут Агу. Она моложе и уже имеет двоих детей. Недалек тот день, когда ее сыну, Ворну, потребуется наставник для обучения охотничьим приемам, а малышке Оуне – взрослый мужчина, чтобы заботиться о ней, пока она вырастет. Возможно, Друк изъявит желание взять под свою опеку и Абу, престарелую мать Аги. И тихой, размеренной жизни мастера придет конец. У Аги нет той чуткости, которой отличалась мать Гува, но Друку все равно нужна женщина. К тому же недалек час, когда Гув отделится и станет жить своим очагом».

О Гуве как о будущем мужчине Изы не могло идти и речи. Он был чересчур юн, почти мальчик, и еще не знал женщины. Бран ни за что не дал бы ему старую женщину, да и сама Иза скорее относилась бы к нему как к сыну.

Иза могла бы присоединиться к очагу Грода и Уки или даже к Зугу, прежде жившему с матерью Грода. Грод, человек чопорный и необщительный, но отнюдь не жестокий, был глубоко предан Брану. Иза не возражала бы стать даже его второй женщиной, если бы не Ука. Сестра Эбры не могла простить целительнице того, что в клане ей оказывали почитание, скорее положенное женщине вождя. К тому же, похоронив юного сына, Ука так глубоко по нему тосковала, что смягчить боль утраты не могла даже ее дочь Овра. «Да, у этого очага хватает горя», – заключила про себя Иза.

Вряд ли можно было рассчитывать на очаг Крага. Ика, его женщина и мать Борга, была открытой и приятной в общении. Беда заключалась в том, что они с Крагом были очень молоды, а с ними жил старик Дорв, бывший мужчина матери Ики, с которым у Изы не складывались отношения.

Оставался Бран. Стать его второй женщиной Иза не могла, поскольку приходилась сестрой, да и не хотела, поскольку имела свое положение в клане. У очага Брана, по крайней мере, ее ожидала бы лучшая участь, чем судьба той пожилой женщины, что наконец нашла пристанище в мире духов во время землетрясения. Та, что пришла из другого клана, давно потеряла своего мужчину и кочевала от одного очага к другому, будучи всем обузой. Это была самая обыкновенная женщина, не имевшая ни положения, ни заслуг.

Возможность делить очаг с Кребом даже не приходила Изе в голову. Ни один человек в клане не вызывал у нее большего уважения. «И Эйла ему пришлась по душе. Лучшего выхода придумать нельзя, – размышляла Иза. – Но если у меня родится мальчик, ему понадобится охотник-наставник, которого Креб заменить не сможет. Я могла бы кое-что выпить и потерять ребенка, – продолжала рассуждать она, – и тогда у меня точно не было бы мальчика». Она постучала себя по животу и покачала головой: слишком поздно, могут возникнуть осложнения. К тому же ей хотелось иметь ребенка и, несмотря на возраст, беременность протекала гладко. Ребенок, судя по всему, должен был родиться нормальным и здоровым, а в клане очень ценили детей. «Лучше буду молить тотем, чтобы родилась девочка, – решила Иза. – Он знает, что я всегда ее хотела. Если только он пошлет мне дочку, я со своей стороны сделаю все, чтобы она родилась здоровой».

Иза знала, что рожать в ее возрасте небезопасно, поэтому ела ту пищу и целебные травы, которые помогали избежать неприятностей. Хотя ей еще не доводилось стать матерью, цели-

тельница знала о беременности и уходе за ребенком больше любой другой женщины. Она принимала все роды в клане и делилась знаниями со всеми женщинами. Но существовали и тайные сведения, которые передавались только от матери к дочери. Даже под страхом смерти она не открыла бы их никому, тем более мужчине. Узнай он их, непременно наложил бы на них запрет.

Секрет хранился только благодаря тому, что ни один человек не расспрашивал врачевательницу о ее магии. Откровенно говорить на эту тему издавна считалось неприличным, а со временем стало запретным. Прояви кто-нибудь интерес к этому, ей пришлось бы поделиться своими знаниями. Сама же Иза об особых магических средствах никогда не заговаривала, но на вопрос мужчины, если бы таковой возник, была бы вынуждена ответить – женщина не имела права отказывать мужчине, а лгать люди клана не умели. Их язык общения, включавший в себя многообразные, едва различимые друг от друга жесты, движение и мимику, мгновенно обнаружил бы малейшую фальшь. К тому же говорить неправду никому даже не приходило в голову. Самое большее, на что они были способны в этом смысле, – это нарочито отмалчиваться, что обычно становилось явным, но тем не менее не запрещалось.

Иза никогда не упоминала о том, что узнала от матери и что применяла постоянно. Она владела магией предотвращать беременность – другими словами, предотвращать проникновение тотема мужчины в плоть женщины. При этом мужчина, с которым она жила, даже не догадывался, почему у нее до сих пор нет детей. Считалось, что женщина не беременеет, если тотем мужчины слишком слаб и не может одолеть тотем женщины. Желая унижить сожителя, Иза принимала специальные травы. Она хотела, чтобы он и все в клане думали, будто зачаточный элемент его тотема чересчур слаб и не способен сломить ее защиту, как бы мужчина ее ни бил.

Предполагалось, что мужчина прибегает к побоям, чтобы покорить женский тотем, но Иза знала, что ее сожитель получал от них удовольствие. Поначалу она думала, что, если у нее не будет детей, он отдаст ее другому мужчине. Она ненавидела самодовольного хвастуна задолго до того, как заняла место у его очага. Узнав, что ее отдают под его опеку, она в отчаянии бросилась за помощью к матери, но та ей могла лишь посочувствовать. Однако вопреки ожиданиям Изы сожитель никому ее не отдал. Она была целительницей, женщиной высокого положения в клане. Повелевая ею, он тешил свое самолюбие, а когда возникли сомнения в его мужской полноценности и силе тотема, стал пускать в ход кулаки.

Хотя побои с благими намерениями в клане не возбранялись, Иза чувствовала, что Брану это было не по нутру. Она могла поклясться, что на месте прежнего вождя Бран ни за что не отдал бы ее этому негодяю. Побороть женщину еще не значит доказать свою мужественность, считал он. Женщине ничего не остается, как подчиниться. Сражаться с заведомо более слабым соперником или, идя на поводу у женщины, давать волю гневу – недостойно настоящего мужчины. Ему положено повелевать женщинами, поддерживать порядок, охотиться и приносить добычу, управлять своими чувствами и стоически переносить боль. Ленивую и дерзкую женщину не грех и поколотить, но только не из злости и не смеха ради, а в назидание другим. Хотя рукоприкладство в клане было разрешено, мало кто из мужчин взял его за правило. Однако мужчина Изы был одним из таких.

Когда Креб стал жить с ними у очага, мужчина Изы окончательно похоронил мысль отделаться от нее. Помимо того, что она была целительницей, Иза еще и стряпала для Мог-ура. Если бы ушла Иза, с ней ушел бы и Мог-ур. Но мужчина Изы воображал, будто все в клане думают, что великий шаман раскрывает ему свои тайны. На самом же деле Креб общался с ним разве что из вежливости и в большинстве случаев даже не удостоивал внимания. В особенности когда заметил на Изе красочные синяки.

Между тем Иза продолжала прибегать к травной магии. Но когда все же забеременела, решила не противиться судьбе. Видно, чей-то дух все же пересилил ее магию и покровителя. Вполне возможно, что он принадлежал тотему ее сожителя. Одного Иза теперь не могла взять

в толк: если его духовный покровитель наконец взял над ней верх, почему он покинул ее сожителя, едва землетрясение разрушило пещеру? У Изы тогда оставалась одна надежда. Она молилась о девочке, с одной стороны, чтобы сбить с негодяя спесь, а с другой – чтобы продолжить родовую ветвь целительниц. Хотя, если б мужчина Изы был жив, она охотнее оборвала бы эту линию на себе, нежели завела ребенка. Родись у нее сын, ее мужчину распирало бы от самодовольства, а в случае появления дочери оставалась бы некоторая неудовлетворенность. Теперь же Иза мечтала о дочери только затем, чтобы делить очаг с Кребом.

Отложив в сторону сумку с травами, Иза забралась под меховое одеяло, под которым мирно почивала девочка. «Эйла, должно быть, родилась в рубашке, – рассуждала целительница. – Пещера найдена, и малышка будет жить с нами, со мной и Кребом. Возможно, она принесет удачу, и у меня родится дочь». Иза обняла девочку и прижалась к теплому тельцу.

После завтрака Иза поманила к себе Эйлу, и они пошли вверх по ручью. На другом берегу женщина заметила небольшую лужайку и, перебравшись вброд через ручей, увидела несколько растений высотой в фут, с темно-зелеными листьями, плотно облепившими стебель, увенчанный колосом маленьких зеленых цветочков. Целительница откопала красный корень лебеды и направилась к болотистому берегу тихой заводи, где отыскала хвощ, а чуть дальше – мыльный корень. Эйла шла следом, изнемогая от любопытства. В ее головке теснилось множество вопросов, но она не могла их задать.

Когда они вернулись в лагерь, Иза наполнила туго сплетенную корзинку водой и бросила в нее стебли хвоща и горячие камни. Сидя рядом на корточках, Эйла не сводила с нее глаз. Женщина достала заточенный камень и отрезала от своей накидки небольшой круг. С помощью другого заостренного инструмента проделала по краю несколько дырок. Содрала с соседнего куста длинный и тонкий кусок коры и продела его в отверстия вместо тесемки. После чего, предварительно примерив длину к шее Эйлы, быстрым движением ножа, изготовленного Друком, Иза отхватила кусок веревки, державшей на талии ее накидку. Все это заняло не больше минуты.

Когда вода закипела, Иза взяла в охапку все собранные ею травы, прихватила плетеную чашу и вместе с девочкой поспешила к ручью. Они дошли до места, где течение становилось тихим, а берег пологим. Отыскав камешек и расплющив им смоченный мыльный корень, она получила мыльную пену. После этого вытащила из одежды все мелкие предметы и разделась. Последним Иза сняла с себя амулет и аккуратно положила поверх всего.

Взяв девочку за руку, Иза завела ее в ручей. Эйла была в восторге: она любила воду. Когда малышка вся намокла, женщина вытащила ее и, усадив на камень, стала намыливать от спутанных прямых волос до пят. Окунув ребенка в холодную воду, Иза зажмурила глаза, желая, чтобы ее действие повторила девочка. Не понимая, что от нее требуется, Эйла повторила мимику Изы, полагая, что следует закрыть глаза. Девочка наклонила вперед голову, и целительница стала промывать ее отваром хвоща. В волосах ребенка ползали крошечные твари – не зря голова у ребенка чесалась. Иза втерла в волосы отвар хвоща, еще раз промыла и, расплющив корень лебеды вместе с листьями, вновь намылила голову и прополоскала волосы, после чего повторила весь процесс над собой. Ребенок тем временем играл в воде.

Пока они обсыхали на берегу под теплыми лучами солнца, Иза с помощью прутика с ободранной корой расчесывала девочке спутанные пряди. Красивые, почти белые и блестящие, как шелк, волосы Эйлы вызывали у целительницы восхищение и удивление. Кроме них, малышке нечем было похвастаться. Однако Иза ничем не выдавала того, что думала. Даже покрытая загаром, кожа ребенка оставалась более светлой, чем у людей клана. «До чего же непривлекательное создание эта девчушка с голубыми глазами! – изумлялась про себя женщина. – Ее соплеменники, безусловно, тоже люди, но на редкость безобразные. Бедное дитя! Трудно ей будет найти себе мужчину.

В противном случае на каких правах она будет жить в клане? Как бы ей не оказаться на месте той старушки, что погибла во время землетрясения. Будь она мне родной дочерью, у нее было бы особое положение. А не научить ли мне ее своим тайнам? Это стало бы ее достоинством. Родись у меня дочка, я смогла бы обучать их одновременно. Если же на свет появится мальчик, продолжить мое дело будет некому. В один прекрасный день клану потребуется новая целительница. Если Эйла овладеет моей магией, возможно, она займет мое место и не исключено, что тогда кто-нибудь согласится взять ее к себе. Уж коль ее приняли в клан, почему она не может стать моей дочерью?» Сама того не замечая, Иза размышляла об Эйле как о своем ребенке.

Солнце на небе уже было высоко, и Иза, вспомнив, что ей предстоит готовить напиток к церемонии, решила, что нужно поспешить закончить амулет.

– Эйла! – окликнула она девочку, которая намеревалась вновь забраться в воду.

Та тотчас примчалась к ней. Взглянув на ее ногу, Иза отметила, что рана затянулась коркой и хорошо заживает. Поспешно завернув девочку в накидку, Иза поспешила обратно к пещере. По дороге она остановилась, чтобы достать деревянный колышек для копания и недавно сделанный ею кожаный мешочек. Еще когда Эйла навела их на пещеру, Иза приметилла канаву с красной почвой на другой стороне ручья. Теперь же, палкой отковыряв оттуда несколько кусочков земли, она подняла их и отдала Эйле. Та какое-то время недоуменно смотрела на странные комочки, после чего рискнула прикоснуться к одному из них. Иза положила один из них в мешочек и заткнула за пояс. Оглядевшись вокруг, целительница заметила вдали человеческие фигуры. Это возвращались с охоты мужчины.

Много веков назад гораздо более примитивные люди, чем Иза и Бран, стали достойными соперниками четвероногих хищников. Наблюдая, например, за тем, как волки сообща приносят добычу, в несколько раз превосходящую их по размерам и силе, они брали их методы на вооружение. Впоследствии, применяя вместо когтей и клыков оружие и разного рода приспособления, люди научились побеждать огромных зверей, обитавших в их краях. Обстоятельства подстегивали их к движению по пути эволюции.

Чтобы не спугнуть добычу, была разработана целая система охотничьих сигналов и жестов, которые впоследствии развились в средство общения. Предупредительные крики, изменившись по тону и громкости, наполнились различным содержанием. И хотя в той ветви человеческого рода, к которой принадлежали люди клана, устная речь не получила развития, это не умаляло их достижений в области охоты.

Встав с первым лучом солнца, шесть охотников какое-то время созерцали восход, стоя у подножия горной цепи неподалеку от пещеры. Поначалу на горизонте показались робкие вестники будущего дня, которые вскоре заявили о себе в полную силу. На северо-востоке в облаке лессовой пыли двигалась по золотисто-зеленой равнине темно-бурая масса косматых, с изогнутыми рогами зверей, оставляя за собой широкую взрытую борозду. Охотники, которым теперь не мешали женщины и дети, рванулись навстречу стаду зубров и очень скоро преодолели разделявшее их расстояние.

Выйдя из-за холмов и приближаясь к добыче, они перешли на мелкую рысцу, пока не оказались совсем рядом. Тут охотники припали к земле и принялись выслеживать громадных зверей. Это были огромные горбатые, с узкими боками животные, изогнутые рога которых доходили до ярда в длину. Едва звериные ноздри учуяли запах человеческого тела, как земля затряслась под отчаянным топотом копыт.

Бран, прикрыв рукой глаза от пыли и изучая каждого пробежавшего мимо зверя, выжидал удобного случая. На лице у него застыло выражение непосильного напряжения. Лишь пульсирующие жилки над застывшими скулами выдавали бешеный стук сердца. Это была самая важная в его жизни охота. Она была сродни первой охоте, но от ее исхода зависело не посвящение в

мужчины, а их будущее проживание в новой пещере. Успешное ее завершение не только принесло бы мясо для пиршества, являвшегося частью пещерной церемонии, но подтвердило бы то, что духи тоже с благодарностью вошли в новое жилище. Вернись охотники назад с пустыми руками, это означало бы, что духи не приняли нового дома, и клану пришлось бы искать более подходящее укрытие. Это было бы предупреждением, что пещера приносит несчастья. Вид огромных зубров вдохновил Брана. Они были воплощением его тотема.

Бран кинул взгляд на охотников, в нетерпении ожидавших его сигнала. Ожидание давалось им труднее всего, но нетерпение могло привести к плачевным результатам. Он перехватил взгляд Бруда и на мгновение усомнился, стоит ли передавать главный удар сыну своей женщины. Но тут же вспомнил, какой гордостью светились глаза юноши, когда его готовили к главной в жизни охоте. «Неудивительно, что он нервничает, – решил про себя Бран. – Это решающая схватка не только для него, но и для всего клана». Бруд, заметив на себе взгляд Брана, быстро взял себя в руки, чтобы ничем не выдать внутренней тревоги. Он даже не представлял себе, каким на самом деле огромным был зубр, – горб его выдавался более чем на фут над головой юноши. Не представлял он также, какую невероятную силу являет собой стадо диких быков. Если б его для начала хотя бы поддержали словом! «А вдруг я промахнусь? Или нанесу плохой удар и он уйдет?» – эти мысли постоянно вертелись у Бруда в голове.

Куда подевалось чувство превосходства, с которым он недавно расхаживал перед глазами на него с обожанием Огой и делал вид, что не замечает ее? Еще бы, ведь она всего лишь ребенок, да к тому же девчонка. Правда, скоро Ога вырастет и станет женщиной. И должно быть, неплохой женой. Теперь, когда у нее погибли мать и мужчина матери, девочке потребуется хороший охотник, чтобы позаботиться о ней. Бруду льстило то, как она старалась во всем ему угодить, как усердно выполняла малейшее его желание, хотя он еще не был мужчиной. «И что только она обо мне подумает, если я оплошаю на охоте? Вдруг я не пройду церемонию посвящения? А что подумает Бран? И все остальные? Что, если нам придется покинуть замечательную пещеру, которую благословил Урсус?» Бруд крепко сжал копье и схватился за амулет, моля Мохнатого Носорога дать ему силы и мужества.

Если бы в дело вмешался Бран, зверь не ушел бы живым. Но вождь внушал юноше, что судьба клана в его руках и, если тот хочет в свое время занять его место, необходимо взять всю ответственность на себя. Бран обязан был дать ему такую возможность, но решил все же держаться поблизости, чтобы, если потребуется, убить зверя самому. Хотя все же надеялся, что до этого дело не дойдет. Парень был слишком гордым и такого унижения мог не стерпеть, но для вождя теперь важнее была пещера.

Бран вновь устремил взгляд на стадо. Быстро поймал глазами молодого бычка, отделившегося от общей массы. Он был крупным, почти взрослым животным, но по-детски неопытным. Выждав, пока зверь оторвется от своих сородичей, Бран подал знак.

Охотники мгновенно рассредоточились, соблюдая определенное расстояние друг от друга, и Бруд стал впереди всех. Бран наблюдал за ними со стороны, не упуская из виду отставшего зубра. Вождь вновь подал знак, и охотники двинулись на стадо, крича и размахивая руками. Перепуганные животные стали тесниться с флангов к центру стада, прижимая бегущих внутри. Не теряя времени, Бран кинулся наперерез отбившемуся от стада зубру и погнал его в сторону.

Пока отставшие, роя копытами землю, старались догнать стадо, Бран мчался изо всех сил за одиноким бычком. Шлейф поднятой стадом пыли расползлся вокруг и забивался вождю в глаза, нос и рот. Брана начал душить кашель. На последнем издыхании его место в погоне занял Грод.

Зубр быстро сменил направление, но отовсюду на него сжимающимся кольцом надвигались охотники, и заплутавший зверь развернулся и бросился бежать в сторону Брана, все еще задыхавшегося, но подоспевшего вовремя, чтобы замкнуть круг. Огромное стадо зубров обра-

тилось в паническое бегство, их беспричинный страх приумножался с каждым шагом. Лишь один зубр оказался в ловушке и несея как очумелый от двуногого существа, значительно уступавшего ему в силе, но несравнимо превосходившего решимостью и умом. Грод гнался за ним из последних сил, и сердце охотника готово было выпрыгнуть из груди. Пот бороздил покрытое пылью лицо и стекал по белесой бороде. У него уже стали подкашиваться ноги, когда наконец его сменил Друк.

Охотники обладали огромной выносливостью, однако молодой зубр казался неутомимым. Друк, самый высокий в клане и невероятно длинноногий человек, бросился в погоню со свежими силами. Зубр чуть было не рванулся вдогонку за удаляющимся стадом, но охотник заставил его сменить направление. Ко времени, когда на место изможденного Друка заступил Краг, зверь был уже явно измотан. Охотник обрушился на зубра с запасом свежих сил и слегка полоснул сбоку острием копья. Раненый зверь рванулся от него как ошалелый.

Когда же на смену Крагу пришел Гув, прыти у мохнатого животного значительно поубавилось. Бычок безумно метался из стороны в сторону, а Гув то и дело подзадоривал его тычками копья, лишая последних сил. Наконец наступил черед Бруда. Он заметил, что к зубру направляется Бран, и с диким визгом бросился к огромному зверю. Но тот уже был загнан и едва шевелился, а вскоре и вовсе стал недвижим. Голова у него повисла, шкура была вся взмылена, изо рта валила пена. Молодой охотник, держа наготове копье, приблизился к измученному зверю.

Бран опытным взглядом мгновенно оценил положение. В голове теснились вопросы: «Парень волнуется из-за того, что впервые должен убить, или просто чересчур перевозбужден? Достаточно ли истощен зверь? Бывало, старый хитрый зверь, изможденный до потери сил, в предсмертную минуту мог убить или здорово ранить охотника, в особенности неопытного. А не оглушить ли зубра болой? Голова его совсем упала, дыхание ослабло, конец совсем близок». Но если бы Бран применил болу, он умалил бы значение решающего удара юноши. Поэтому вождь решил оставить последнее слово за Брудом.

Парень молниеносно взобрался на громадную мохнатую тушу и поднял копье. Вспомнив в последнее мгновение о своем тотеме, Бруд нанес решительный удар. Копье глубоко вошло в бок зубра, пронзив грубую шкуру и сломав ребро. В предсмертной битве зверь чуть было не отомстил обидчику. Однако Бран во избежание подобного исхода подскочил на помощь и изо всех сил стукнул зубра дубинкой по голове. Удар решил судьбу молодого бычка. Тот повалился на бок, посучил в воздухе копытами и больше не двигался.

После недолгого оцепенения юноша разразился победным криком. Он это сделал! Он первый раз в жизни убил зверя! Теперь он стал мужчиной!

Бруд ликовал. Он вырвал копье, глубоко вонзившееся в зверя, и ему в лицо струей хлынула теплая соленая кровь. Бран с гордостью похлопал Бруда по плечу.

– Отличная работа, – означал его жест. Бран был счастлив, что теперь ряды охотников пополнятся еще одним членом – дюжим охотником, сыном его жены и сыном его сердца.

Пещера отныне принадлежала им. Они закрепят свою победу на вечерней церемонии, но главное Бруд уже совершил. Их тотемы будут довольны. Встречая остальных охотников, которые с радостными кликами приближались к поверженному зверю, юноша поднял вверх окровавленное копье. Бран вытащил нож, чтобы вскрыть зубру брюхо и вытащить внутренности. Разрезав свежую печенку на небольшие кусочки, он раздал их охотникам. Эта еда предназначалась только для мужчин. Считалось, что свежая печень придает силу и острое зрение. После этого Бран вырезал у мохнатого зверя сердце и похоронил его в земле – дар, который он обещал своему тотему.

Вместе со вкусом теплой печенки Бруд впервые ощутил вкус мужской зрелости, и от счастья сердце у него едва не выскочило наружу. Теперь на пещерной церемонии он станет мужчиной, возглавит охотничий танец, будет принимать участие в мужских вечерних ритуалах.

Уже за то, чтобы видеть на лице Брана выражение гордости за своего питомца, он был готов отдать жизнь. Для Бруда это были минуты триумфа. После церемонии он станет героем дня. Все только и будут восхищаться его охотничьей отвагой. Это будет его ночь. А глаза маленькой Оги засияют невыразимой преданностью и благоговейным почтением.

Мужчины связали ноги зубра чуть выше коленных сухожилий. Грод и Друк скрепили свои копья, а Краг и Гув – свои, образовав таким образом два усиленных шеста. Один из них продели между передними ногами бычка, другой – между задними. Грод с Друком взялись с двух сторон за передний шест, Краг с Гувом – за задний, а Бран с Брудом, неся в одной руке копье, ухватились другой за рога. Вождь подал знак, и все шестеро поволокли тушу к пещере, едва отрывая ее от земли. Обратный путь оказался более долгим. Обремененные тяжелой ношей, мужчины с трудом передвигались по степи вверх к подножию гор.

Издалека за ними наблюдала Ога. Навстречу охотникам вышел весь клан и в молчаливом приветствии сопровождал их до самой пещеры. Процессию возглавлял Бруд – это означало, что он убил зверя. Даже Эйла, которая не понимала, что происходит, ощущала витавшее в атмосфере радостное волнение.

Глава 6

– Сын твоей женщины – молодец, Бран. Чисто сработано, – произнес Зуг, когда охотники сбросили груз с плеч у самой пещеры. – Таким охотником можно гордиться.

– Он проявил мужество и силу, – жестом ответил Бран, положив руку на плечо юноши и сияя от гордости. Бруд наслаждался славой.

Зуг и Дорв с восхищением изучали огромную тушу молодого зубра, не без тоски вспоминая собственный азарт и радость победы, то, что, невзирая на все опасности и разочарования, таила в себе эта большая игра. Не имея возможности охотиться наряду с молодыми и в то же время не желая оставаться в стороне, они все утро провели в близлежащих лесах в поисках более мелкой добычи.

– Да вы с Дорвом, как я погляжу, не теряли времени зря. Запах жареного мяса разносился чуть ли не за полпути отсюда, – продолжал Бран. – Вот устроимся в новой пещере и непременно поищем местечко вам для занятий. В клане каждый не прочь овладеть пращой так, как ты, Зуг. Скоро Ворн подрастет, и ты начнешь его учить.

Вождь ценил вклад, который вносили старики в пропитание клана, и не упускал случая сказать им об этом. Бывало, что большая охота заканчивалась неудачно и мясную пищу в клан приносили одни старики. В снежное время года, когда всем надоедало вяленое мясо, а замороженные запасы подходили к концу, свежее мясо гораздо проще было добыть с помощью пращи.

– Конечно, нет ничего лучше молодого зубра. Но мы все равно прихватили с собой несколько кроликов и толстого бобра, – в свою очередь заметил Зуг. – Еда готова, и мы ждем только вас. Кстати, я тут неподалеку приглядел одну лужайку – неплохая будет площадка для занятий.

Зуг после смерти жены жил вместе с Гродом. Оставив ряды охотников Брана, он не переставал совершенствовать свое искусство метания. Людям клана труднее всего давалось владение пращой и болой. Их мускулистые, ширококостные, крючковатые руки обладали не только невероятной силой, но и ловкостью и были способны раздробить даже кремневую гальку. Строение суставов рук и в особенности то, как прикреплялись мышцы и сухожилия к костям, позволяло развить наряду с немыслимой силой невероятную точность удара. Но в этом заключалось и их слабое место. Те же суставы ограничивали движения рук, не позволяя им сделать полную дугу и хороший бросок. Отсутствие рычага – вот чем приходилось расплачиваться за силу.

Копья у них еще не стали метательным оружием, и наносить ими удар можно было только с большой силой и на близком расстоянии. Если для пользования копьем или дубинкой не требовалось почти ничего, кроме хороших мышц, то на овладение пращой или болой уходили годы напряженных тренировок. Праща представляла собой полоску эластичной кожи, посреди которой помещали круглый камешек; взяв полоску за оба конца, раскручивали ее над головой, чтобы придать метательному снаряду начальное движение. Зуг не зря гордился своей сноровкой в обращении с пращой. Лестило ему и то, что Бран предложил обучать этому мастерству юношей.

Пока Зуг с Дорвом охотились в горных лесах, женщины тоже промышляли в округе, и в результате их совместных усилий была приготовлена еда, издавна искушавшая своими ароматами шестерых охотников. Охота разожгла у них зверский аппетит, но им не пришлось долго ждать. После сытной еды мужчины, устроившись на отдых, не без удовольствия принялись пересказывать Зугу и Дорву в волнующих подробностях приключения прошедшей охоты. Принимая сердечные поздравления, довольный собой Бруд держался на равных со всеми мужчинами. Не ускользнул от его внимания восторженный и несколько застенчивый взгляд Ворна. До нынешнего утра у них с Ворном были равные права. Мальчик оставался его единственным другом среди детей клана с тех пор, как Гув вступил в ряды охотников.

Помнится, совсем недавно и Бруд ошивался вблизи мужчин, вернувшихся с охоты. Больше парень не будет смотреть на них со стороны и с завистью слушать охотничьи рассказы. Теперь ни мать, ни другая женщина не заставят его помогать в своей работе. Отныне он стал охотником, а значит, и мужчиной. И окончательно закрепит его новое положение вечерняя церемония, на которой будет освящаться пещера, а стало быть, весь ритуал пройдет особенно торжественно.

Поначалу его ожидало низшее положение среди мужчин. Но со временем оно могло измениться. Бруд был сыном вождя, и в один прекрасный день бразды правления, скорее всего, перешли бы к нему. Случалось, Ворн досаждал ему, но нынче Бруд решил проявить великодушие. Однако поначалу молодой охотник прошествовал мимо приятеля, словно не замечая, каким трепетным ожиданием светятся глаза четырехлетнего мальчика.

– Послушай, Ворн, ты уже достаточно взрослый, – стараясь подражать взрослым, с некоторой заносчивостью произнес Бруд. – Пожалуй, сделаю для тебя копье. Пора начинать обучать тебя охотничьей сноровке.

Ворн ликовал от восторга, выражение его устремленных на юного охотника глаз было откровенно льстивым.

– Да, – радостно кивнул тот. – Я достаточно взрослый, Бруд, – застенчиво добавил он и, указав на увесистое копье с темным, окровавленным наконечником, спросил: – Можно мне его потрогать?

Бруд воткнул копье в землю перед мальчиком. Тот осторожно прикоснулся к запекшейся крови зубра.

– Тебе было страшно, Бруд? – осведомился он.

– Бран говорит, все охотники волнуются на первой охоте, – уклончиво ответил тот, не желая признаваться в своих страхах.

– Ворн! Вот ты где! А кто будет помогать Оге собирать сухостой? – вмешалась в их разговор Ага, заметившая, что ее сын ускользнул от женщин и детей.

Ворн поплелся вслед за матерью, то и дело оглядываясь на своего нового идола.

Все это время Бран не сводил глаз с сына своей женщины. «Из него выйдет хороший вождь, – с гордостью размышлял он, – потому что парень не забыл про приятеля, хотя тот еще совсем ребенок. Придет день, когда мальчик тоже станет охотником, а Бруд – вождем, и Ворн не забудет его доброты».

Бруд смотрел Ворну вслед. Всего день назад Эбра так же позвала юношу помогать по хозяйству. Переведя взор на женщин, которые выкапывали яму, Бруд невольно испытал желание улизнуть прочь, чтобы не попасться матери на глаза, но тут заметил на себе взгляд Оги. Мать больше не будет ему приказывать. Он уже не ребенок, а мужчина. «Теперь она мне будет подчиняться, – сказал Бруд сам себе, слегка при этом выпятив грудь. – Будет... или не будет... но Ога на меня уже смотрит».

– Эбра! Дай мне попить! – направляясь к женщинам, властным тоном произнес он.

В душе он все же побаивался, что мать заставит его принести дрова. Фактически он становился мужчиной лишь после вечерней церемонии.

Эбра взглянула на сына глазами, полными гордости. Ее родной мальчик сегодня исполнил свой долг и стал мужчиной. Она быстро вскочила с места и поспешила к ручью, кичливо поглядывая на женщин, дескать: «Смотрите все, какой у меня сын! Ай да мужчина! Ай да бравый охотник!»

Материнское рвение и гордость за сына польстили ему не меньше, чем смущение Оги, которая при виде его склоняла голову и провожала восхищенным взглядом. Довольный ответом Эбры, Бруд благосклонно проурчал.

Огу глубоко потрясла смерть матери, погибшей вскоре после своего мужчины. Девочка, их единственный ребенок, была нежно любима обоими. Эбра относилась к ней хорошо, но Ога

побаивалась Брана. Он оказался строже мужчины ее матери, к тому же на его плечах лежал тяжкий груз ответственности. Пока клан искал пещеру, Эбра больше всего заботилась о муже, а до осиротевшего ребенка почти никому не было дела. Как-то вечером, увидев, что Ога сидит одна и отрешенно смотрит на костер, Бруд опустился на землю с ней рядом. Сердце девочки забилося от радости: гордый юноша, почти мужчина, впервые в жизни удостоил ее вниманием. С тех пор она жила одной мечтой – вырасти и стать женщиной Бруда.

Теплый солнечный день клонился к вечеру. Ни одно дуновение не нарушало лесного покоя. В тишине кроме жужжания мух слышно было лишь, как женщины рыли яму для жарения мяса. Эйла сидела рядом с Изой, глядя, как та ищет в своей сумке красный мешочек. Весь день девочка ходила за женщиной по пятам, теперь же Изе предстояло удалиться с Мог-уром, чтобы совершить кое-какие приготовления к завтрашнему ритуалу, в котором целительнице отводилась важная роль, – теперь он уже непременно должен был состояться. Она отвела светловолосую девочку к женщинам, копавшим неподалеку от пещеры яму, которую позже предстояло оградить камнями, чтобы костер в ней мог полыхать всю ночь. Утром в него поместят освежеванную, разделенную на четыре части и завернутую в листья тушу зубра, прикроют сверху травой и слоем земли и оставят печься до позднего вечера.

Рытье ямы было долгим и утомительным делом. Заостренными палками лишь взрыхляли землю, после чего руками сгребали на кожаную подстилку и выбрасывали. К счастью, яма выкапывалась раз и навсегда. Время от времени ее только очищали от лишнего пепла. Покуда женщины рыли землю, Ога и Ворн под чутким наблюдением Овры, дочери Уки, собирали у ручья камни и сухостой.

Когда к женщинам подошла Иза, держа за руку Эйлу, все бросили работать.

– Мне нужно уйти с Мог-уром, – объяснила она жестами и слегка подтолкнула девочку к ним.

Сама же повернулась и пошла прочь, но Эйла, как обычно, последовала за ней. Тогда Иза замотала головой и, еще раз направив ребенка к женщинам, поспешно удалилась.

Оказавшись впервые в обществе женщин без Изы, девочка смутилась и растерялась. Она стояла на месте как вкопанная, то тараща глаза на свои ноги, то с опаской поглядывая вокруг. Все, позабыв о приличиях, разглядывали тощее длинноногое существо с удивительно плоским лицом и выступающим лбом. Женщины уже давно стогали от любопытства, но в первый раз им довелось увидеть ребенка вблизи.

Затянувшиеся смотрины нарушила Эбра, чье молчаливое движение предназначалось Овре:

– Она могла бы носить дрова.

И молодая женщина направилась к месту, где было много поваленных деревьев. Ога с Ворном с трудом оторвали бы их от земли.

Овра поманила сначала двоих детей, потом сделала такой же знак Эйле. Девочке казалось, что она поняла смысл жеста, но точно уверена не была. Повторив условный жест, женщина повернулась и направилась к деревьям. Двое ребятишек из клана приблизительно возраста Эйлы лениво двинулись за Оврой. Увидев, что они пошли, Эйла неуверенно последовала за ними.

Когда дети добрались до деревьев, Эйла остановилась поодаль, наблюдая за тем, как девочка с мальчиком собирают сухие ветки, а Овра каменным топором рубит огромный ствол. Отнеся охапку сухостоя к яме, Ога поволокла к куче дров обрубков бревна. Увидев, как той тяжело, Эйла кинулась на помощь и подхватила его с другой стороны. Оказавшись лицом друг к другу, девочки на мгновение замерли.

Внешне чрезвычайно разные, они были чем-то невероятно похожи. Происходя от одного и того же предка, они обе представляли хотя и разные ветви его потомства, но стоящие на

высокой ступени умственного развития. Подчас одно колено обгоняло другое, но никогда не уступало тому в мудрости, и не такая уж большая пропасть разделяла их. Тем не менее незначительные различия имели следствием слишком разные судьбы.

Держа бревно с разных концов, Ога и Эйла подтащили его к куче дров, после чего бок о бок направились назад. Женщины, прервав работу, проводили их взглядом. Обе девочки почти не отличались по росту, но та, что чуть выше, была вдвое старше другой. Одна из них была худенькой, с прямыми руками и ногами и красивыми светлыми волосами. Другая – упитанной, кривоногой, со смуглой кожей и темными волосами. Женщины невольно сравнивали их, но сами девочки, как это обычно бывает у детей, различий между собой не замечали. За работой, которую они превратили в игру, дети быстро подружились.

В тот же вечер они отыскиали друг друга и ели вместе. Не желая их разлучать, Иза забрала Эйлу спать лишь поздним вечером. Проводив ее долгим взглядом, Ога отправилась в свою меховую постель подле Эбры. Мужчины с женщинами еще спали раздельно. Запрет Мог-ура действовал до следующего дня.

Иза открыла глаза с первым лучом солнца. Какое-то время она лежала, слушая птичье приветствие зарождающемуся утру. «Скоро, – размышляла она, – мы будем просыпаться среди каменных стен. Совсем неплохо спать на открытом воздухе в такую замечательную погоду, но куда покойнее и безопаснее находиться за каменными стенами». Тут Иза вспомнила о том, что ей предстояло сделать. Мысли о пещерной церемонии разволновали ее, и она бесшумно встала.

Креб уже не спал. Иза даже подумала, что он вообще не ложился, потому что застала его у костра в той же задумчивой позе, в какой оставила прошлым вечером. Она начала греть воду. Когда чай из мяты, люцерны и крапивы был готов, рядом с Мог-уром уже сидела Эйла. Иза накормила девочку остатками вчерашней еды. Мужчинам и женщинам в этот день есть было не положено.

На кострах готовились всевозможные яства, ароматы которых не давали никому покоя до позднего вечера. Женщины достали из узлов посуду и прочую хозяйственную утварь, которую удалось спасти из-под обломков старой пещеры. Изящные водонепроницаемые корзины, искусно изготовленные с использованием разных приемов плетения, применялись как для черпания воды из пруда и приготовления пищи, так и для переноски вещей. Подобное назначение имели и деревянные чаши. Реберные косточки использовались для помешивания, тазовые служили тарелками наряду с тонкими пластинами из дерева. Кости черепа обычно превращались в черпаки, чашки и миски. Склеенная смолой и укрепленная сухожилиями березовая кора складывалась и раскладывалась множество раз.

В кожаном горшке, висевшем на ремнях над костром, кипел ароматный бульон. Необходимо было тщательно следить, чтобы жидкость бурлила не слишком сильно. Языки пламени не касались котелка, поэтому температура была невелика и загореться он не мог. Эйла смотрела, как Ука помешивала бульон с кусками мяса от бычьей шеи, диким луком, мать-и-мачехой и прочими кореньями. Отведав его на вкус, Ука добавила измельченные стебли чертополоха, грибы, бутоны и корни лилии, кресс-салат, почки молочая, мелкий сладкий картофель, клюкву, привезенную из старой пещеры, и для густоты – завядшие цветки однодневных лилий.

Твердые, волокнистые, заранее измельченные корни рогоза после варки вынимались. К получившейся кисельной жидкости добавляли прошлогодние ягоды черники и поджаренные земляные орехи, после чего все охлаждали в корзинах с холодной водой. На горячих камнях, лежащих вблизи огня, выпекали пресные темноватые лепешки. На одном костре в горшке с бульоном варились листья лебеды, молодого клевера и одуванчика, на другом – медовый соус из сушеных яблок и лепестков шиповника.

Изу в особенности порадовал Зуг, вернувшийся с охоты с белой куропаткой. Низко летающие тяжеловесные птицы, являвшиеся хорошей мишенью для пращи, были любимым лакомством Кребса. Аппетитную тушку фаршировали кореньями и зеленью, в которую помещали

куропаточки яйца, и, завернув в листья дикого винограда, запекали в небольшой ямке, огороженной камнями. С зайцев и упитанных хомяков предварительно сдирали шкуру, потрошили, после чего зажаривали над горящими углями. Завершали картину предстоящего праздника горы сверкавших на солнце красных бусинок земляники.

По случаю важного ритуала готовилось достойное пиршество.

При этом Эйла не находила себе дела. Весь день она бесцельно слонялась одна. Иза и Креб почти все время отсутствовали, а если и появлялись, то им было не до нее. Оге нашлась работенка: она помогала женщинам готовить. Словом, заниматься Эйлой ни у кого не было ни времени, ни сил. Получив от суетившихся женщин несколько недовольных тычков, она стала держаться от них подальше.

Едва на красную почву перед входом в пещеру легли длинные вечерние тени, как в предвкушении грядущего ритуала в клане воцарилась тишина. Все собрались вокруг большой ямы, где запекались ноги зубра. Эбра с Укой сгребли в сторону присыпанную сверху землю, а также мягкие подгоревшие листья и извлекли дышащее паром священное мясо, настолько нежное, что оно легко отделялось от костей. Резать и подавать мясо входило в обязанность женщины вождя, и Эбра с нескрываемой гордостью преподнесла первый кусок сыну.

Бруд, явно не страдавший ложной скромностью, с высоко поднятой головой вышел вперед, чтобы взять свою порцию. Затем мясо было роздано мужчинам, за ними – женщинам и лишь потом – детям. Эйла была последней из них, но это не имело значения: мяса с лихвой хватало всем. И вновь в воздухе повисла тишина: изголодавшийся клан жадно набросился на еду.

Праздничный ужин длился неспешно. Кое-кто вставал и подходил к яме за очередным куском мяса или лишней порцией любимого блюда. Труды женщин не пропали даром, они были вознаграждены не только одобрительными откликами соплеменников, но и тем, что в ближайшие дни были свободны от стряпни. После ужина все отправились отдыхать перед долгой вечерней церемонией.

Когда над землей сгустились сумерки, настроение довольства и умиротворения сменилось ожиданием. По знаку Брана женщины, наскоро убрав остатки пиршества, собрались вокруг незажженного костра у входа в пещеру. Вождь бегло оглядел их, проверяя, все ли стоят на местах в соответствии со своим положением. Напротив женщин в подобной иерархической последовательности выстроились мужчины – все, кроме Мог-ура.

Бран, который находился ближе других ко входу, подал Гроду знак, и тот торжественно достал из бычьего рога тлеющий уголь. Важно было сохранить огонь старой пещеры: непрерывность горения символизировала непрерывность жизни клана. Разжигая костер у новой пещеры, они как бы провозглашали ее своим жилищем.

В холодном климате человеку необходимо было поддерживать огонь. Полезные свойства имел даже дым. Его запах создавал ощущение безопасности и домашнего уюта. Проходя через пещеру, дым поднимался под высокий свод и выдувался через трещины и отверстия, изгоняя различные невидимые и, возможно, враждебные силы и пропитывая все своим духом – духом человеческого жилья.

Зажжение огня являлось важным ритуалом для очищения и провозглашения пещеры своим жилищем. Однако обычно к нему присоединялись и другие ритуалы, которые можно было считать частью пещерной церемонии. Один из них, проводившийся Мог-уром вместе с мужчинами, заключался в ознакомлении духов тотемов с их новым пристанищем. Женщины тем временем праздновали новоселье по-своему, а Иза готовила напиток для мужчин.

Удачная охота уже доказала, что духи приняли новую пещеру, а пиршество подтвердило то, что она стала их постоянным домом, пусть даже клану и пришлось бы временно ее поки-

нуть. Все члены племени имели при себе амулеты, поэтому духи тотемов могли следовать за ними повсюду и в случае надобности прийти на помощь.

Дабы лишний раз не тревожить духов, вслед за пещерной церемонией обычно проводили и некоторые другие, которые в такой день приобретали большую значимость и, в свою очередь, закрепляли за кланом эту территорию. Каждая из церемоний имела строгий распорядок, и от случая к случаю в них менялись лишь участники.

Мог-ур, посоветовавшись с Браном, создавал сценарий празднества так, чтобы оно было органическим целым. На сей раз предстояло провести церемонию посвящения Бруда и церемонии назначения тотемов троим детям, после чего, конечно, следовал благодарственный ритуал. Но прежде всего нужно было зажечь огонь у пещеры – это означало бы, что духи сделали пещеру своей.

Сознавая всю важность задачи, Грод, опустившись на колени, положил тлеющие угли в сухостой и принялся раздувать костер. Все в клане, затаив дыхание, невольно наклонились вперед, наблюдая за тем, как языки пламени скользят вверх по сухим веткам. Огонь занялся, и вдруг совсем рядом с костром появилась чудовищная фигура. Казалось, ее вот-вот охватит ревущее пламя. Горящее красное лицо на фоне жуткого белого черепа будто висело в воздухе и оставалось невредимым среди разбушевавшейся огненной стихии.

Поначалу Эйла не заметила его появления, а когда поймала взглядом, то от страха у нее перехватило дыхание. Иза, чтобы успокоить ее, сжала ей руку. Вся земля будто задрожала в такт равномерному стуку копий и ударного инструмента в форме деревянной чаши, на котором наяривал Дорв. В это мгновение к костру подбежал новоиспеченный охотник. Эйла при этом отскочила назад.

Бруд припал к земле и устремил взор вдаль, закрывая глаза от воображаемого слепящего солнца. К нему присоединились остальные мужчины, как бы воспроизводя картину охоты. Благодаря тому что на протяжении многих поколений язык знаков являлся единственным средством общения, искусство пантомимы красочно передавало острые ощущения охотников. Действо захватило даже чужую пятилетнюю девочку. Женщины как бы перенеслись в жаркую и пыльную степь, где они могли ощутить топот копыт, заставляющий землю содрогнуться, и удушьяющий запах пыли, а также разделить торжество победы над зверем. Это была редкая привилегия для них – вкусить частицу священной жизни охотников.

С самого начала спектакль возглавил Бруд. Это была его охота и его ночь. Он ощущал, какие проникновенные чувства овладевают женщинами, ощущал их дикий страх и придавал спектаклю еще больший драматизм. Оказавшись в центре внимания, он стал непревзойденным актером. И играл на чувственных струнах женщин, все сильнее разжигая в них страсть, так что под конец их охватил едва ли не эротический экстаз. Не меньше был потрясен и сам Мог-ур, стоявший по другую сторону костра. Он слышал много разговоров об охоте, но лишь во время этой церемонии мог сполна представить себе все ощущения. «Молодец парень, – подумал Креб, огибая костер, – по праву заслужил знак своего тотема. Пожалуй, такому не грех немного поважничать».

Торжественно завершив действие вместе с последним ударом копья, юноша оказался лицом к лицу с великим магом. Мог-ур в своей роли тоже был мастер. Он намеренно выжидал, пока улягутся страсти после охотничьего танца и воцарится атмосфера ожидания. Его нескладная, кривобокая фигура, покрытая медвежьей шкурой, смотрелась внушительно на фоне мерцающего огня. Окрашенное красновато-желтой краской лицо со зловещим единственным глазом выглядело расплывчатым пятном и, казалось, принадлежало некоему демону.

Тишину ночи нарушали лишь потрескивание огня, шорох листвы и далекий крик гиены. Бруд тяжело дышал, глаза у него горели частично от напряжения после охотничьего танца, частично от гордости и возбуждения, но более всего от неотступно возрастающего страха.

Хотя он знал, что его ждет, ему с каждым мгновением становилось труднее подавлять нарастающую дрожь. Пришло время вырезать на теле юноши знак тотема. Прежде он даже не думал об этом, но теперь, как выяснилось, у него затряслись поджилки, и пугала его не только боль. Большой ужас внушала ему атмосфера таинственности, которой окружил его шаман.

Юноша ступал на порог мира духов, встреча с которым для людей была куда страшнее, чем с гигантским зверем. Одно дело – зубр, который, несмотря на размеры и мощь, по крайней мере, являлся существом осязаемым, человек мог с ним справиться. Совсем другое – невидимые духи, которым под силу было заставить разбушеваться земляную стихию. Не один Бруд содрогался, вспоминая о недавнем землетрясении. Только священные мужи, шаманы, брали на себя смелость обращаться к запредельному миру. А суеверный молодой охотник мечтал лишь о том, чтобы величайший из Мог-уров поскорее покончил с этим кошмаром.

Словно отвечая на безмолвную мольбу Бруда, маг воздел к небу руку и уставился на растущую луну. После чего, проделав несколько плавных движений, стал бесстрастно призывать духов. Все его красноречивые жесты были обращены к неземному, хотя и не менее реальному миру. Однорукий Мог-ур выработал свой собственный язык знаков, изобиловавший множеством оттенков, по выразительности жестов превосходивший тот, которым владели большинство мужчин клана. Когда он закончил, клан знал, что находится в окружении духов-защитников, а также множества незнакомых духов. Бруда почти колотило от страха.

Неожиданно быстро, так что у некоторых перехватило дыхание, маг достал из-под своего одеяния нож и поднял его над головой. Резко опустив его на грудь Бруду, он в последнее мгновение остановился. Быстрыми насечками он вырезал на теле юноши две изогнутые, соединенные в одной точке линии, изображавшие рог носорога.

Когда нож вошел в кожу, Бруд зажмурился, но не дрогнул. Красные ручейки побежали вниз по груди юноши. К магу подошел Гув, держа чашу с бальзамом, изготовленным из нутряного жира зубра, смешанного с обеззараживающим пеплом ясеневое дерево. Мог-ур нанес его на рану, чтобы остановить кровь и убедиться в правильности формы шрама. Знак означал, что Бруд стал мужчиной, а его защитником был грозный и непредсказуемый Мохнатый Носорог.

Когда все страшное осталось позади и юноша вернулся на свое место, он остро ощутил, что приковывает к себе внимание, и это доставило ему немалое удовольствие. Еще долгое время женщины и мужчины в душевных беседах будут вспоминать его отвагу и ловкость, проявленные во время охоты, его потрясающий танец во время церемонии, а также то, как мужественно он принял нож Мог-ура. Возможно, эти истории превратятся в легенды, которые будут передаваться из уст в уста в течение длинных зим или на Сходбищах кланов. «Если бы не я, – размышлял Бруд, – пещера не стала бы нашей. Не убей я зубра, не было бы у нас этой церемонии и пришлось бы искать новую пещеру». И Бруд ощутил, что всем происходящим клан обязан исключительно ему.

Эйла, созерцая обряд с благоговейным страхом, была не в силах сдержать дрожь при виде того, как страшный человек полоснул ножом по груди Бруда и из раны потекла кровь. Когда же Иза потащила девочку к Мог-уру узнать, что он с ней будет делать, та упиралась изо всех сил. К шаману подошли также Ага с Икой, держа детей на руках. Эйла обрадовалась, что они стали напротив них.

На сей раз Гув держал в руках туго сплетенную корзину, окрасившуюся от долгого употребления, поскольку в ней держали священный порошок, смешанный до пастообразного состояния с животным жиром. Мог-ур взглянул на серебряную луну, светящую над головами стоявших перед ним женщин, и сделал несколько формальных жестов, призывая духов обратить внимание на малышей, которым суждено было познакомиться со своими тотемами. Окунув палец в красную пасту, он нарисовал на бедре мальчика спираль в виде хвоста дикой свиньи. Мог-ур пояснил смысл знака, и по клану пробежал тихий одобрительный ропот.

– Дух Кабана, под твою защиту отдается мальчик по имени Борг. – Закончив манипуляции, шаман достал маленький мешочек на длинном ремешке и надел его на шею ребенку.

Ика, преклонив голову, дала понять, что очень довольна. Это был сильный, уважаемый дух, которому присуща справедливость. После этого Ика отошла в сторону.

Маг вновь окунул палец в красную корзинку и на сей раз нарисовал пастой на ручке Оуны круг.

– Дух Совы, под твою защиту отдается девочка по имени Оуна. – Он надел на ребенка подготовленный матерью амулет. Когда Мог-ур назвал сильный тотем, вновь раздался одобрителный шум толпы.

Ага была счастлива. У ее дочери тоже была сильная защита, а стало быть, и ее будущему спутнику жизни следовало иметь не менее могущественный тотем. Мать надеялась, что это не создаст непреодолимых препятствий и ее дочь сможет иметь детей.

Когда Ага с дочкой покинули арену действий, все с любопытством уставились на Изу, которая подняла на руки Эйлу. Девочка уже не испытывала страха. Она понимала, что все скоро закончится и что внушительная фигура с красным лицом – не кто иной, как Креб. Она узнала теплый блеск его взгляда.

К удивлению всего клана, обращение Мог-ура к духам на этот раз отличалось от предыдущих. Такими жестами он пользовался во время наречения ребенка на седьмой день после рождения. Чужой девочке не только открывался ее тотем, но ее собирались принять в клан! Окунув палец в пасту, Мог-ур провел линию от середины лба, где у людей клана сходились надбровные выступы, до кончика носа.

– Девочку зовут Эйла. – Шаман произнес ее имя медленно, чтобы его могли расслышать как люди, так и духи.

Иза обернулась к соплеменникам. То, что Эйлу взяли в клан, удивило ее не меньше, чем всех остальных. От радости у нее сильно забило сердце. «Теперь она стала моей дочерью, моим первым ребенком, – пронеслось в голове у Изы. – Когда дитя получает имя и становится членом клана, на руках его держит только мать. Неужели прошло только семь дней, как я нашла ее? Думаю, что так, но лучше спросить у Креб. Кто же еще может стать ее матерью, если не я?»

Все члены клана, проходя мимо Изы, державшей Эйлу на руках, кто как мог повторяли имя девочки. Наконец Иза повернулась к магу. Он вновь воздел к небу глаза и призвал духов. Все в ожидании замерли. Ощущая устремленное на него внимание, Мог-ур медленным жестом, который еще сильнее распалял любопытство, отщипнул кусочек красной пасты и начертил ею на ноге девочки красную полосу прямо поверх одного из ее шрамов.

Что бы это значило? Что это был за тотем? Клан терялся в догадках. Шаман вновь обмакнул палец в пасту и провел им поверх второго шрама. Эйла почувствовала, что Иза дрожит. Бран, стиснув зубы, уставился на чертившего третью полосу мага, но тот избегал его взгляда. Когда же был сделан последний штрих, у клана не оставалось сомнений, чей это был знак, только никто не мог в это поверить. Все же тут было что-то не так. И, глядя Брану в глаза, Мог-ур сделал заключительное движение:

– Дух Пещерного Льва, под твою защиту отдается девочка по имени Эйла.

После этих слов развеялись последние сомнения. Мог-ур повесил амулет девочке на шею; его соплеменники тем временем никак не могли прийти в себя от удивления. Разве такое возможно, чтобы у девочки был сильнейший из мужских тотемов? Пещерный Лев?

Взор Креб, устремленный на суровый взгляд Брана, был неумолим. Всего мгновение длилась невидимая схватка двух волевых людей. Мог-ур знал, чем грозит покровительство Пещерного Льва для девочки, хотя для нее иметь такой сильный тотем было совершенно невероятным. Однако маг лишь подчеркнул отметину, которую сделал сам Пещерный Лев. Бран никогда не расспрашивал брата об откровениях, но сейчас почему-то ощущал какой-то подвох. Хоть ему это и не нравилось, но пришлось смириться, поскольку он еще никогда не видел

более явного подтверждения тотема. Он первым отвел глаза, но радости при этом отнюдь не испытывал.

Бран и так едва согласился принять девочку в клан, а теперь еще ее тотем – это было уж слишком. Все, что выходило за общепринятые рамки размеренной жизни клана, Брану было не по нутру. «Больше никаких отклонений не будет, – решил он. – Пещерный Лев или не Пещерный Лев, но девчонка стала членом клана, а значит, обязана жить по его правилам».

Иза была потрясена. Продолжая держать ребенка на руках, она покорно склонила голову. Раз Мог-ур так сказал, значит так и есть. Она знала, что у Эйлы сильный тотем, но чтобы Пещерный Лев? Только теперь Иза до конца осознала случившееся. «Без сомнения, женщина с таким сильным тотемом никогда не найдет себе спутника жизни», – думала она, утверждаясь в решении обучать Эйлу целительной магии, чтобы та имела личное положение в клане. Креб дал девочке имя и открыл тотем, а целительница взяла на себя заботы о ней. «Разве этого не достаточно, чтобы считать Эйлу своей дочерью? Родить ребенка – это еще не все». Тут Изе пришла мысль о том, что в скором времени она может вновь предстать перед Мог-уром с ребенком на руках. Она, которая так долго была бездетной, станет матерью сразу двоих детей.

Все в клане, вне себя от изумления, бурно жестикулируя, делились впечатлениями. Иза безотчетно прошла на свое место, не переставая быть мишенью удивленных взглядов женщин и мужчин. Невзирая на приличия, они продолжали пялить на нее глаза, и более всех один из них.

Взгляд Бруда исторгал столько презрения, что Иза испугалась за малышку и постаралась прикрыть ее от злого глаза. Юноша больше не привлекал к себе внимания. Был забыт его отважный подвиг, который закрепил за кланом новую пещеру, а также его великолепный танец и то, с какой стойкостью он перенес боль, когда Мог-ур вырезал на его теле знак тотема. Обеззараживающая целебная мазь жгла ему рану сильнее ножа, но никто даже не замечал, как мужественно он претерпевал боль.

Его вообще никто не замечал. Обряды посвящения проходили довольно часто. Ими никого нельзя было удивить. Другое дело – потрясающее известие о тотеме девочки. Бруд уже слышал, что кто-то предлагал ей войти в пещеру первой, дескать, потому, что она сама ее нашла. «Пещерный Лев так Пещерный Лев, ну и что с того? – раздраженно размышлял Бруд. – Разве она убила зубра? Этой ночью героем должен быть я». Бруд находился бы в гуще событий, принимал бы восторги и поздравления клана, если б ему не перешла дорогу Эйла.

Иза поспешила с девочкой к лагерю, а Бруд, проводив их недобрым взглядом, переключил внимание на Мог-ура. Скоро, очень скоро он станет участником тайного мужского ритуала. В чем он состоит, Бруд не знал, но слышал, что ему предстоит впервые познать истинную память. Это станет последним этапом его посвящения.

Добравшись до ручья, Иза торопливо скинула накидку, достала деревянную чашу и красную сумочку с сушеными кореньями, наполнила чашу водой и направилась к костру, который взметнул языки пламени ввысь, после того как Грод подкинул в него дров.

Когда целительница во второй раз предстала перед магом, на ней, кроме амулета и испещривших тело красных полос, ничего не было. Большой круг подчеркивал наполненность ее живота. Два маленьких повторяли контуры груди; от вершины каждой из них вверх шли линии, которые сходились за плечами на спине в форме буквы V. Подобными кругами были обведены ягодичы. Помимо того, на теле красовались загадочные знаки, служившие ей и мужчинам защитой. Участие женщины в ритуале считалось опасным, но в данной церемонии ее присутствие было необходимым.

Иза находилась так близко к Мог-уру, что могла разглядеть бусинки пота на его лице, – он стоял напротив костра в тяжелой медвежьей шкуре. Маг подал едва уловимый знак, и она, подняв чашу, повернулась лицом к клану. Это была очень старая чаша, которую применяли исключительно для этого обряда. Множество лет назад женщины-целительницы вырезали ее из

сердцевины дерева и любовно отшлифовали шершавыми камнями. Окончательную зеркальную гладкость придали путем обработки грубыми стеблями папоротника. От долгого употребления чаша покрылась белесым налетом.

Иза взяла в рот пригоршню корней и принялась разжевывать грубые волокна, стараясь не проглотить ни капли слюны. Наконец она выплюнула мякиш в чашу с водой и помешала раствор, который окрасился в молочно-белый цвет. О могущественных свойствах этого корня знали только целительницы из рода Изы. Растение было хоть и редкое, но довольно известное, и его свежевыкопанные корни обладали невыраженным дурманящим действием. Его сушили по меньшей мере два года, вешая корнем вниз в отличие от большинства других трав. Хотя готовила снадобье женщина-целительница, пить его должны были исключительно мужчины.

Вместе с эзотерическим знанием свойств растения, которое передавалось целительницами от матери к дочери, рассказывалась и старинная легенда о том, что некогда это растение применяли только женщины. Однако мужчины похитили у женщин церемонии и ритуалы с его использованием, строго-настрого запретив слабому полу употреблять этот корень. Не могли они украсть только секрет его приготовления. Целительницы были не склонны посвящать в него кого-либо, кроме своих прямых потомков по женской линии, и эта преемственность уходила в глубокую древность. Даже теперь напиток давался только взамен чего-нибудь такого же ценного.

Когда все было готово, Иза кивнула Гуву, и тот вышел вперед с чашей дурманного чая, который обычно готовился для мужчин, но на сей раз предназначался женщинам. После торжественного обмена чашами мужчины удалились в малую пещеру.

Оставшись наедине с женщинами, Иза каждой поднесла дурманный чай. Сама целительница часто использовала подобный настой для снятия или притупления боли, а также для сна. Несколько иначе приготовленный, он действовал успокаивающе на детей. Женщины могли по-настоящему расслабиться, лишь когда им не докучали дети. А такое бывало, если те находились во власти сна. Поэтому в редкие дни, когда женщинам даровалась возможность участвовать в церемонии, Иза обеспечивала малышам крепкий сон.

В этот вечер женщины загодя уложили детей в постель, после чего сами вернулись к костру. Подоткнув вокруг спящей Эйлы меховую полость со всех сторон, Иза, перевернув чашу, на которой Дорв отстукивал охотничий танец, принялась отбивать медленный ритм, меняя высоту тона путем перемещения палочки вверх и вниз. Первой вскочила Эбра; вытанцовывая сложные движения, она пошла вокруг Изы, которая, постепенно ускоряя темп, все сильнее будоражила чувства женщин. Вскоре все они включились в хоровод, возглавляемый женщиной вождя.

По мере того как ритм ускорялся и усложнялся, женщины все больше раскрепощались. Даже самые скромные в обычной жизни сбрасывали с себя накидки и пускались в откровенно эротический танец. Никто не заметил, как Иза прекратила стучать и присоединилась к ним, — у каждой ритм продолжал пульсировать внутри. Сдерживаемые в повседневной жизни чувства выплескивались наружу. Напряжение сменялось блаженством внутренней свободы, и это очищение давало женщинам силы принять свое обыденное, подавленное условностями быта существование. Они скакали, прыгали, вертелись как безумные почти до самого рассвета, когда, вконец изможденные, свалились с ног и уснули на месте.

С первым проблеском зарождавшегося дня, пройдя мимо распростертых на земле женщин, отправились спать мужчины. Они сняли с себя напряжение охоты. Их церемония отличалась сдержанностью и глубиной, поскольку была обращена к внутреннему миру.

Когда солнце поднялось над вершинами гор, из пещеры вышел Креб и окинул взором голые тела спящих женщин. Однажды он стал свидетелем женского праздника, но не из любопытства. Мудрый старый маг понимал их потребность самовыражения. Но мужчины даже не

представляли, чем женщины изнуляли себя так, что буквально валились с ног, а Мог-ур не выдавал их тайны.

«Нельзя ли обратить женский разум к его истокам? – спрашивал себя Мог-ур. – У них совершенно иное сознание, хотя не утратившее способности взывать к памяти предков. Сохранилась ли у них расовая память? Не могли бы они участвовать в церемониях наравне с мужчинами?» Мог-ур задавался этими вопросами, но никогда не искушал духов, чтобы узнать это наверняка. Участие женщины в священной церемонии могло разрушить клан.

Креб побрел к костру и сел на постель. Взглянул на белокурые волосы Эйлы, раскинувшиеся на подстилке Изы, и это навеяло на него воспоминания о землетрясении. Как этой странной девчужке удалось так быстро завоевать его сердце? Креба тревожило враждебное к ней отношение Брана. Не ускользнули от мага и злые взгляды Бруда. Эти раздоры довлели над ним в течение всей церемонии.

«Бруд не оставит ее в покое, – размышлял Креб. – Мохнатый Носорог вполне подходящий тотем для будущего вождя. Пусть Бруд и отважный малый, но чересчур своевольный и гордый. В один миг он бывает спокоен, разумен и даже мягок и добр. В другой – вдруг становится одержим слепым гневом. Надеюсь, он не положит глаз на Эйлу. Какие глупости, – продолжал спорить сам с собой Креб, – разве сын женщины Брана позволит себе печалиться из-за какой-то девчонки?! Ведь он будущий вождь, да и Бран этого не одобрил бы. Бруд стал мужчиной и обязан уметь сохранять самообладание».

Старый калека лег и только тогда понял, как он устал. Ему не удавалось скинуть с себя напряжение с самого землетрясения, но теперь наконец он мог расслабиться. У них была своя пещера, которую одобрили духи, и клан, как только проснется, начнет ее обживать. Маг зевнул и, растянувшись на подстилке, закрыл единственный глаз.

Глава 7

С чувством затаенного благоговения перед обширным пространством пещеры клан впервые переступил порог своего нового жилища, но довольно скоро все почувствовали себя в ней как дома. Быстро отошли в прошлое воспоминания о старой пещере и неутомимых поисках новой, и чем больше люди осваивались в непривычной обстановке, тем больше она нравилась им. Готовясь к долгим холодам, которые наступали за коротким жарким летом, они окунулись в повседневные заботы: охоту и сбор пищи, которой в местных лесах имелось в изобилии.

В бурных ручьях плескалась серебристая форель, и при некоторой сноровке ее можно было поймать руками; под скалистыми выступами или торчавшими над водой корнями деревьев частенько пряталась другая неосторожная рыба. В устье ручья обитали во множестве осетры и лососи, набитые черной и красной икрой, а на дне внутреннего моря встречались страшный тифлонус и черный живоглот. Стоя по колено в воде, рыболовы гнали рыбу в сторону сетей, сплетенных из длинной шерсти животных и привязанных к веревке. Чтобы пополнить запасы сушеной рыбы, они проходили добрых десять миль вдоль морского берега. Моллюски и ракушки, помимо того что добавляли к обеду лакомый кусочек, служили хозяйственной утварью. На скалистых выступах морского побережья гнездовали птицы, люди собирали там яйца, а иногда удавалось подстрелить камнем олушу, чайку или крупную гагарку.

Коренья, толстые стебли, листья, бахчевые и бобовые плоды, ягоды, фрукты, орехи и зерновые растения собирались в период созревания. Листья и цветы сушились и применялись для заварки чая, а также из них делали краску. Когда мороз осушал прибрежную полосу, на ней выступали соляные разводы, которые люди собирали и запасали на зиму.

Мужчины часто уходили на охоту. В близлежащих степях, богатых сочной травой, где изредка попадались низкорослые деревца, паслись бесчисленные стада животных. Здесь обитал гигантский олень, рога которого, как у самых крупных зубров, достигали одиннадцати футов. Степные лошади редко забегали так далеко на юг, но зато на полуострове встречались ослы и онагры – нечто среднее между лошадью и ослом, а их здоровенные сородичи, лесные лошади, предпочитали жить в одиночку или небольшими семьями в горных лесах, окружавших пещеру.

Раскинувшуюся у подножия гор рощу, плавно переходившую в степи, населяли темно-коричневые и черные зубры, предки будущего домашнего скота. Лесные носороги – родственники их бесшерстных потомков, приспособившихся к более холодному климату, частично перекрывали территорию других представителей рода, предпочитавших кормиться травкой в роще. И те и другие имели более короткие, торчавшие вверх рога. В отличие от них мохнатый носорог, подобно волосатому мамонту, был здесь временным обитателем. Длинный рог у него крепился на покатои спереди, низко расположенной голове, приспособленной для раскапывания трав под снегом. Толстый слой подкожного жира, длинные ярко-рыжие волосы, а также мягкий подшерсток – все это было результатом привыкания к суровым погодным условиям. Естественной средой обитания для него были северные, высушенные морозом прерии, лесные равнины.

Лесовые равнины образовывались в тех местах, где землю покрывал ледник. Там была низкая влажность, редко выпадал снег и постоянно дул ветер. Осыпавшаяся со скал известковая порода – лесс – переносилась от края ледника на сотни миль. Короткая весна растопила снег и слой вечной мерзлоты настолько, чтобы молодая трава могла быстро укорениться и дать побеги. Она вырастала и вскоре высыхала, превращаясь в стоячее сено, которое на территории многих тысяч акров служило кормом животным, обитателям холодной части материка.

Степи полуострова привлекали шерстистых зверей лишь поздней осенью. Летом здесь было слишком жарко, а зимой не хватало пищи – землю покрывал плотный слой снега. Мно-

гие животные зимой отправлялись на север, к более холодным, но зато сухим лессовым равнинам. Летом большая часть из них возвращалась обратно. Травоядные, которые щипали кусты, кору или лишайник на лесистых склонах, жили в условиях, не приспособленных для обитания больших стад. Такие места облюбовали лесная лошадь, лесной носорог, дикая свинья и некоторые виды оленей: рыжие олени, или лоси, кочевавшие небольшими табунами; застенчивые косули с простыми, оснащенными тремя отростками рогами; более крупные коричнево-белые пятнистые олени, а также олени американские.

На высокогорных лугах паслись муфлоны – бараны с крупными рогами, а еще выше скакали над самой пропастью альпийские и горные козлы, а также серны. Горный пейзаж расцветали быстрые, с острыми крыльями певчие птички, которые подчас становились добычей охотников. Но куда чаще люди довольствовались толстыми, низко летающими куропатками и тетеревами, подстреливая их из пращи. По осени в устроенные на земле ловушки нередко попадались прилетавшие с севера гуси и утки. В потоках теплого воздуха парили в небе пернатые хищники и охотники до мертвечины, обслеждая низлежащие леса и луга.

В окрестностях пещеры водилось множество мелкого зверья, дававшего людям пищу и одежду: норки, выдры, россомахи, горностаи, куницы, лисы, соболи, еноты, барсуки и маленькие дикие кошки, позже превратившиеся в домашних, а также белки, дикобразы, зайцы, кролики, кроты, выхухоли, нутрии, бобры, скунсы, мыши-полевки, лемминги, белки, живущие на земле, тушканчики, огромные хомяки, пищухи и некоторые другие, не получившие названий и вымершие в далекой древности животные.

Значительно сокращали их численность более крупные хищные звери, такие как волки и родственные им, но гораздо более свирепые дикие собаки, а также представители кошачьей породы: рыси, гепарды, тигры, леопарды, горные барсы и пещерные львы, вдвое превосходившие любое другое животное. У пещер охотились всеядные бурые медведи, однако их громадных братьев – травоядных пещерных медведей в этих краях больше не было. Расширяла сферу своего обитания вездесущая пещерная гиена.

В этом холодном древнем Эдеме с его невероятно богатым многообразием форм жизни на долю человека приходилась лишь незначительная часть. Не наделенный природой особыми данными для выживания и вынужденный поэтому развивать свой огромный мозг, он был самым слабым из тех, кто добывал себе пропитание охотой. Но, несмотря на видимую неполноценность, отсутствие когтей и клыков, и на то, что двуногий ловчий не обладал скоростью и силой зверя, он завоевал уважение остальных представителей животного мира. Один его запах издали отпугивал более сильные создания природы, заставляя свернуть с избранного пути, пусть даже до этого они прожили долгое время в непосредственной близости. Способные и опытные охотники клана были сильны как в защите, так и в нападении, и, если что-то угрожало безопасности клана или же ему требовалась теплая зимняя одежда, они подстерегали ничего не подозревающего хищника.

Стоял теплый и ясный день начала осени. Деревья, понемногу ронявшие свой убор, еще не утратили яркости красок. Над остатками прошедшего пира лениво жужжали мухи. Свежий ветерок с моря напоминал о бурлящей подводной жизни, а на залитый солнечным светом горный склон над входом в пещеру листва отбрасывала трепещущие тени.

Теперь, когда клан обрел жилище, обязанностей у Мог-ура убавилось. Время от времени от него требовалось проводить охотничью церемонию и ритуал по изгнанию злых духов в помощь магии Изы в случае, если кто-то болел или был ранен. Охотники ушли на охоту, прихватив с собой нескольких женщин, чтобы те подготовили мясо для хранения – в сушеном виде его легче было доставить в пещеру. Разрезанное на куски, оно быстро теряло влагу под постоянным степным ветром и жарким солнцем. Дым от костра, где горели навоз и сухая

травы, в основном служил для того, чтобы не дать мухам отложить в сыром мясе личинки и тем самым предохранить его от гниения. На обратном пути большую часть груза несли женщины.

Со времени вселения в новую пещеру Креб, не пропуская ни дня, обучал Эйлу языку клана. Простейшие слова, которые для малышей обычно оказывались трудными, она повторяла с легкостью, однако усвоить сложную систему жестов и знаков оказалось выше ее сил. Старик, сколько ни напрягал свой мозг, никак не мог придумать, как донести до нее их значение. Девочка была не на шутку расстроена.

Она ощущала, что чего-то недопонимает, но жаждала общения. У нее не было сомнений в том, что соплеменники разговаривают друг с другом не только посредством слов, но и как-то иначе, однако как именно – она не могла взять в толк. Дело в том, что Эйла не понимала их жестов. Они казались ей не более чем бессвязными движениями, ей даже не приходило в голову, что вообще возможно говорить руками.

Креб начал догадываться о причинах ее непонимания, хотя в это и трудно было поверить. «Должно быть, ей невдомек, что все движения наделены смыслом, – думал он, гуляя с ней вдоль журчащего ручья. – Вот в чем ее беда. Или же ей просто не хватает ума постичь наш язык». Хотя Эйла во многом отличалась от них, но, насколько успел заметить Креб, умом обделена не была и тем не менее оказалась неспособна понять простейшие знаки. Креб решил, что остается только одно: показывать их в преувеличенном виде. Протопанная людьми тропинка привела старика с девочкой на его излюбленную лужайку. Здесь рос огромный дуб с обнаженными корнями, возле него Мог-ур мог отдохнуть. Начиная урок, он указал посохом на дерево.

– Дуб, – быстро ответила Эйла.

Креб кивнул в знак одобрения и направил посох в сторону ручья.

– Вода, – сказала девочка.

Старик кивнул вновь, после чего сделал движение рукой и повторил слово.

– Текущая вода, речка, – означали жест и слово вместе.

– Вода? – неуверенно произнесла Эйла, недоумевая: она уже говорила это слово и он остался доволен, а теперь спрашивает ее вновь. Девочку охватило сильное беспокойство. Все повторялось сначала. Она знала, он добивается от нее чего-то еще, но чего именно – не понимала.

Креб отрицательно затряс головой. Он проходил это упражнение с ней много раз. И опять указал на ноги.

– Ноги, – был ответ Эйлы.

– Да, – кивнул маг, подумав про себя, что нужно как-то заставить ее видеть, а не только слышать. Он встал, взял ее за руку и сделал несколько шагов, оставив посох лежать на месте. – Ноги, – произнес он, а жестом старался ей объяснить. – Ноги двигаются, идут.

Она вся напряглась, стараясь прислушаться, не ускользнул ли от нее какой-нибудь звук.

– Ноги? – дрожащим голосом произнесла она, догадываясь, что это не то, что он хочет от нее услышать.

– Нет, нет, нет! Идут! Ноги двигаются! – повторил он в очередной раз размашистым жестом. Подошел к ней снова и показал на ноги, уже отчаявшись добиться ее понимания.

Эйла чувствовала, что из глаз у нее вот-вот хлынут слезы. Ноги! Ноги! Она знала: «Слово сказано правильно, но почему тогда он трясет головой? Лучше бы он не вертел рукой перед моим лицом! Что я делаю не так?»

Пожилой человек вновь подошел к ней, указал на ноги, сделал движение рукой и произнес слово. Она остановилась и уставилась на него. «Он снова показывает рукой, причем так явно, будто хочет этим что-то сказать, и снова повторяет то же слово», – рассуждала девочка про себя. Креб пригнулся и, глядя ей прямо в лицо, перед глазами рукой произвел движение. Жест, слово. Жест, слово.

«Чего он хочет? Чего от меня добивается?» Она хотела его понять и знала, что он пытается что-то донести до нее. «Зачем он двигает рукой?» – спрашивала себя девочка.

Вдруг до нее дошло: «Его рука! Он то и дело размахивает рукой!» И она неуверенно подняла руку.

– Да, да! Вот именно! – Креб едва ли не закричал от радости. – Делай знак! Ноги идут! Двигутся! – повторял он.

Озаренная внезапной догадкой, девочка внимательно следила за его движением, стараясь подражать ему. «Креб сказал „да“! Это то, что ему нужно! Движение! Он хочет, чтобы я повторила движение».

Она вновь произнесла слово и сделала жест, все еще не понимая, что это значит, но по крайней мере сообразив, что от нее требуется слово сопровождать жестом. Указав на двигающиеся ноги, Эйла повторила сочетание из слова и жеста.

И тут ее осенило! Она обнаружила связь! Двигаться на ногах! Идти! Вот что он имел в виду! Она словно прозрела! И вспомнила, что люди клана все время шевелили руками. «Уж не разговаривали ли они таким образом? Так вот, значит, как они между собой общаются. И верно, поэтому произносят так мало слов. Неужели они говорят руками?»

Креб сел. Эйла стояла напротив, пытаясь справиться с охватившим ее возбуждением.

– Ноги, – сказала она, указывая на свои ноги.

– Да, – довольно кивнул он.

Она встала и прошла вперед, после чего вернулась, сделала жест и произнесла:

– Ноги.

– Да, да. Именно! То, что надо! – подтвердил он. Наконец-то она поняла!

С минуту помолчав, девочка бросилась бежать по лужайке, развернулась и, приблизившись к Кребу, остановилась, слегка запыхавшись, и стала ждать, что он скажет.

– Бежать, – показал он рукой.

Это движение было похоже на первое, но все же от него отличалось.

– Бежать, – старательно повторила она рукой. Она все поняла!

Креб был вне себя от радости. Жест был груб, лишен изящества, которым были наделены даже дети клана, но главное – она ухватила суть. Мог-ур так сильно закивал, что чуть не свалился с места. Развеселившаяся Эйла кинулась к нему и горячо обняла.

Старый шаман невольно осмотрелся вокруг. Столь пламенные чувства не принято было проявлять за пределами домашнего очага. Но вокруг них никого не было. Калека ласково прижал девочку к себе, впервые в жизни ощущая прилив тепла и упоения.

Перед Эйлой открылся целый мир познания. Природа наделила ее артистизмом и мимическим талантом, которые она добросовестно применяла, подражая движениям Креб. Он мог показать ей лишь упрощенные варианты ручных знаков, оттачивать же их приходилось Изе. Эйлу, как всех маленьких детей, обучали различным понятиям, начиная с выражения простейших нужд, но девочка овладевала всем гораздо быстрее. Она так долго была лишена общения, что решила восполнить этот недостаток как можно скорее.

Как только она начала понимать язык клана, заметно переменилось ее восприятие жизни. Эйла постоянно следила за общением людей, пытаясь ухватить, о чем они говорят. Поначалу к тому, что девочка на всех палила глаза, относились снисходительно и журили ее как ребенка. Но время шло, и неодобрительные взгляды в ее сторону недвусмысленно давали понять, что больше этого терпеть нельзя. Уставиться на кого-либо, так же как и подслушивать, считалось неприличным. По обычаям клана было положено отводить взгляд, когда другие вели личный разговор. И возник этот вопрос однажды вечером в самом разгаре лета.

После ужина все сидели у семейных очагов. Солнце ушло далеко за горизонт, и в последних его отсветах, шелестя под легким ветерком, вырисовывались контуры листвы. У входа в

пещеру горел костер, отвращавший от людей злых духов и хищников. Сквозь мерцание огня в струях поднимавшегося дыма и теплого воздуха плавно извивались деревья и кустарники. На скалистой стене пещеры завели свой танец свет и тени.

Эйла сидела на огороженной камнями территории Креба, уставившись на семейство Брана. Упражняясь в роли взрослого мужчины, Бруд вымещал досаду на матери и Оге. С самого утра день начался у него неудачно, а позже стало и того хуже. После долгих часов выслеживания лисы, шкуру которой Бруд обещал принести Оге, он упустил зверя. Брошенный им камень спугнул лису, и та бесследно растворилась в кустах. Взгляды Оги, преисполненные понимания и прощения, лишь подливали масла в огонь. Он мог снести от нее все, что угодно, только не это.

Уставшие после трудового дня женщины заканчивали свои дела, и Эбра, которой то и дело мешали доделать работу, рассердившись, дала знать Брану. Вождь давно заметил непотребное поведение Бруда. Тот имел на это право, но мог бы проявить к женщинам большую чуткость. Зачем было заставлять их бегать за каждой ерундой, когда они без того заняты и валяются с ног от усталости?

– Бруд, оставь женщин в покое! У них и без тебя хватает дел, – жестами осек его Бран.

Получить такой нагоняй, да еще от самого вождя и в присутствии Оги, для Бруда было невыносимо. Он удалился от остальных в дальний угол и тут поймал на себе пристальный взгляд Эйлы. Не важно, что она ухватила лишь суть небольшой домашней перебранки, весь ужас заключался в том, что в присутствии этой дурнушки его отчитали как ребенка. Это был сокрушительный удар по его болезненному самолюбию. «У нее даже не хватило воспитанности отвести взгляд, – подумал он. – Ну раз ей наплевать на вежливость, то и мне тоже». Это была последняя капля, переполнившая чашу его терпения. Ратуя за соблюдение обычая клана, он пронзил ненавистную девчонку злорадным взглядом.

Креб чувствовал, что в семье Брана возник небольшой разлад. Ему было ведомо все, что творилось в клане. Чаще всего он воспринимал все как посторонний шум, но то, что касалось Эйлы, заставило его насторожиться. Он мог себе представить, сколько злости накопилось у Бруда, раз он, невзирая на все, чему его всю жизнь учили, уставился прямо на чужой семейный очаг. «Бруд относится к ней слишком враждебно, – подумал Креб. – Ради ее же блага придется поучить малышку, как себя вести».

– Эйла! – резко окликнул ее Креб. От звука его голоса она едва не подскочила на месте. – Не гляди на других людей! – добавил он знаками.

– Почему? – удивилась она.

– Нельзя глядеть, нельзя таращиться. Людям это не нравится, – пытался ей объяснить Мог-ур, чувствуя, что Бруд с нескрываемым удовольствием краем глаза наблюдает за тем, как девчонка получает взбучку от Мог-ура.

«И все же он к ней слишком мягок. Ничего, придет время, и я ей еще покажу, как следует себя вести женщине».

– Давай поучимся говорить, – знаками предложила Эйла. Она все еще была изумлена и слегка обижена.

Кто-кто, а Мог-ур точно знал, почему она за всеми наблюдала, но все же решил сделать внушение. Да и Бруд, увидев, как ее ругают за неприличное поведение, слегка поумерил свой гнев.

– Эйла, прекрати глазеть, – означал строгий взгляд Креба. – Это плохо. Эйла не перебивает, когда говорит мужчина. Это плохо. Эйла не глядит на другие семьи. Это плохо. Плохо. Понимаешь?

Креб был резок. Он хотел, чтобы она это поняла. Мог-ур заметил, что Бруда позвал Бран и настроение у молодого человека явно улучшилось.

Эйла была подавлена. Еще никогда Креб не был с ней груб. Ей казалось, ему нравится, что она осваивает их язык. Теперь же он велел ей не смотреть на других, а значит, ей не придется больше учиться. Слезы боли и обиды так и хлынули у нее из глаз.

– Иза! – встревоженно позвал ее Креб. – Иди сюда! У Эйлы что-то случилось с глазами.

У людей клана глаза слезились, только когда в них попадала соринка, а также в случае простуды или глазной болезни. Но чтобы плакать от огорчения – такого Кребу еще не приходилось видеть. Иза быстро подбежала к ним.

– Погляди! У нее слезятся глаза. Может, попала искра? Лучше проверь, – настаивал он.

Иза тоже не на шутку забеспокоилась. Подняв веки Эйлы, она стала пристально рассматривать глазницы девочки.

– Глаз болит? – спросила она. Целительница не обнаружила никаких признаков его поражения. Все было в порядке, но глаза продолжали слезиться.

– Нет, не болит, – шмыгая носом, произнесла Эйла.

Она не понимала, почему они так забегали вокруг нее, но ощущала их заботу, несмотря на то что Креб недавно сердился на нее.

– Почему Креб разозлился, Иза? – всхлипывая, спросила она.

– Ты должна усвоить, Эйла, – с серьезным видом начала объяснять Иза, – невежливо смотреть на чужой очаг, смотреть, о чем там говорят. Эйла должна знать, что, когда говорит мужчина, женщина смотрит вниз, вот так. – И Иза ей показала как. – Когда мужчина приказывает, женщина выполняет. И никаких вопросов. Таращат глаза только маленькие. Эйла большая. Люди сердятся на Эйлу.

– Креб сердится? И не будет обо мне заботиться? – И она вновь разразилась слезами.

Иза не понимала, почему у девочки слезятся глаза, но ощущала, что та не в себе.

– Креб будет заботиться об Эйле. И Иза тоже. Креб учит Эйлу. Нужно многое узнать. Эйла должна узнать правила клана.

Она нежно обняла девочку и вытерла ей глаза кусочком кожи, после чего посмотрела в них, чтобы проверить, все ли в порядке.

– Что случилось у нее с глазами? – осведомился Креб. – Она больна?

– Она думает, что ты ее не любишь. Она думает, что ты на нее разозлился. Должно быть, поэтому она расстроилась. Возможно, светлые глаза, такие как у нее, слишком слабые, но, насколько я могу судить, они здоровы, да и сама она говорит, что глаза не болят. Думаю, они слезятся от печали, Креб, – пояснила Иза.

– От печали? Она так огорчилась из-за того, что я ее не люблю? И поэтому потекли слезы из глаз?

Мог-ур был поражен до глубины души, он испытывал непонятные чувства. Неужели она так слаба здоровьем, хотя по ней этого не скажешь? Первый раз в жизни он видел, чтобы кто-то плакал, узнав, что он его не любит. Кроме Изы, к нему еще никто так не относился. Люди его боялись, испытывали благоговейный страх, уважали, но чтобы буквально до слез жаждать его любви – такого еще не бывало. «Возможно, Иза права: у девочки слабые глаза, но зрение нормальное. Все-таки нужно ей как-то сказать, для ее же блага, как следует себя вести. Бран выгонит ее, если она не усвоит наших правил. Это в его власти. Но это не значит, что я ее не люблю. Я ее люблю, – впервые признался он себе, – как это ни странно, я очень ее люблю».

Эйла поплелась к калеке, нервно поглядывая на свои ноги. Стала напротив него и только тогда подняла печальные глаза, еще мокрые от слез.

– Я больше не таращу глаза, – жестами сказала она. – Креб на меня не сердится?

– Нет, – ответил ей он. – Я вовсе не сержусь, Эйла. Но ты принадлежишь к клану, принадлежишь мне. Ты должна знать наш язык, но также должна знать правила клана. Понимаешь?

– Принадлежу Кребу? Креб на меня не сердится?

– Нет, я люблю тебя, Эйла.

Расплывшись в улыбке, она бросилась к безобразному старику и обняла его, после чего устроилась у него на коленях и крепко прижалась к нему.

Креб всегда интересовали дети. Став Мог-уром, он редко встречал, чтобы тотем ребенка не был безоговорочно воспринят матерью. Ему приписывали сверхъестественные способности, однако его истинный талант заключался в умении наблюдать и воспринимать увиденное. На его глазах рождались и вырастали дети, женщины и мужчины их баюкали и утешали. Но сам он, старый и покалеченный, никогда не знал счастья держать на руках ребенка.

Выплавав свою печаль, малышка уснула. Рядом с Мог-уром она ощущала себя в безопасности. Он вытеснил в ее душе другого человека, память о котором сохранилась лишь в дальних уголках сознания. Креб смотрел на спокойное доверчивое личико, и в его душе расцветала любовь. Он не смог бы любить ее сильнее, будь она даже его собственным ребенком.

– Иза, – позвал он целительницу и, прежде чем передать ей девочку, на мгновение обнял Эйлу. – Верно, из-за болезни она утомилась, – сказал он, когда женщина ее уложила. – Для пущей уверенности осмотри еще раз ее глаза завтра утром.

– Хорошо, Креб, – кивнула она.

Иза любила брата. Она знала, что за его угрюмой наружностью скрывается добрая душа, и была за него очень рада: теперь ему было кого любить и было кому любить его. После этого случая добрые чувства к девочке у нее еще больше окрепли.

С детства Иза не была такой счастливой. Омрачал ее радость лишь страх, что ее будущий ребенок может оказаться мальчиком. Сына ей пришлось бы растить вместе с охотником. Поскольку она приходилась сестрой Брану, а их мать была женщиной вождя, то ее сын мог бы стать вождем в том случае, если с Брудом что-нибудь случится, а у Эбры не будет больше сыновей. Брану придется отдать ее с ребенком кому-нибудь из охотников либо взять к себе. Хотя она ежедневно молила свой тотем послать ей либо девочку, либо мертворожденное дитя, избавиться от снедавшего ее беспокойства не удавалось.

Благодаря терпению Креба и своему усердию за лето Эйла научилась понимать не только язык клана, но и их обычаи. За первым уроком, отучившим ее глазеть на людей, когда не положено, последовало много других, не менее сложных. Особенно трудно оказалось привить ей женское послушание, поскольку для этого пришлось обуздать природное любопытство и неугомонную энергию.

Многое научились понимать и Креб с Изой. Так, например, они уже знали, что слегка растянутые губы и чуть приоткрытые зубки у девочки означают то, что она счастлива. Но все продолжали сокрушаться по поводу странной слабости девочкиных глаз, когда та была чем-то огорчена и начинала плакать. Иза относилась к этой особенности за счет светлого цвета глаз, только не знала, свойственно ли это качество одной Эйле или вообще Другим. На всякий случай Иза промывала девочке глаза отваром бело-голубого растения, что росло в близлежащих лесах. Оно питалось гниющей древесиной, и его лишенные зелени глянцевого листочки при прикосновении чернели. Но Иза не знала лучшего средства от воспаленных глаз и всякий раз, когда девочка плакала, промывала ей глаза остуженным отваром стеблей этого растения.

Плакала Эйла редко. Хотя слезы обеспечивали ей внимание, она всячески старалась их сдерживать. К тому же они не только пробуждали беспокойство у любимых ею людей, но делали ее не похожей на остальных, а ей хотелось быть такой, как все. Соплеменники понемногу привыкали к ней, но по-прежнему с настороженностью относились к ее странностям.

Эйла, в свою очередь, тоже познавала клан и вживалась в него. Мужчины питали к ней интерес, но считали ниже своего достоинства выказывать его особе женского пола, хотя и столь не похожей на других, впрочем, и она платила им тем же. Больше других ею интересовался Бран, но она его пугала. Он был с ней строг и не шел на сближение. А Эйле было даже невдомек, что остальным Креб казался куда неприступнее Брана и что всех изумляла близость Мог-ура

и странной девочки. Но один человек ей был особенно неприятен – тот, что делил с Браном очаг. От его взгляда ей всегда становилось не по себе.

Прежде всего ей пришлось познакомиться с женщинами. За исключением случаев, когда Эйла находилась в обществе Креба или когда отправлялась с целительницей собирать травы, они с Изой обычно проводили время среди женщин. Поначалу Эйла попросту ходила за Изой по пятам и смотрела, как женщины сдирают с животных шкуру, выделывают кожу, разрезают ее по спирали и получают один длинный ремень, плетут корзины, подстилки и сети, вырезают из дерева чаши, собирают дикie плоды, готовят еду, заготавливают к зиме мясо и растительную пищу и выполняют все желания мужчин. Эйла проявляла ко всему рвение, и женщины охотно обучали ее не только языку клана, но и всякому полезному ремеслу.

Хотя в физической силе она уступала женщинам и детям клана и обладала хрупким телосложением, ее ловкости и гибкости можно было позавидовать. Тяжелые работы были ей не под силу, зато для своего возраста она необычайно проворно плела корзины. У нее зародились теплые отношения с добродушной Икой, и та давала девочке поддержать Борга. По натуре довольно замкнутая, Овра, так же как и Ука, была особенно добра к девочке. Обе женщины потеряли во время землетрясения близких людей, поэтому горе Эйлы вызывало у них сочувствие. Девочке не доставало только друзей-ровесников.

Дружеские отношения с Огой распались вскоре после церемонии. Ога разрывалась между Эйлой и Брудом. Несмотря на то что Эйла была немного младше Оги, у них нашлось бы о чем поведать друг другу, но Бруд недвусмысленно выказывал свое отношение к новенькой. Ради своего избранника Оге пришлось пожертвовать дружбой с Эйлой. Они почти не общались, за исключением случаев, когда работали вместе. Не встретив отклика на свои попытки подружиться, Эйла вскоре оставила Огу в покое и больше к ней не приставала.

Играть с Ворном Эйла не любила. Он был на год младше ее, но, подражая в игре взрослым, все время норовил ею командовать, а Эйле подобные отношения были не по нутру. Когда она взбунтовалась, это вызвало возмущение как мужчин, так и женщин, и в особенности Аги, матери Ворна. Она гордилась тем, что ее сын пытается вести себя, как подобает мужчине. А ненависть к девочке со стороны Бруда ей была известна не хуже, чем всем остальным. «В один прекрасный день, – рассуждала она, – Бруд станет вождем, и, если он будет по-прежнему благоговить к моему сыну, Ворн станет вторым по положению человеком в клане». Ага не гнушалась ничем, чтобы услужить Бруду, вплоть до того, что, когда тот оказывался поблизости, начинала шпынять девочку. Если Ворн играл с Эйлой и появлялся Бруд, Ага тут же отсылала сына куда-нибудь.

Вскоре Эйла освоила язык клана, в особенности ей помогли в этом женщины. Правда, один особый знак она выучила путем собственных наблюдений. Она продолжала смотреть на людей, разве что не так явно, – не могла же она оградить себя от всего, что происходит вокруг.

Однажды она видела, как Ика играет с Боргом. Ика сделала ему знак и повторила его несколько раз. Ребенок в ответ замахал руками, подражая матери. Когда же у него это получилось мало-мальски похоже, Ика, обратив на него внимание женщин, похвалила сына. Позже Эйла видела, как Ворн подбегал к Аге и приветствовал ее тем же жестом. Даже Овра начинала беседу с Укой с такого же движения рук.

В тот же вечер Эйла тихо приблизилась к Изе и, когда та подняла на нее глаза, обратилась к ней вновь выученным жестом. У той от удивления широко раскрылись глаза.

– Креб, – начала Иза, – когда ты научил ее называть меня матерью?

– Я не учил ее этому, Иза, – ответил тот. – Должно быть, она научилась этому сама.

– Ты сама это выучила? – обратилась Иза к девочке.

– Да, мать, – повторив тот же жест, ответила она.

Эйла точно не понимала значения знака, но могла об этом догадываться. Она заметила, что этим движением дети обращаются к женщинам, которые их опекают. Хотя у нее из памяти

стерлись воспоминания о собственной матери, их не забыло ее сердце. Ту, которую девочка любила и потеряла, теперь заменила Иза.

Долго не имевшая детей женщина вдруг ощутила прилив материнских чувств.

– Дочка моя. – Иза в порыве нежности, что случалось с ней крайне редко, обняла Эйлу. – Мое дитя. С самого начала я знала, что она моя дочь, Креб. Помнишь, я говорила тебе? Она дарована мне духами, я в этом не сомневаюсь.

Креб с ней не спорил. Возможно, она была права.

После этого вечера у девочки почти прекратились ночные кошмары. Чаще всего ей снились два сна. Один о том, как она скрывается в маленькой расщелине, спасаясь от огромных острых когтей. Второй – более неопределенный и более страшный. Это было ощущение дрожащей земли и болезненное ощущение потери. Она кричала во сне на своем, уже почти забытом языке, а когда просыпалась, припадала к Изе. Поначалу Эйла почти неосознанно прибегала к родной речи, но со временем, когда освоила язык клана, странные слова слышались от нее только во сне. Постепенно они ушли и из ее снов, но после ночного кошмара у нее постоянно оставалось ощущение одиночества.

Промелькнуло короткое жаркое лето, и на смену ему пришла осень. Наступили первые утренние заморозки, напоив воздух свежестью; оделись в багряно-янтарные одежды некогда зеленевшие леса. Затяжные осенние дожди, перемежающиеся снегом, лишали деревья богатства красок, предвещая близость холодов. Чуть позже, когда на ветках удерживались лишь самые цепкие листья, словно последнее воспоминание о летнем тепле, ненадолго показывалось яркое солнышко, но вскоре суровый ветер навевал сильный холод, и с тех пор люди почти не выходили из пещеры.

В тот день клан высыпал на площадку у входа в пещеру, наслаждаясь последними лучами солнца. Женщины сеяли зерно, собранное с низлежащих степей. Резкий ветер вздымал вверх желтые листья, словно пытаясь вдохнуть жизнь в то, что осталось от летнего богатства. Женщины слегка подкидывали в мелких корзинах зерно, мякину сдувало порывами воздуха, меж тем как полноценные тяжелые зерна падали обратно на дно.

Иза стояла за спиной Эйлы и, взяв девочку за руки, обучала, как подбрасывать вверх зерно, чтобы не уронить его вместе с соломенной шелухой.

Эйла, чьей спины касался твердый, выступающий живот Изы, вдруг почувствовала его внезапный спазм, который заставил женщину замереть на месте. Вскоре Эбра с Укой отвели беременную в пещеру. Девочка стрельнула глазами в сторону мужчин, которые, прекратив разговор, проводили трех женщин взглядом. Эйла боялась, как бы тем не досталось от мужчин за то, что они бросили работу. Но мужчины, непонятно почему, отнеслись к этому благосклонно. Рискавая навлечь на себя их гнев, Эйла отправилась вслед за женщинами.

Иза отдыхала на меховой подстилке, а по обеим сторонам от нее находились Эбра и Ука. «Почему вдруг Иза разлеглась посреди дня? – подумала Эйла. – Уж не заболела ли она?» Заметив ее беспокойный взгляд, Иза жестом постаралась успокоить девочку, но Эйле от этого не стало легче, в особенности когда она увидела приемную мать во время очередной схватки.

Разговор женщин не представлял собой ничего особенного – они говорили то о запасах на зиму, то о перемене погоды. Но Эйла подметила в их жестах и знаках какую-то тревогу. «Что-то не так», – подумала она, решив про себя, что ничто не заставит ее уйти оттуда, пока она не дознается, в чем дело.

Ближе к вечеру вернулись с прогулки с детьми Ика и Ага. Чтобы подбодрить Изу, они вместе с Оуной подсели к ней. Женщины толпились у постели целительницы, а Овра с Огой тем временем сторали от любопытства. Хотя дочь Уки еще не имела своего мужчины, она уже была женщиной и знала, что в ней тоже может вырасти новая жизнь. Оге также вскоре

предстояло стать взрослой во всех отношениях, поэтому и ту и другую остро интересовало все, что происходило с Изой.

Когда Ворн увидел, что Аба подсела к дочери, у него возник вопрос, почему все женщины собрались у очага Мог-ура. Он поокочивался вокруг, после чего забрался к Аге на колени и уселся рядом со своей сестрой. Оуне пришлось посадить его к себе. Однако ничего особо интересного он не увидел: целительница просто отдыхала и все, поэтому мальчик убрался восвояси.

Вскоре и женщины стали расходиться: пора было готовить еду. С Изой осталась одна Ука, а Эбра с Огой, не отрываясь от дел, тайком наблюдали за целительницей со стороны. Эбра сначала принесла пищу Кребу и Брану, а после Уке, Изе и Эйле. Овра приготовила ужин мужчине своей матери, но, едва Грод отправился к очагу Брана, где находился также Креб, вернулась вместе с Огой к постели Изы и села рядом с Эйлой, которая за все время не двинулась с места.

Иза лишь пригубила чай, Эйла тоже была не голодна. Целительница повертела пищу, но из-за очередной судороги, сведшей живот, съесть ее не смогла. «Что же случилось с Изой? Почему она не готовит Кребу ужин? Почему Креб не призовет на помощь духов, чтобы ей стало лучше? Почему он с остальными находится у очага Брана?»

Иза тужилась сильнее и сильнее. Между схватками она едва успевала сделать несколько быстрых вдохов и вновь крепко хваталась за руки женщин. В клане никто не спал. Мужчины, собравшись вокруг вождя, казалось, обсуждали что-то важное. Однако их истинный интерес выдавали взгляды, тайком брошенные в сторону Изы. Время от времени женщины подходили к ней, чтобы проверить состояние, иногда они ненадолго задерживались. Весь клан объединился в духовной поддержке Изе, которая трудилась над рождением новой жизни.

Было уже совсем темно, когда женщины вокруг нее резко засуетились. Эбра расстелила шкуру, а Ука помогла Изе устроиться на корточках. Тяжело дыша, роженица сильно тужилась и кричала от боли. Эйла сидела рядом и тряслась, Ога и Овра сами стонали, до боли сочувствуя Изе. Наконец женщина, глубоко вздохнув и стиснув зубы, напряглась изо всех сил, и в потоке вод показалась макушка детской головки. Еще одно титаническое усилие – и голова вышла целиком. Дальше все оказалось проще, и вскоре на свет появилось мокрое, сморщенное, крошечное дитя.

Увенчало роды выплеснувшееся на землю кровавое месиво. Изможденная Иза вновь легла, а Эбра, очистив рот новорожденного ребенка от слизи, положила его на живот матери. Иза похлопала его по ножкам, и ее первенец издал свой первый громкий крик. Эбра с помощью красных сухожилий перетянула крохе пуповину и откусила ту ее часть, которая вела к детскому месту. Показав ребенка Изе, Эбра встала и пошла к своему очагу сообщить вождю, что целительница благополучно разрешилась от бремени. Сев напротив него, она преклонила голову и устремила взгляд на ямочку на своем плече.

Глава 8

– К сожалению, сообщаю, – начала Эбра с принятого жеста, выражающего огорчение, – у Изы родилась девочка.

Однако новость была воспринята без огорчения. Бран облегченно вздохнул, хотя внешне ничем себя не выдал. Все, что предложил Мог-ур относительно их сестры и в особенности Эйлы, вождя весьма устраивало, и он был не намерен ничего менять. Креб взял на себя труд по обучению новенькой девочки, и это на удивление хорошо у него получалось. Эйла познавала законы клана. Сам Креб был не просто доволен известием Эбры, он был вне себя от радости. Впервые за свою долгую жизнь он вкусил тепло и любовь семейного очага, а рождение у его сестры девочки означало, что они теперь не расстанутся. Иза же наконец могла спать спокойно. Несмотря на поздний возраст для беременности, роды прошли нормально. Она знала многих женщин, которым пришлось куда тяжелее, чем ей. Некоторым из них грозила смерть, а кое-кто умер, к тому же бывало, что дети не выживали. Ей казалось, что головки новорожденных чересчур велики для того, чтобы роды протекали нормально. Однако больше всего она боялась, что у нее родится мальчик. Для людей клана неуверенность в завтрашнем дне была хуже всего.

Иза отдыхала. Ука завернула новорожденного в пеленку из мягкого кроличьего меха и передала матери. Эйла сидела, не шевелясь и не сводя с Изы любопытного взгляда. Женщина поманила ее к себе:

– Иди сюда, Эйла. Хочешь посмотреть на малышку?

Эйла нерешительно подошла ближе.

– Да, – кивнула она.

Иза открыла ребенку личико, чтобы показать Эйле. Дитя было точной копией Изы, на головке виднелся темный пушок, а на затылке заметно выпячивался костяной холмик, который у взрослых был прикрыт густыми волосами. Головка ребенка, хотя и продолговатая, все же была немного круглее, чем у взрослых, а лоб начиная с еще неразвитых надбровных выступов был резко скошен к затылку. Эйла дотронулась до щеки малышки, и та инстинктивно обернулась, делая сосательные движения.

– Она красавица! – жестами изобразила Эйла, с восхищением пожирая глазами маленькое чудо. – Иза, она хочет что-то сказать? – осведомилась она, глядя, как кроха засучила ножками.

– Пока что нет, но скоро ты будешь вместе со мной учить ее говорить, – ответила Иза.

– Здорово. Я буду учить ее говорить. Так же, как вы с Кребом учили меня.

– Я знаю, что будешь, – сказала мать, прикрывая ребенка.

Девочка продолжала сидеть возле Изы. Эбра завернула послед в заранее приготовленную кожу и положила все в укромный уголок, чтобы Иза позднее могла его закопать в потайном месте. Если бы ребенок родился мертвым, то его бы захоронили там же и никто бы о нем не обмолвился. Сама роженица не стала бы на людях скорбеть о потере, а остальные разве что отнеслись бы к ней с большим вниманием и сочувствием.

Положение матери было бы куда обременительнее, если бы ее ребенок родился уродом или по каким-то причинам его не принял вождь клана. Ей пришлось бы либо похоронить его, либо бросить на произвол судьбы. Уродливому ребенку редко оставлялась жизнь, а в случае если это была девочка – почти никогда. Мальчика-первенца по желанию главы очага оставляли в клане на семь дней. Тот, кто выживал за это время, по закону клана получал имя и становился его полноправным членом.

Первые дни после рождения жизнь Креба висела на волоске. Роды были трудными, и его матери пришлось тяжело. Ее мужчина был вождем, поэтому участь мальчика целиком зависела от него. Однако он скорее думал о матери, нежели о ребенке, чья крупная мужская голова и

неподвижные конечности с самого начала были повреждены при родах. Сама мать, потеряв много крови, была очень слаба и находилась между жизнью и смертью. Вождь не мог потребовать, чтобы она избавилась от ребенка: на это у нее попросту не было сил. Обычно если мать не в состоянии была сделать это, то ребенок переходил в распоряжение целительницы, однако мать Креба сама была в клане целительницей. Поэтому он остался с матерью, хотя надежды на то, что он выживет, ни у кого не было.

Молоко у его матери прибывало медленно. Когда вопреки всем ожиданиям он не умер, одна кормящая женщина сжалась над ним и стала прикармливать. Вот так началась жизнь Мог-ура, святейшего из святых мужей, искуснейшего и могущественнейшего мага клана.

К Изе направлялись оба брата. Бран властным жестом отослал Эйлу прочь, и та послушно удалилась, но краем глаза продолжала наблюдать за происходящим. Иза приподнялась, раскутала ребенка и, стараясь не смотреть на мужчин, передала его Брану. Мужчины внимательно осмотрели девочку, которая, лишившись теплой пеленки, громко расплакалась. Они, в свою очередь, старались не смотреть на Изу.

– С ребенком все в порядке, – жестом заключил Бран. – Пусть остается с матерью. Если он проживет семь дней, то будет принят в клан.

Хотя Иза в этом не сомневалась, тем не менее после решения вождя ей стало спокойнее на душе. Только одно ее беспокоило. Она боялась, что дочь будет несчастна оттого, что у ее матери нет мужчины. «В конце концов, он же был жив, когда я ждала ребенка, – заключила Иза, – да и Креб заботится о нас не хуже». И больше Иза не возвращалась к этой мысли.

Следующие семь дней Иза провела у своего очага и покидала его только затем, чтобы справить нужду и захоронить детское место. Все, за исключением Эйлы и Креба, вели себя так, будто ребенка не существовало. Однако, чтобы Иза могла отдохнуть, женщины приносили ей еду и, пользуясь случаем, украдкой поглядывали на малышку. Через семь дней у Изы должно было остановиться кровотечение, а до этого на ней лежало своеобразное женское проклятие. Так же как во время месячных, ей позволялось общаться только с женщинами.

Иза все время посвящала уходу за ребенком, а если хватало сил, то занималась благоустройством очага Креба, оборудуя кухню, место для сна, приема пищи, а также уголок для хранения целительных трав. Теперь вместе с Кребом их стало четверо.

Благодаря особому положению Мог-ура в клане он занимал наиболее удобное место в пещере: достаточно близкое к выходу, чтобы мог проникать свет, но не настолько, чтобы задувал зимний ветер. Его очаг имел и еще одно достоинство, за которое Иза была благодарна Кребу. Он был защищен от сквозняков каменным выступом стены. Более открытые места, несмотря на ограждения и постоянный огонь, все же продувались сильнее. Болезнь суставов в особенности обострялась у Креба зимой, когда в пещере было сыро и холодно. Иза предусмотрела, чтобы его постель – углубление в земле, выстланное соломой и сухими листьями, которые сверху покрывались меховой шкурой, – находилась в укромном месте.

Одной из немногих обязанностей мужчин помимо охоты было сооружение некоего подобия дверей при входе в пещеру: в землю вбивались шесты, а на них натягивались шкуры. Кроме того, вход тщательно обкладывался гладкими камешками, защищавшими пещеру от снега и дождя. Полы в каждом очаге были голыми, а вместо стола и стульев использовались плетеные циновки.

Рядом с постелью Креба находились две неглубокие канавки с соломой, устланные шкурами, которые днем использовались как накидки. У Креба это была шкура медведя, у Изы – антилопы, а у Эйлы – совсем новая шкура снежного леопарда. Вместо привычных мест обитания высоко в горах он ютился недалеко от пещеры. Гув, которому улыбнулась удача, отдал добычу Кребу.

Большинство людей клана носили на себе что-либо связанное с животным, символизирующим их защитный тотем: кожу, осколок рога или клык. Креб решил, что белая шкура снеж-

ного леопарда для Эйлы будет как раз то, что надо. Хоть этот зверь и не был ее духом-защитником, но принадлежал к той же породе, что и ее тотем; к тому же Креб считал маловероятным, что охотники когда-нибудь принесут в качестве добычи пещерного льва. Без особой причины никто не стал бы посягать на такого гигантского хищника. До того как Иза вернулась к обычным делам клана, она успела очистить кожу от мездры и сделать девочке новую пару башмаков, и та с нетерпением ждала повода их надеть.

Чтобы уменьшить боли от сокращения матки и чтобы прибывало молоко, Иза заваривала себе чай из цитварного семени. Готовясь к рождению ребенка, она засушила эти продолговатые листочки с цветами еще год назад. Сменив пористую кожаную прокладку, которую носила во время месячных и после родов, Иза собралась было отправиться в лес, чтобы закопать там грязную. Она поискала девочку, чтобы та приглядела за малышкой на время отсутствия мамы.

Но Эйлы нигде не было. Она в это время искала небольшие круглые камешки у ручья. Иза как-то заикнулась, что ей не хватает камней для кипячения воды, вот девочка и решила их набрать у ручья, пока вода не замерзла. Стоя на коленях на краю берега, Эйла подыскивала гальку подходящего размера. Вдруг, подняв глаза, она заметила, как в кустах мелькнуло что-то белое. Раздвинула ветки и увидела лежавшего там маленького кролика. На его поломанной лапке запеклась кровь.

Раненый, изнемогавший от жажды зверек не мог передвигаться и пугливо озирался по сторонам. Верно, какой-то волчонок, упражняясь в охоте, ранил кролика, но поймать не смог; юный хищник собрался было броситься за ним вдогонку, но тут его кликнула мать, и поскольку тот был не слишком голоден, то оставил преследование и отправился на зов. Кролик на время затаился в кустах, но, когда уже можно было выбраться, оказалось, что он насквозь промерз и не может двигаться. Несмотря на то что рядом бежала вода, он умирал от жажды. Жизнь в нем едва теплилась.

Эйла взяла меховой комочек на руки и пригрела его. Она держала его так же, как дитя Изы, завернутое в кроличью шкурку, и детеныш кролика был для нее все равно что ребенок. Укачивая его, она села на землю и тут заметила кровь на лапке, к тому же та была неправильно изогнута. «Бедненький, – пожалела она кролика, – у тебя сломана лапка. Может, Иза ее исцелит, как когда-то исцелила мою». Позабыв о камнях, Эйла понесла раненого зверька в пещеру.

Иза слегка вздремнула, но, услышав шаги Эйлы, сразу же открыла глаза. Девочка протянула ей кролика, показывая на его рану. Иза жалела маленьких зверьков и всегда оказывала первую помощь, но никогда не приносила их в пещеру.

– Эйла, животным не положено находиться в пещере, – начала Иза.

У девочки рухнули надежды. Прижав к себе кролика и наклонив голову, она повернулась к выходу не в силах справиться со слезами.

– Ладно, – сжалившись над девочкой, сказала Иза, – раз уж ты его сюда принесла, я на него взгляну.

Эйла просияла и протянула зверька Изе.

– Он хочет пить, дай ему воды, – жестами выразила Иза.

Эйла наскоро налила в чашку воды. Целительница отщепила от куска дерева лучину и привязала к ней недавно нарезанные кожаные полоски.

– У нас вода на исходе. Эйла, сходи за водой. Потом мы приступим к лечению. Для начала нужно промыть рану. – Женщина поворошила поленья в костре и бросила туда камни.

Схватив корзинку, Эйла помчалась к пруду. Вода придавала крольчонку сил, и, когда девочка вернулась, он уже грыз зернышки.

Вернувшийся вскоре Креб был поражен, увидев Изу с ребенком, а Эйлу с крольчонком на руках. К лапке зверька была привязана щепка, а взгляд Изы говорил: «Что я могла поделать?»

Сама же Эйла была целиком поглощена живой куклой и не заметила, как Креб с Изой молча перекинулись знаками.

– Зачем она притащила сюда кролика? – спросил Креб.

– Он был ранен. Эйла хотела, чтобы я его полечила. Она не знала, что нельзя приносить зверей домой. У нее были благие намерения, Креб, думаю, у нее есть все задатки целительницы. – Иза остановилась. – Мне хотелось бы поговорить с тобой о ней. Видишь ли, она такая некрасивая девочка.

Креб посмотрел в сторону Эйлы.

– Она очень милая, хотя, ты права, внешне неказистая, – признал он. – Но при чем тут кролик?

– Кто на нее позарится? Ее не захочет ни один мужчина с достаточно сильным тотемом, потому что ему есть из кого выбирать. А что станет с ней, когда она повзрослеет? Какое у нее будет положение в клане без своего мужчины?

– Я думал об этом, но что мы можем сделать?

– Если она станет целительницей, у нее будет свое положение в клане, – предложила Иза, – а для меня она все равно что родная дочь.

– Но она совсем из другого рода, Иза. У тебя есть своя дочь, которая продолжит твое дело.

– Знаю, теперь у меня есть дочь, но почему бы мне не обучить своему ремеслу и Эйлу? Разве не я держала ее на руках, пока ты давал ей имя? Разве не ты тогда же объявил ее тотем? Значит, она и есть моя дочь. Она стала членом клана. – Иза говорила пылко, но вдруг осеклась, боясь услышать от Креба нечто неприятное. – Видишь ли, Креб, я думаю, у нее к этому делу есть способности. Она всем интересуется, все расспрашивает, когда я кого-нибудь лечу.

– Я еще не встречал никого, кто задавал бы так много вопросов, причем обо всем на свете. Ты должна ей объяснить, что это неприлично.

– Но погляди на нее, Креб. Она смотрит на раненого кролика и жаждет ему помочь. Это признак настоящей целительницы, либо я в этом ничего не смыслю.

Креб на мгновение задумался.

– То, что она стала членом клана, не меняет ее происхождения, Иза. Она рождена для Других. Она не сможет постичь то, что дано тебе. Ведь у нее нет твоей памяти.

– Зато она все быстро схватывает. Ты же сам видел. Гляди, как быстро она выучилась говорить. Уму непостижимо, сколько всего она уже знает. К тому же у нее хорошие добрые руки. Когда я накладывала щепку, она держала кролика, и тот ей доверился. – При этом Иза слегка наклонилась. – И потом, Креб, мы с тобой уже немолоды. Что будет с ней, когда нас не станет? Ты же не хочешь, чтобы она кочевала от одного очага к другому, не имея своего положения, как самая последняя женщина в клане?

Креб не раз думал об этом, но так и не пришел к определенному решению.

– Иза, ты действительно считаешь, что можешь ее обучить? – спросил он, все еще сомневаясь.

– Можно будет начать прямо с кролика. Я покажу, как нужно за ним ухаживать. Уверена, она научится. Я смогу научить ее. В конце концов, не так уж много существует разных ран и болезней, а она еще молода и может все запомнить. Наследственная память ей даже не понадобится.

– Мне нужно об этом поразмыслить, Иза, – ответил Креб.

Эйла, что-то мурлыча, качала крольчонка. Она видела, что Иза с Кребом разговаривают, и вспомнила, как Креб часто помогал Изе в целительной магии. Девочка поднесла пушистого зверька Мог-уру.

– Креб, ты не попросишь духов, чтобы они помогли кролику поправиться? – обратилась она, положив меховой комочек у его ног.

Мог-ур увидел ее искренне озабоченное личико. Ему никогда не приходило в голову обращаться к духам за исцелением животного. Хотя он считал это несколько глупым, но не мог ей отказать и, оглядевшись, быстро совершил несколько пассов.

– Теперь с ним точно будет все в порядке, – решительно заключила Эйла и, увидев, что Иза нянчит ребенка, спросила ее: – Мама, можно мне поддержать малышку?

Кролик был приятным теплым комочком, но с настоящим ребенком не сравнить.

– Вот так, хорошо, – сказала Иза, передавая ей дочку, – держи ее аккуратно, как я тебя учила.

Эйла баюкала малышку точь-в-точь как только что кролика.

– Как ты ее назовешь, Креб? – спросила она.

Иза тоже изнемогала от любопытства, но ни за что не решилась бы спросить. Они делили с Кребом один очаг, он заботился о них, и право называть младенцев, родившихся в его семье, оставалось за ним.

– Я пока что не решил. А тебе, Эйла, надо знать, что не положено задавать слишком много вопросов, – пожурил ее он, хотя ему явно пришлось по душе, что девочка доверяла его магическому дару, пусть даже речь шла о кролике. Обернувшись к Изе, он сказал: – Думаю, не будет большого вреда, если кролик побудет здесь, пока заживет лапка. Это безобиднейшее существо.

Ощувив прилив радости, Иза молчаливо согласилась. Она не сомневалась, что Креб позволит ей обучать Эйлу, хотя прямо он никогда об этом не сказал бы. Единственное, что нужно было Изе, – это убедиться, что он ее не остановит.

– Интересно, как она производит такой звук? – Сменив тему, Иза прислушалась к мурлыканью Эйлы. – Не сказать, что он неприятный, но уж очень странный.

– Это одно из отличий Других от людей клана, – жест Креба нес в себе глубокую истину, – наряду с прочими странными звуками, к которым Эйла то и дело прибегала, пока не научилась говорить правильно, и отсутствием у Других наследственной памяти.

Овра принесла им вечернюю еду. Увидев кролика, она удивилась не меньше Креба. Но глаза ее округлились еще больше, когда Эйла, отдав ребенка Изе, взяла на руки маленького зверька и стала качать, как младенца. Овра краем глаза взглянула на Креба, но тот, казалось, ничего не замечал. «Разве ж она ему мать? Надо же такое удумать – нянчить животное! Девочка, видать, малость не в себе. Уж не считает ли она, что это человек?»

Вскоре к ним зашел Бран поговорить с Кребом. Тот его уже ждал. Они удалились к общему костру, что горел у порога пещеры.

– Мог-ур, – нерешительно начал Бран.

– Да.

– Я тут кое о чем подумал. Пора провести брачную церемонию. Я решил отдать Овру Гуву, а Друк согласился взять Агу с детьми, с ними также будет жить Аба. – Бран не знал, как подступиться к вопросу о кролике.

– Я давно ждал, когда ты это сделаешь, – ответил Креб, нарочито обходя животрепещущую тему.

– Я хотел подождать. Не мог же я позволить себе обременить двух охотников, пока не закончилась охотничья пора. Когда, думаешь, лучше этим заняться? – Бран боролся с искушением взглянуть на домашний очаг Мог-ура, а Креба это даже забавляло.

– Я собираюсь вскоре дать имя дочери Изы. Можно вслед за этим провести брачную церемонию, – предложил Креб.

– Я так им и передам, – ответил Бран.

Блуждая глазами по пещере, он кидал взгляды то на сводчатый потолок, то на землю, то вглубь пещеры, то на выход – словом, куда угодно, только не на нянчившую кролика Эйлу. Приличия не позволяли ему смотреть на чужой очаг. Но с другой стороны, разве он мог узнать

о кролике, не увидев его. Бран судорожно размышлял, как завести о нем разговор. Креб терпеливо ждал.

– Что у тебя делает кролик? – быстро начал Бран, сознавая, что обстоятельства складываются не в его пользу.

Креб медленно обернулся в сторону своего семейства. Иза прекрасно понимала, что происходит. Она была занята своим ребенком и надеялась, что ее не будут отрывать от дел. Эйла, причина раздора, вообще ничего не замечала вокруг.

– Это безобидное животное, Бран, – отозвался Креб.

– Но откуда оно взялось в пещере? – не унимался вождь.

– Его принесла Эйла. У него сломана лапка, и девочка хотела, чтобы Иза его исцелила, – ответил Креб как ни в чем не бывало.

– Никто никогда не приносил животных в пещеру, – не унимался Бран, начиная раздражаться оттого, что не может привести более веского довода.

– От него никакого вреда. И он здесь надолго не задержится, только пока заживет лапка, – веско заметил Креб.

У Брана не было основательной причины настаивать, тем более что кролик находился в пределах семейного очага Мог-ура. Обычаи не запрещали держать в пещере животных, но никто еще до этого не додумался. Да и дело было не в кролике, а в Эйле. Брана пугала ее непредсказуемость. А ведь она была еще ребенком. Он не мог себе представить, чего ждать от нее, когда она вырастет. Бран не имел понятия, как с ней обращаться, и даже не знал, как поделиться своими сомнениями с Кребом. Ощущая недовольство брата, Мог-ур выдвинул еще один довод в пользу кролика.

– Во время Сходбища клан-хозяин держит у себя в пещере медвежонка, – напомнил он Брану.

– Это совсем другое дело. Ведь это Урсус. Его готовят к празднеству. Медведи стали жить в пещерах раньше людей, а кролики в пещерах не живут.

– Но медвежонка тоже туда приносят.

Бран не нашелся что ответить. Не будь в клане Эйлы, этот вопрос не возник бы вообще. Но в словах Кребра был определенный смысл, и вождь, поняв зыбкость своих возражений, решил оставить тему в покое.

День, предшествующий церемонии наречения, выдался солнечным и холодным. У Кребра уже начало ломить ноги, предвещая приближение непогоды. Пока не зарядил снег, он решил насладиться прогулкой вдоль ручья, прихватив с собой Эйлу. Девочке очень хотелось обновить свои башмачки, которые Иза только что смастерила из шкуры зубра. Очистив шкуру от мездры и пропитав для непромокаемости жиром, женщина выкроила из нее два круга, пробила по контуру дырочки, вставила в них бечевки и затянула по ноге девочки мехом внутрь.

Эйла гордо вышагивала в новых башмачках подле Кребра. Поверх нижней накидки она надела новенькую шкуру снежного леопарда, а на голову – целую шкурку кролика, лапки которого служили ей завязками. Девочка то забегала вперед, то возвращалась назад. Креб шел медленно. Каждый из них был занят собственными мыслями.

Креб думал, как назвать дочь Изы. Он любил сестру и хотел, чтобы имя понравилось ей. «Но только не в честь родных ее мужчины», – решил он. Вспомнив о мужчине Изы, Креб ощутил дурной привкус во рту. Жестокость негодяя приводила его в бешенство, но было и кое-что другое, чего не мог простить ему Мог-ур. Будучи еще мальчишкой, он однажды назвал Кребра бабой за то, что тот не мог охотиться. И только страх перед могуществом Мог-ура удержал его от дальнейших насмешек. «Хорошо, что у Изы родилась девочка, – думал Креб. – Рождение мальчика было бы для него слишком большой честью».

Но больше эта сволочь не будет путаться на пути у Креба. Не без удовольствия Мог-ур перенесся мыслями к семейному очагу, в котором занимал теперь положение мужчины-кормильца, чем стяжал себе еще большее уважение со стороны других мужчин. Теперь он проникся интересом к охоте и охотничьим церемониям, поскольку от него требовалось обеспечивать пропитанием подопечных.

«Да и Иза стала счастливее», – отметил про себя Креб, вспомнив, каким вниманием и заботой окружила его сестра. Она во всех отношениях, кроме одного, стала его женщиной. Ближе ее у него никого не было. Эйла не переставала радовать его. Обучая ее, он всякий раз открывал в ней новые способности, и его охватывал азарт учителя, имеющего дело с блестящим и пытливым учеником. Малютка тоже приносила ему массу счастливых переживаний. Держа ее на руках и глядя на неустанно шевелящиеся ручки и блуждающие по сторонам глазки, он не мог постичь одного: как из этого маленького чуда вырастает взрослая женщина.

«Она продолжит ветвь Изы», – рассуждал он. Их мать была самой прославленной целительницей клана. К ней приходили люди из других племен, она их исцеляла или давала снадобья. Иза была не менее известна, и ее дочь имела все возможности стать достойной наследницей древней и выдающейся ветви целительниц.

В своих размышлениях Креб невольно вспомнил о матери их матери. Она всегда была к нему ласкова и добра, а когда родился Бран, заботилась о нем больше, чем мать. Она тоже славила искусством врачевания и как-то исцелила чужака. «Жаль, Иза не застала ее в живых». Тут Креб остановился. «Вот же оно! Я назову ребенка ее именем», – обрадовался он.

После этого Креб переключился на брачную церемонию. Перед ним предстал образ его помощника, тихого и серьезного Гува, которого Мог-ур очень любил. Его тотем, Зубр, был достаточно силен для Бобра Овры, поэтому не стоило беспокоиться, что она не сможет иметь детей. Овра была работающей женщиной и никогда не вызывала нареканий, а Гув – хорошим охотником, он сумел бы ее обеспечить. Из них получится хорошая пара.

«Но станет ли он когда-нибудь могущественным Мог-уром?» – спросил себя Креб и отрицательно покачал головой. Он понимал, что Гув никогда не сможет достичь его могущества. Для этого Кребу пришлось пожертвовать всеми земными радостями и сосредоточить все усилия на развитии сверхъестественных способностей. Только благодаря этому он стал Мог-уром, который управлял сознанием Мог-уров других кланов на священной церемонии Сходбища кланов. А иметь дело с искушенными шаманами было далеко не то же самое, что с мужчинами своего клана. Креб уже подумывал о следующем Сходбище, хотя до него было далеко: они собирались раз в семь лет, а последнее состоялось за год до их поселения в новой пещере. «Если я до него доживу, оно для меня будет последним», – вдруг осознал Креб.

Он вновь вернулся мыслями к брачной церемонии, на сей раз касающейся Друка и Аги. Друк был опытным охотником и давно доказал свою доблесть. А как инструментальный мастер он не знал себе равных. Он был таким же угрюмым и серьезным, как и Гув, сын его погибшей женщины. Они с парнем вообще во многом походили друг на друга, и это давало Кребу повод думать, что Гува зачал дух тотема Друка. У той пары были удивительно теплые отношения, которые Друку вряд ли когда-нибудь удалось бы возродить вместе с Агой. Но одинокие люди нуждались в спутнике жизни, и Ага уже доказала свою плодовитость, поэтому все говорило за то, чтобы они жили вместе.

Вдруг дорогу Кребу и Эйле перебежал кролик. Девочка вспомнила о раненом зверьке в пещере и вернулась мыслями к тому, о чем думала все это время, – к ребенку Изы.

– Креб, а как ребенок попал внутрь Изы? – спросила она.

– Женщина поглощает дух мужского тотема, – ответил Креб, все еще погруженный в собственные мысли. – Он сражается с духом ее тотема и если побеждает, то оставляет в ней частицу себя для зарождения новой жизни.

Эйла огляделась, удивившись вездесущности духов. Правда, ни одного поблизости не заметила, но поверила Кребу на слово.

– А дух любого мужского тотема может попасть внутрь женщины? – продолжала допытываться она.

– Да, но одолеть его может только тот, который сильнее. Иногда тотем мужчины обращается за помощью к другому тотему и позволяет ему оставить свою сущность. Однако чаще всего это делает дух тотема мужчины, который делит с ней кров, – он к ней ближе всех, хотя часто сам нуждается в помощи. Если мальчик имеет тот же тотем, что и мужчина матери, это значит, что ребенок будет счастливым.

– Дети бывают только у женщин? – не унималась Эйла.

– Да, – кивнул он.

– Чтобы у женщины были дети, ей нужно иметь своего мужчину?

– Нет, бывает, она поглощает мужской дух до брачной церемонии. Но если до рождения ребенка она не обретет своего мужчину, значит ребенок будет несчастным.

– А я могу иметь детей? – В вопросе звучала надежда.

Креб подумал о ее сильном тотеме. Он был чрезвычайно жизнеспособен. Даже с помощью другого духа вряд ли удалось бы его сломить. «Скоро она сама это поймет», – решил он.

– Тебе рано еще знать об этом, – уклонился он от ответа.

– А когда будет не рано?

– Когда станешь женщиной.

– А когда я стану женщиной?

Кребу казалось, что ее вопросам не будет конца.

– Когда дух твоего тотема вступит впервые в борьбу с другим духом, у тебя появится кровотечение. Это знак того, что его ранили. Частица сражавшегося духа останется внутри тебя, чтобы подготовить твоё тело к будущему зачатию. У тебя начнут расти груди, появятся другие изменения. После этого твой дух будет постоянно вступать в борьбу с другими. Когда же в положенное время кровотечение не наступит, значит дух, который ты заглотила, покорил твой дух и зачал новую жизнь.

– А когда именно я стану женщиной?

– Вероятно, когда семь или восемь раз зима сменит лето. Обычно девочки становятся женщинами уже к семи годам.

– И сколько до этого ждать? – настаивала она.

Терпеливый Креб глубоко вздохнул:

– А ну-ка иди сюда, я попробую тебе объяснить.

Он поднял посох и вынул из кармана нож. У него не было уверенности, что она поймет, но он надеялся предотвратить ее дальнейшие расспросы.

Для людей клана числа представляли собой непостижимую отвлеченную реальность. Большинство не могли мыслить дальше трех: ты, я и кто-то еще. Однако это никоим образом не характеризовало их ум. Так, к примеру, Бран мгновенно сознавал, что среди двадцати двух соплеменников кого-то не хватает. Для этого ему стоило только подумать о каждом из них, что он делал невероятно быстро и совершенно бессознательно. Но постичь смысл того, что значит «один», мало кому давалось. «Как этот человек может быть „один“ и в то же время другой может быть „один“?» Этот вопрос возникал едва ли не у каждого.

Неспособность к отвлеченному и обобщенному мышлению распространялась и на другие области жизни. В клане все имело свои имена. Они знали дуб, иву, сосну, но не соединяли их в одно понятие: у них не существовало слова «дерево». Разные почвы, камни, даже мокрый и сухой снег – все имело свое название. Люди клана могли себе это позволить благодаря богатой памяти и способности постоянно пополнять ее, практически ничего не забывая. Язык у них пестрел всякого рода оттенками и описаниями, но начисто был лишен отвлеченных понятий.

Абстракция была чужда самой природе и обычаям людей клана, а также пути, по которому шло их развитие. И если в силу жизненной необходимости требовалось чему-то вести счет, как то: времени между Сходбищами кланов, возрасту соплеменников, длительности обособленного положения после брачной церемонии и первым семи дням от рождения ребенка, – они целиком полагались на Мог-ура.

Креб сел, плотно прижав посох ногой к скале.

– Иза говорит, что ты немного старше Ворна, – начал он, – а Ворн прожил год рождения, год хождения, год пестования и год, когда его оторвали от груди, – пояснил он, делая за каждый год по отметине на палке. – Для тебя мне нужно добавить еще одну царапину. Вот сколько тебе сейчас лет. Если я приложу к каждой отметине по пальцу, мне хватит для этого одной руки. Видишь?

Вытянув пальцы, Эйла сосредоточенно смотрела на царапины. Вдруг лицо ее прояснилось.

– Значит, мне столько лет! – радостно объявила она, показав ему свои пять пальцев. – А сколько мне осталось до того, как у меня будет ребенок? – спросила она, интересуясь больше вопросом продолжения рода, нежели счетом.

Креб был потрясен. Как ей так быстро удалось схватить его мысль! Она даже не спросила, зачем насечки нужны под пальцами и какое отношение те и другие имеют к годам. Чтобы втолковать это Гуву, пришлось не один раз возвращаться к началу. Креб сделал еще три царапины на палке. Имея в наличии всего одну руку, он сам осваивал следующее действие с трудом. Эйла посмотрела на свою левую руку и тут же, зажав большой и указательный пальцы, вытянула три остальных.

– Значит, когда мне будет столько? – растопырив все восемь пальцев, спросила она.

Креб кивал в знак подтверждения. Но то, что за этим последовало, изумило его еще больше. Самому Мог-уру пришлось для этого упражняться не один год. Она опустила правую руку и оставила вытянутыми три пальца левой.

– А через столько лет я стану взрослой и смогу иметь детей, – уверенная в своем заключении, заявила она.

Шаман был поражен до глубины души. Немыслимо, чтобы ребенок, к тому же девочка, смог так легко дойти до этого! Он был так потрясен, что едва не забыл предупредить о возможной неточности предсказания.

– Вероятно, это произойдет не так рано, а, скажем, через столько или даже через столько лет. – И он нацарапал еще две черточки. – А может, и еще позже. Точно не знает никто.

Эйла, разжав большой и указательный пальцы, слегка нахмурилась.

– А как мне знать, когда мне станет еще больше лет? – осведомилась она.

Креб подозрительно посмотрел на нее. Она касалась области, которая даже для него самого представляла трудности. И он уже начал жалеть, что затеял данный разговор. Бран вряд ли бы пришел в восторг, узнав, что девочке ничего не стоит овладеть магией цифр – магией, доступной одним Мог-урам. Но Креб раздирало любопытство, окажется ли следующее действие по зубам этому ребенку.

– Приложи все свои пальцы поверх насечек, – велел он ей. После того как она это сделала, он нанес еще одну царапину и прикрыл ее своим мизинцем. – Когда у тебя кончатся пальцы, тебе нужно будет представлять на этом месте палец другого человека, затем два его пальца и так далее. Поняла?

Девочка напряженно думала. Она взглянула на свои пальцы, затем на пальцы Мог-ура – и неожиданно расплылась в счастливой улыбке и отчаянно закивала головой. После этого она на радостях кинулась к Кребу и сильно стиснула его в объятиях.

– А потом в ход пойдут пальцы кого-то еще, а потом кого-то еще, – сказала она.

Для Креба это был настоящий удар. Голова у него шла кругом. Он сам с трудом мог считать до двадцати, а все, что было выше, именовалось неопределенным «много». И то, что с такой легкостью постигла Эйла, являлось ему как озарение в течение глубоких медитаций. Неожиданно осознав, какая огромная пропасть лежит между его разумом и разумом этой девочки, он не мог прийти в себя, поэтому не сразу кивнул в ответ на ее вопрос.

– Скажи мне, как это называется? – Чтобы сменить тему, он взял в руку посох.

– Ива, – ответила она, – кажется.

– Правильно, – подтвердил Креб. Он положил руку ей на плечо и, глядя прямо в глаза, произнес: – Эйла, будет лучше, если о нашем разговоре ты никому не расскажешь. – Он указал на отметины на деревяшке.

– Хорошо, Креб, – согласилась она, чувствуя, как это для него важно.

Она научилась понимать движения его души лучше, чем кто-либо другой, если не считать Изы.

– Пора возвращаться, – сказал он. Ему хотелось побыть одному и все обдумать.

– Неужели уже пора? – взмолилась она. – Здесь так чудесно!

– Да, но мы уходим. – И, оперевшись на посох, он встал. – А упрашивать мужчину, когда он принял решение, нехорошо, Эйла, – пожурил ее он.

– Да, Креб, – ответила она, склонив голову, как примерная ученица.

Поначалу они шли рядом, но вскоре неумная энергия Эйлы дала о себе знать, и она стала бегать туда-сюда, между делом поднимая с земли палки и камешки и упражняясь в их названии. Он отвечал ей безотчетно, с трудом справляясь с сумятицей, царившей у него в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.